

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ «ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ»

Председатель совета серии

В. И. Молодин, акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев, д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев, канд. ист. наук, доцент (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола, д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек, д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц, д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик, д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)

А. П. Деревянко, акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер, д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Н. Л. Жуковская, д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН – зав. Центром азиатских и тихоокеанских исследований; Россия)

О. Д. Журавель, д-р филол. наук, доцент (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Импости, д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич, д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Польша)

С. М. Коткин, д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ока Хироки, д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Сэндай, Япония)

Г. Парцингер, д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)

Х. Плиссон, д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон, д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд, д-р истории, профессор (Уэслианский университет, Мидделтаун, США)

И. В. Силантьев, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун, д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм, д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ВЫПУСКА «АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ»**

Ответственный редактор

А. И. Кривошапкин, д-р ист. наук, проф. РАН (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

Ответственный секретарь

Л. А. Бобров, д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

Н. Н. Крадин, чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, Россия)

Р. М. Краузе, д-р истории, проф. (Университет Франкfurта-на-Майне им. И. В. Гёте, Германия)

Б. Е. Кумеков, акад. Национальной академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан)

Л. В. Лбова, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

А. Наглер, д-р истории (Германский археологический институт, Берлин, Германия)

З. Самашев, д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан)

К. Ш. Табалдиев, канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Кыргызстан)

Е. Ф. Фурсова, д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Т. Хайм, д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

С. Хансен, д-р истории, проф. (Германский археологический институт, Германия)

Я. Хохоровский, д-р исторических наук, проф. (Институт археологии Ягеллонского университета, Краков, Польша)

Ю. С. Худяков, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

Сукбэ Чжун, д-р истории, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея, Пуё, Республика Корея)

**ADVISORY BOARD OF ACADEMIC JOURNAL
«VESTNIK OF NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY.
SERIES: HISTORY, PHILOLOGY»**

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief editor of the series

A. S. Zuev, Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive secretary of the series

S. G. Skobelev, Candidate of Historical Sciences, Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Kh. A. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B. Viola, Doctor in History, Professor (University of Toronto, Canada)

E. E. Voytishchik, Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

T. Glantz, Doctor in Philology, Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

A. V. Golovnev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

A. E. Demidchik, Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)

A. P. Derevyanko, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

J. Joubert, Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)

O. D. Zhuravel', Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

G. E. Imposti, Doctor in Philology, Professor (University of Bologna, Italy)

A. K. Kiklevich, Doctor of Philological Sciences, Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

S. M. Kotkin, Doctor in History, Professor (Princeton University, United States)

V. A. Lamin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki, Doctor in History, Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

H. Parzinger, Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

H. Plisson, Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong, Doctor in Archaeology and Anthropology, Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

P. Rutland, Doctor in History, Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

- I. V. Silantev*, Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Tang Chung*, Doctor in History, Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)
- T. Higham*, Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- Yu. V. Shatin*, Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE «ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY»

Executive Editor

- A. I. Krivoschapkin*, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

- L. A. Bobrov*, Doctor of Historical Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- N. N. Kradin*, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Far Eastern nations of Far East Branch of the Russian Academy of Science, Far East Federal University, Vladivostok, Russian Federation)
- R. M. Krause*, Doctor in History, Professor (Goethe University of Frankfurt, Germany)
- B. E. Kumekov*, Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences, Professor (L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)
- L. V. Lbova*, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- A. Nagler*, Doctor in History (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)
- Z. S. Samashev*, Doctor of Historical Sciences, Professor (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences, Republic of Kazakhstan)
- K. Sh. Tabaldiev*, Candidate of Historical Sciences, Professor (Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan)
- E. F. Fursova*, Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- T. Higham*, Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- S. Hansen*, Doctor in History, Professor (German Archaeological Institute, Germany)
- J. Chochorowski*, Doctor of Historical Sciences, Professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
- Yu. S. Khudyakov*, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Suk-Bae Jung*, Doctor in History, Professor (Korean National University of Cultural Heritage, Buyeo, Korea)

ВЕСТНИК НГУ

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: История, филология

2018. Том 17, № 5:
Археология и этнография

СОДЕРЖАНИЕ

Преподавание археологии в вузах

- Комиссаров С. А., Соловьёва Е. А., Табарев А. В., Соловьёв А. И.* Основные этапы древней истории Японии (материалы к учебному курсу «Археология зарубежной Азии») 9

История и теория науки, новые методы исследований

- Деревянко А. П., Азаренко Ю. А., Комиссаров С. А.* Культура Чанбинь на Тайване: история изучения и основные характеристики 21
- Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Малоизвестные версии о покорении Сибири Ермаком в сочинениях европейцев XVII–XVIII веков в российских публикациях 30
- Горохов С. В., Бородовский А. П.* Локализация Абаханского зимовья и Уеньского городища по данным из путевого дневника И. Г. Гмелина 37

Археология и антропология Евразии

- Шуныхов М. В., Козликин М. Б.* Среднепалеолитические комплексы Денисовой Пещеры: новые данные 50
- Акимова Е. В., Харевич В. М., Ваишков А. А., Стасюк И. В.* Каменные индустрии рубежа плейстоцена – голоцена в долине Среднего Енисея (по материалам стоянки Бюза II) 58
- Рыбин Е. П., Славинский В. С., Хаценович А. М., Белоусова Н. Е.* Преднамеренная фрагментация пластин как специфический прием в технологии начального верхнего палеолита стоянки Кара-Бом (Горный Алтай, Россия) 72
- Кукушкин И. А.* Мировоззрение и традиции населения андроновской историко-культурной общности (по данным погребальной обрядности) 87
- Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Швецова Е. С.* Материалы тюркского времени на памятнике Венгерова-2 (Барабинская лесостепь) 99
- Артемова Н. Г.* Новый чжурчжэньский могильник в Приморье 109
- Балюнов И. В.* Тобольская керамическая посуда конца XVI – XVII века: опыт классификации 120
- Худяков Ю. С.* Железные копье и наконечники стрел из коллекции середины XIX века из Западной Сибири, Алтая и Казахстана 130

<i>Кишкурно М. С.</i> Одонтологическая характеристика антропологической серии из могильника раннего железного века Верх-Сузун-5 с территории Новосибирского Приобья	137
---	-----

Этнография народов Евразии

<i>Васеха М. В.</i> «Крестьянка грамотная»: ликбез в Западной Сибири и конструирование нового паттерна женского поведения в 1920-е годы	150
---	-----

Научная информация

<i>Бородовский А. П., Скобелев С. Г.</i> Первая Международная научная конференция «Религия, культура и технологии» (Иран; Тегеран и Кум, 24–28 апреля 2018 года)	161
--	-----

Список сокращений	165
Сведения об авторах	167
Информация для авторов	169

VESTNIK NSU

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: History and Philology

2018. Volume 17, no. 5:
Archaeology and Ethnography

CONTENTS

Teaching of Archaeology in High Schools

- Komissarov S. A., Solovieva E. A., Tabarev A. V., Soloviev A. I.* The Main Stages of the Ancient History of Japan (Materials for Educational Course «Archaeology of Overseas Asia») 9

History and Theory of a Science, New Methods of Researches

- Derevianko A. P., Azarenko Yu. A., Komissarov S. A.* Changbin Culture on Taiwan: History of Investigations and Basic Characteristics 21
- Borisenko A. Yu., Khudyakov Yu. S.* The Little Known Version about Conquest of Siberia by Ermak in the Works of European of the End 17th – 18th Centuries in the Russian Publications 30
- Gorokhov S. V., Borodovskiy A. P.* Localization of the Abakhanskoe Zimovie and the Uenskoe Fortress According to the Data of J. G. Gmelin's Itinerary 37

Archaeology and Anthropology of Eurasia

- Shunkov M. V., Kozlikin M. B.* Middle Palaeolithic Assemblages from Denisova Cave: New Data 50
- Akimova E. V., Kharevich V. M., Vashkov A. A., Stasyuk I. V.* Stone Industry of Pleistocene – Holocen in the Middle Yenisey Valley (Based on Byuza II Materials) 58
- Rybin E. P., Slavinsky V. S., Khatsenovich A. M., Belousova N. E.* Intentional Fragmentation as a Specific Initial Upper Paleolithic Technology at the Kara-Bom Site (Mountain Altai, Russia) 72
- Kukushkin I. A.* World View and Traditions of the Population of the Andronovo Historical and Cultural Community (According to the Funeral Rites) 87
- Molodin V. I., Mylnikova L. N., Nesterova M. S., Shvetsova E. S.* New Materials of the Ancient Turkic Epoch on Settlement of Vengerovo-2 (Baraba Forest-Steppe) 99
- Artemieva N. G.* A Recently Discovered Jurchen Burial Ground in Primorye 109
- Balyunov I. V.* Tobolsk's Crockery at the End of the 16th – 17th Centuries: Experience of Classification 120
- Khudyakov Yu. S.* An Iron Spear and Arrow Tips in the Collection of Middle 19th Century Found in Western Siberia, Altai Mountains and Kazakhstan 130
- Kishkurno M. S.* Odontological Characteristics of the Anthropological Series from the Early Iron Age Burial Ground Verkh-Suzun-5 from the Novosibirsk Ob Region 137

Ethnography of the Peoples of Eurasia

<i>Vasekha M. V.</i> «Peasant Literacy»: Educational Program in Western Siberia and the Construction of a New Pattern of Female Behavior in the 1920's	150
--	-----

Scientific Information

<i>Borodovsky A. P., Skobelev S. G.</i> First International Conference On Religion, Culture and Technology	161
--	-----

List of Abbreviations	165
-----------------------	-----

Our Contributors	167
------------------	-----

Instructions to Contributors	169
------------------------------	-----

УДК 903(=521)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-5-9-20

С. А. Комиссаров^{1,2}, Е. А. Соловьёва², А. В. Табарев², А. И. Соловьёв²

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

sergai@mail.ru, easolovievy@mail.ru, olmec@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЯПОНИИ (МАТЕРИАЛЫ К УЧЕБНОМУ КУРСУ «АРХЕОЛОГИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ»)

С учетом главной задачи данной публикации – обеспечение учебного процесса, авторы обзора ориентировались, прежде всего, на авторитетные обобщающие издания, концепции и выводы которых прошли необходимую апробацию и были поддержаны большинством представителей научного сообщества. Основные проблемы японской археологии, которые интенсивно исследуются в литературе, таковы: хронология заселения островов человеком; поиск наиболее ранних памятников эпохи палеолита; появление ранней керамики в контексте археологии Северо-Восточной Азии; зарождение земледелия и развитие металлургии бронзы и железа; семантика фигурок *догу* и *ханива*; атрибуция «культуры всадников»; маршруты древних миграций и т. д. В итоге предпринятый обзор древнего прошлого Японии наглядно показал, что изоляция островного населения носила относительный характер. На протяжении многих тысячелетий оно вступало в контакты с носителями различных материковых и островных культур, интенсивное общение с которыми и привело к формированию японского этноса.

Ключевые слова: Япония, поздний палеолит, Дзёмон, Яёй, Кофун, фигуры *догу* и *ханива*.

В настоящее время в странах Зарубежной Азии, в частности в Японии, особое и все возрастающее внимание уделяется изучению и сохранению собственного исторического наследия. И хотя в условиях плотной жилой и хозяйственной застройки остается совсем немного земельных участков, пригодных для исследования археологическими методами, каждый год витрины столичных и провинциальных музеев пополняются все новыми материалами, полученным в ходе раскопочных работ. Актуальность данных исследований связана с необходимостью детальной реконструкции особенностей древних бесписьменных периодов в жизни страны. Собственно с этим же связан и интерес отечественных специалистов, которые, в свою очередь, получают новый материал для размышления о культурно-исторических связях древнего населения Северной Азии с очагами древнейших цивилизаций Востока и их возможной роли в формировании некоторых характерных черт местных культурных образований. Положительным моментом здесь служит высокая традиционность японского общества, сохранившего в условиях урбанизации и современного индустриального развития многие черты архаичного мировоззрения и жизненного уклада, которые находят параллели в истории и культуре коренного населения нашей страны. Свою цель авторы публикации видят в знакомстве студенческой аудитории с основными вехами древней бесписьменной истории населения Японских островов, что может стать заметной составной частью учебного процесса. Отсюда формируются и задачи, стоящие перед коллективом публикации, из целого круга

Комиссаров С. А., Соловьёва Е. А., Табарев А. В., Соловьёв А. И. Основные этапы древней истории Японии (материалы к учебному курсу «Археология зарубежной Азии») // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 5: Археология и этнография. С. 9–20.

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Том 17, № 5: Археология и этнография

© С. А. Комиссаров, Е. А. Соловьёва, А. В. Табарев, А. И. Соловьёв, 2018

которых вытекают первоочередные – знакомство читателей со сложившейся в отечественной и зарубежной науке на данном этапе системой историко-культурного членения древностей региона «дописьменных» периодов и первичная визуализация представляемой информации.

Изучению истории Японии по данным археологии посвящена обширная литература, охватить которую полностью, наверно, невозможно. С учетом учебного характера представленного обзора авторы при его составлении ориентировались на авторитетные обобщающие издания, концепции и выводы которых прошли необходимую апробацию и были поддержаны большинством представителей научного сообщества [Деревянко, 1986; Сайто Тадаси, 1995; Keiji Imamura, 1996; Mizoguchi Koji, 2002; 2013; Мещеряков, Грачёв, 2002; Habu Junko, Okamura Katsuyuki, 2017]¹. К этому ряду, к сожалению, не может быть отнесен перевод книги Дж. Э. Киддера-младшего [2003], которая пользуется определенной популярностью у читателей; к столь печальному выводу нас приводит не только ее солидный возраст (первое издание в 1959 г., последние правки в 1966 г.), но и допущенные автором неточности в изложении и анализе материала².

Заселение Японии человеком произошло в эпоху позднего палеолита. В перспективе не исключены находки более ранних памятников (среднего палеолита). На это указывают находки на стоянках Ивадзюку и Гонгэнъяма (преф. Гумма), именно с них в 1949 г. началось изучение японского палеолита [Деревянко, 1984]. Всего к настоящему времени зафиксировано свыше 10 тыс. палеолитических местонахождений, которые большинством специалистов делятся на два периода (см.: [Habu Junko, 2014; Ono Akira et al., 2002]). Первый из них – 35–29 тыс. л. н. (на основании калиброванных дат по радиоуглероду); в каменной индустрии присутствовали трапециевидные отщепы с ретушью, рубящие орудия с частичной пришлифовкой лезвия, позднее распространились пластины и пластинки с притупленной спинкой, ножевидные изделия на пластинах и ретушированные наконечники. Во втором периоде – 29–16 тыс. л. н., продолжалось развитие пластинчатых технологий, широко использовались ножевидные изделия и наконечники, появлялись различные варианты микропластинчатой техники. Ранние находки (около 22 тыс. л. н.) клиновидных микронуклеусов (тип *ранкоси*) зафиксированы на памятнике Касивадай-1 (о. Хоккайдо). Они сопровождались набором орудий (концевые и боковые скребки, скребла, трансверсальные резцы, наконечники, тесла, топоры).

Население эпохи палеолита вело комплексное охотничье-собираческое хозяйство, особую роль играло рыболовство, в первую очередь сезонный промысел лососевых. В бескерамическом слое пещерного памятника Сакитари (о. Окинава) найдены древнейшие в мире (около 23 тыс. л. н.) крючки для ловли рыбы, изготовленные из раковин морских улиток. Люди жили как в легких наземных шалашах, так и в полупещерах, использовали водный транспорт для достижения отдельных островов (в частности, для добычи обсидиана). Отмечены образцы искусства – бусы и подвески из мягких сортов камня, каменные антропоморфные фигурки (например, на стоянке Ивата, с датой 18 тыс. л. н.).

К древнейшим памятникам искусства на Японских островах (22 тыс. л. н.) относится вырезанная из сланца женская фигурка, найденная на стоянке Мимитори (преф. Кагосима). С позднего палеолита известны также бусы, подвески, изображения, интерпретируемые как фаллические, из мягких сортов камня. В пещере Камикуроива (преф. Эхимэ) обнаружено 13 галек с гравированными женскими фигурами (около 12 тыс. л. н.).

Несмотря на плохую сохранность органики из-за высокой кислотности почв, на 10 местонахождениях зафиксированы антропологические материалы. Наиболее древние останки четырех особей *Homo sapiens sapiens* найдены в каменоломне Минатогава (о. Окинава); даты по радиоуглероду составляют 19,9 и 21,8 тыс. л. н. Существует несколько гипотез о путях первоначального заселения архипелага: с севера через Сахалин, с юга – по цепи островов Рюкю, с учетом последующих миграционных волн, использовавших иные маршруты. Так,

¹ См. также обзоры и аналитические статьи по археологии Японии на персональном сайте проф. Ч. Т. Килли (Ch. T. Keally). URL: <http://www.t-net.ne.jp/~keally/keally.html>

² См. критическую рецензию Хаяси Кенсаку [Hayashi Kensaku, 1968].

появление индустрии микропластин связано с технологическими импульсами с территории Корейского полуострова.

Окончание палеолитической эпохи в Японии связывают с появлением керамической посуды, одной из древнейших в мире. Известно более 100 памятников с фрагментами сосудов, датированных 15–13 тыс. л. н., самые ранние – 46 фрагментов, вероятно, одного сосуда, найденных на поселении Одай Ямамото (преф. Аомори), с AMS-датами около 13 800 л. н. (с учетом калибровки 16 500–16 000 л. н.)³.

Переход от палеолита к неолитической эпохе Дзёмон происходил постепенно [Nabu Junko, 2004; Kobayashi Tatsuo, 2004]. Принято выделять шесть периодов, которые делятся на фазы по керамическим типам; вместе они охватывают огромный временной промежуток – примерно от 15 тыс. л. н. (начальный Дзёмон) до 2,5 тыс. л. н. (финальный Дзёмон). Одна из главных культурных характеристик – лепная керамика, представленная горшковидными и баночными сосудами, плоско- или остродонными, с орнаментом, нанесенным оттисками веревки. Базовые формы имели много вариантов и модификаций, подчас довольно вычурных (рис. 1, 1, 2), как и глиняные фигурки *догу* (рис. 1, 3) – другая характерная черта дзёмонских памятников [Kaner, Bally, 2009] (см. также: [Соловьева и др., 2010]). Всего найдено около 20 тыс. *догу* высотой от 2,7 до 45 см (крупные фигурки – в основном поздние) – антропоморфных и (реже, позднее) зооморфных (собаки, кабаны, черепахи, рыбы и др.), в виде раковин. Древнейшие *догу* (примерная дата 10 000 лет до н. э.) – схематичные, плоские; начиная с 4 000 лет до н. э. они стали объемными, с выделенными частями тела; около 3 000 лет до н. э. появилась моделировка лица, резной и веревочный орнамент (треугольники, круги, спирали, меандры). Для финального периода эпохи Дзёмон характерны полые фигуры «в снежных очках» (рис. 1, 4) [Андоу Мисао, 2011]. Вероятно, *догу* изображали местных духов; женские фигурки с подчеркнутыми признаками пола часто находили вместе с каменными фаллическими жезлами-*сэкибо* и связывали с культом плодородия.

Хозяйство создателей культуры Дзёмон основывалось на собирательстве, охоте и рыболовстве. Главными промысловыми животными были олень, кабан (до 90 % всех костей на памятниках раннего и начального этапов), реже – бурый медведь, енот и др., а также морские млекопитающие и птицы. Обнаружено около 3 тыс. раковинных куч той эпохи, в пищу употреблялось до 350 видов моллюсков. В среднем периоде основным видом деятельности стало рыболовство, с региональной специализацией. Так, в районе Канто преобладало рыболовство во внутренних водоемах, в Тохоку – глубоководный промысел, на Хоккайдо добавлялась охота на морских животных. Развитие рыболовства и собирательства моллюсков приводило к большей оседлости и появлению постоянных поселков.

В начальном периоде эпохи Дзёмон появились первые формы земледелия. Среди находок встречались каменные зернотерки и песты, семена тыквы, гороха и проса. В среднем периоде началось возделывание гречихи, а всего в пищу употреблялось около 40 видов растений.

В зависимости от местности, сезона или рода занятий население могло проживать в полужилищах и наземных домах (рис. 1, 5, 6) или в пещерах. Поселения представлены жилищами, расположенными по дуге, параллельно которым размещены раковинные кучи (миддены). Например, селение Таканэкидо (преф. Чибо) среднего периода эпохи Дзёмон состояло из 70 полужилищ, овальных либо прямоугольных в плане. На поселении Тогарииси (преф. Нагано) более 20 домов располагались попарно по прямой. Наземные жилища впервые найдены на памятнике Сидзимидзука (поздний Дзёмон) на юге Хонсю; их стены складывались из дерна, нередко в смеси с галькой. Внутри часто находили небольшие каменные кладки с крупным камнем в центре – возможно, алтари.

Мегалиты эпохи Дзёмон представлены каменными кольцами и кругами, часто с вертикальным камнем-менгиром в центре. Они встречаются от Хоккайдо до района Кинки на юге Хонсю; обычно их связывают с соляным культом.

Погребальный обряд менялся на разных этапах и в разных регионах. На ранних стадиях эпохи Дзёмон погребения обнаружены и в жилищах, и в раковинных кучах. Так, в раковинной

³ Kaner S. Jomon pottery, Japan // Current World Archaeology, iss. 1 (07.09.2003). URL: <https://web.archive.org/web/20130318010302/http://www.world-archaeology.com/features/jomon-pottery-japan> (дата обращения 10.03.2018).

Рис. 1 (фото, без масштаба). Древние культуры Японии:

1 – керамический сосуд эпохи Дзёмон (музей Тогарииси, преф. Нагано); 2 – керамический сосуд с «языками пламени» (по: [Kobayashi Tatsuo, 2004. Р. 61]); 3 – глиняная статуэтка *догу* (музей преф. Фукусима); 4 – глиняная статуэтка догу в «снежных очках» (музей преф. Фукусима); 5 – графическая реконструкция жилища эпохи Дзёмон (по: [Kobayashi Tatsuo, 2004. Р. 101]); 6 – реконструкция жилища эпохи Дзёмон (исторический парк Оцука, г. Йокогама); 7 – обсидиановые орудия (по: [Хаккуцу..., 2014. С. 17]); 8 – бусины из камня (по: [Хаккуцу..., 2014. С. 23]); 9 – кольцевые подвески-украшения эпохи Дзёмон из преф. Фукуи (по: [Kobayashi Tatsuo, 2004. Р. 159]); 10 – костяной гарпун (по: [Кокогакукарано..., 2013. С. 42]); 11, 12 – костяные крючки (по: [Кокогакукарано..., 2013. С. 41]); 13 – костяные пронизки (по: [Кокогакукарано..., 2013. С. 45]); 14, 15 – костяные заколки (по: [Кокогакукарано..., 2013. С. 45]); 16 – реконструкция хозяйственной постройки периода Яёй (исторический парк Оцука, г. Йокогама); 17 – керамический сосуд – погребальная урна с личиной (по: [Хаккуцу..., 2012. С. 28]); 18, 19 – керамические сосуды Яёй (по: [Кокогакукарано..., 2013. С. 60]); 20 – клевец (по: [Каватихэйяо..., 1981. С. 98]); 21 – бронзовое зеркало периода Яёй из Хирабару, о. Кюсю (музей Итосима); 22 – бронзовый колокол *дотаку* (Музей археологического ин-та Касихара, преф. Нара); все фотографии, за исключением специально оговоренных случаев, выполнены А. И. Соловьевым во время научных командировок в Японию

куче Ота (преф. Хиросима) найдено 70 костяков, из них семь – в скорченном положении, остальные – в вытянутом. Встречается засыпка трупов охрой и киноварью. Несколько позднее вблизи поселений появлялись грунтовые могильники, например, Татэиси (Иватэ), где поселение располагается на вершине холма, а могильник, обозначенный с двух сторон менгирами – у подножия. Погребения в основном скорченные, головой ориентированы на восток или северо-восток. В позднем периоде эпохи Дзёмон вокруг могил появлялись кольцевые земляные насыпи и каменные кладки. Преобладали скорченные захоронения, головой на запад. Известны случаи кремации и использования охры. В финальном периоде появлялись захоронения в керамических сосудах-оссуариях и курганные могильники. В захоронениях и рядом с ними обнаруживали угли и фрагменты бересты, применявшейся для обжига могильной ямы.

В инвентаре особое внимание привлекают орудия (наконечники стрел, скребки, ножи), изготовленные из обсидиана (рис. 1, 7), а также украшения из цветных камней (нефрита, змеевика, агата, халцедона) (рис. 1, 8). Так, на памятнике Кувано (преф. Фукуи), датированном примерно 5 000 лет до н. э., найдены кольцевидные, круглые и ложечковидные подвески из белого «мягкого» нефрита (рис. 1, 9). К раннему периоду эпохи Дзёмон (5 000–2 500 лет до н. э.) относятся первые в регионе лаковые изделия. Например, деревянные чаши и гребень с лаковым покрытием найдены при раскопках раковинной кучи Торихама (преф. Фукуи).

По поводу происхождения и этнокультурной интерпретации эпохи Дзёмон нет единого мнения. Очевидно, в развитии культуры Дзёмон участвовали предки современных айнов (см.: [Low, 2012]); при этом они взаимодействовали с местными племенами, вероятно, палеоазиатского происхождения (этому соответствует упоминание о низкорослом народе «коропккуру» в айнских легендах). В поздних периодах эпохи Дзёмон поддерживались контакты с культурами палеометалла на территории российского Приморья.

Под влиянием новых миграций с материка в начале – середине I тыс. до н. э. часть носителей культуры финального периода была вытеснена на север Хоккайдо и прилегающие острова (Сахалин и Курилы), где вступила в контакт с племенами охотской культуры [Васильевский и др., 1982]. Впоследствии она послужила основой для формирования культуры Сацумон (VII–XII вв.) [Фудзимото Цуёси, 1981]. Другая часть этой общности (культура Корекава / Камегаока и др.) вступила в контакт с мигрантами-австроазиатами из бассейна Нижней Янцзы (пришедшими, вероятно, через Корейский п-ов), а также из Маньчжурии и российского Приморья (носители польцевской культуры). В результате сформировалась новая культурная общность Яёй [Деревянко, 1975; Александров и др., 2014; Фудзиро Синъитиро, 2015]. Палеогенетические исследования [Caspermeyer, 2015] подтвердили наличие не менее двух компонентов: местного и близкого населению Восточного Китая.

Для финального периода эпохи Дзёмон в районе Тохоку характерны небольшие жилища (наземные и полужемлянки) каркасно-столбовой конструкции, с одним или несколькими очагами, выложенными камнем. Характерны захоронения в раковинных кучах – трупоположения, скорченные на спине, ориентированные в основном головой на запад; более поздние – под земляными курганами; встречаются каменные оградки. У многих черепов отмечены удаленные передние зубы (свидетельства инициации). Каменный инвентарь представлен оббитыми и шлифованными топорами, наконечниками стрел (черешковые и с вогнутым основанием), «кнопочными» ножами (с выделенной маленькой рукояткой-«кнопкой»). Много изделий из шлифованного нефрита: маленькие топоры, сверленные бусы. Из кости изготавливались гарпуны, в том числе поворотные, крючковые снасти, пронизки, закладки (рис. 1, 10–15); из дерева – лодки-долбенки, цельные и составные луки, мечи, лопаты, чаши (часто с лаковым покрытием); из лозы – плетеные корзины. Лепная керамика, такая как кувшины со сферическим туловом, чаши на коническом поддоне, «чайники» (возможно, сосуды для вина), курительницы, богато украшена лепным рельефным орнаментом, тонкими оттисками веревки, резными параллельными линиями, лощением и лакировкой. Для парадных ваз прослеживаются аналогии в янковской культуре Приморья. Среди *догу* встречались полые фигурки с человеческими костями внутри; известно ритуальное захоронение *догу* в могиле с каменной оградкой в Такасаго.

На основе культуры Дзёмон сформировалась новая культурная общность Яёй, для которой характерны городища с земляными валами и рвами, окружавшими поселение в 15–20

домов; в основном использовались полуземлянки, но были также жилища наземные, на невысоких платформах и опорах типа свай (рис. 1, 16). Многие поселения приурочены к морскому побережью и связаны с раковинными кучами. Захоронения в основном грунтовые, нередко отмеченные невысокими холмиками, в том числе с каменной оградкой; иногда на кладбищах устанавливали дольмены. Способы погребения разнообразны. Часто остатки трупосожжения или деформированное тело помещали в керамическую урну с каменной или деревянной крышкой; могли использовать и две урны, соединенные венчиками под углом около 30° или горизонтально; в каменный ящик, часто перекрыв плитой. Есть вытянутые на спине (редко скорченные) труположения в каменных ящиках или в грунтовых ямах, часто выстланных плиткой, с каменной крышкой. В инвентаре выделяются характерные керамические вазы со сферическим туловом и широким устьем, горшки, миски на поддоне, кубки, столики-подносы на ножке, в основном изготовленные на гончарном круге, с равномерным (вероятно, печным) обжигом (рис. 1, 17–19); преобладающий орнамент – оттиски веревки, гребенки, отступающей лопаточки, раковин. Найдена большая коллекция шлифованных каменных орудий (топоры, тесла, мотыги, жатвенные ножи полулунной формы) и деревянных изделий (мотыги, лопаты, вилы, клинья, ступки, песты, тесаные доски; бамбуковые корзины, оплетки на сосуды).

С культурной общностью Яёй также связывают начало эпохи металла. Сначала это был период бронзы (IV–III вв. до н. э.), но практически одновременно начинало распространяться и железо. Из бронзы изготавливали мечи, клевцы (рис. 1, 20), зеркала (рис. 1, 21) и колокола (*дотаку*) с богатым орнаментом; из железа – топоры, мотыги, тесла. Вначале металлические изделия полностью импортировали, затем производили на месте из лома или руды. Замена литейных форм из песчаника на глиняные позволила наносить на бронзовые изделия более тонкий орнамент и сложные изображения. На зеркалах воспроизводились в основном китайские сюжеты (духи-покровители сторон света, драконы, геометрические фигуры) [Edwards, 1999]; самое большое зеркало диаметром 46,5 см и весом около 8 кг найдено при раскопках кургана Хирабару (преф. Фукуока) [Табарев, Иванова, 2016]. Колокола, как и зеркала, со временем увеличивались в размерах (высота до 127 см); за счет вытянутой формы, массивной полукруглой рукояти и боковых «гребней» они приобрели оригинальный облик (рис. 1, 22). На их поверхности изображались олени, водоплавающие птицы, богомолы и пауки, лодки, воины и др.

Основой хозяйства стало заливное рисоводство; было развито гончарное производство, прядение и ткачество; возводились культовые мегалитические сооружения [Hudson, 1992]. Многочисленные укрепленные поселки свидетельствуют о столкновениях между коллективами людей, создавших эту общность. Захоронения приобретали дифференцированный характер, что отражало выделение разных социальных групп. Начался процесс сложения государственности, причем сразу в нескольких центрах: на севере Кюсю (на основе локального варианта, традиционно называемого «культура мечей»), в западной и восточной частях Центрального Хонсю (соотносятся с местным вариантом Яёй, называемым «культура колоколов») [Barnes, 2003]. Один из таких центров был связан с городищем Ёсиногари (преф. Сага), существовавшим в период III в. до н. э – III в. н. э. При раскопках выявлены остатки оборонительного рва с частоколом поверху, рвы внутренней планировки, наземные и свайные строения, могильник, в составе которого зафиксированы захоронения в керамических урнах. Изучены также несколько курганов, собрана богатейшая коллекция бронзового и железного оружия, бронзовых зеркал и колоколов, парадной керамики, литейных форм, фрагментов одежды и др. По мнению многих японских археологов, это могла быть столица одного из крупных вожеств («государств») Яматай, о котором говорится в китайских летописях.

В III–VII вв. на большинстве Японских островов (кроме Хоккайдо) распространилась культурная общность Кофун [Воробьев, 1980], для которой наиболее характерны захоронения в курганах (рис. 2, 1); всего выявлено свыше 161 тыс. захоронений этого периода. С ними тесно связаны разнообразные глиняные фигуры (*ханива*) (рис. 2, 2). Они представляли собой толстые цилиндры высотой до 60 см и диаметром около 40 см, обычно с отверстиями, реже с орнаментом в виде предметов быта и вооружения. В дальнейшем число сюжетов значительно возросло. Выделялось несколько групп: антропоморфные, зооморфные, здания, лодки, оружие и утварь. Расцвет *ханива* относится к середине V в. Появились раскрашенные

фигурки слугителей культа (в том числе женщин), воинов, танцоров, артистов, птиц, коней и зданий (рис. 2, 3, 4). Для того времени характерна подробная моделировка аксессуаров одежды (вплоть до передачи фактуры ткани), оружия и снаряжения, упряжи; отмечалась особая тщательность в изготовлении фигур воинов и боевых лошадей [Июфан, 1974]. Главным центром производства считалась преф. Гумма.

Рис. 2 (фото, без масштаба). Материалы эпохи Кофун:

1 – курган в форме «замочной скважины» Хасинака-кофун, преф. Нара (по: [Хаккуцу..., 2014. С. 47]; 2 – *ханива*, изображающая танцующего человека (музей преф. Фукусима); 3 – *ханива*, изображающая собаку (музей Михо, преф. Сига); 4 – *ханива*, изображающая лошадь (музей археологических ценностей г. Ёсими, преф. Сайтама); 5 – курган, исторический парк Сакитама, преф. Сайтама; 6 – бронзовое зеркало периода Кофун из Синъяма, преф. Нара (по: [Хаккуцу..., 2014. С. 43]); 7 – рукоять меча (музей преф. Фукусима); 8 – шлем и доспех (по: [Марико-фунно кофунбукку, 2014. С. 59]); 9 – лука седла (по: [Ямато-но кофун II..., 2006. С. 4]); 10 – бляха, преф. Кавасаки (по: [Хаккуцу..., 1995. С. 43]); все фотографии, за исключением специально оговоренных случаев, выполнены А. И. Соловьевым во время научных командировок в Японию)

На раннем этапе курганы располагались на возвышенностях, в дальнейшем – на равнине (рис. 2, 5). Их прототипы известны на памятниках финального этапа Яёй. Диаметр самого маленького кургана 15 м, длина самого большого 823 м. Фигуры-ханива обычно размещались вокруг основания кургана (цилиндры, фигуры людей, животных, птиц, зданий) и на его вершине, над местом захоронения (чаще всего изображения домов, реже – людей и животных). Прослеживаются хронологические различия в локализации изделий. Первоначально они располагались на насыпи, в дальнейшем за пределами рвов и на насыпных валах вокруг курганов.

Культура Кофун сложилась на местной основе при значительном китайском и, особенно, корейском влиянии (в том числе за счет прямых миграций) [Mizoguchi Koji, 2017]. Многие вещи (например, бронзовые зеркала) копировали базовые китайские образцы (рис. 2, 6). Через Корею шел также транзит важных элементов «всаднической культуры» из степных районов Центральной Азии, что прослеживается по формам и украшению оружия (рис. 2, 7, 8), конского убора (рис. 2, 9, 10) (см.: [Комиссаров, Войтишек, 2010]).

Как свидетельствуют письменные и эпиграфические источники, контакты носили двусторонний характер, что объясняет появление курганов «в форме замочной скважины» в начале VI в. на территории «царства» Кая на юге Корейского полуострова, с которым древние японские племена поддерживали тесные контакты, в частности получали оттуда железо. Использование курганов для погребения знати продолжалось и в раннем Средневековье (период Асука, 592–710 гг.). Одна из поздних гробниц Исибутаи (преф. Нара) с высокой насыпью представляет собой подземное циклопическое сооружение, сложенное из 30 каменных блоков общим весом 2 300 т. Эта традиция постепенно угасла в VII в., по мере распространения пришедшего из Кореи буддизма, которому присущ обряд кремации.

В целом, исследования древнего прошлого Японии показывают, что изоляция островного населения была относительной. На протяжении многих тысячелетий оно вступало в контакты с носителями различных материковых и островных культур, интенсивное общение с которыми и привело к формированию японского этноса.

Материалы данного обзора могут способствовать повышению мотивации студентов к изучению археологии Японии и культурных контактов населения Японских островов и континента, могут быть полезны при выборе тем и написании курсовых и дипломных работ.

Список литературы

- Александров А. В., Арутюнов С. А., Бродянский Д. Л. Палеометалл северо-западной части Тихого океана. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 129 с.
- Васильевский Р. С., Лавров Е. Л., Чан Су Бу. Культуры каменного века Северной Японии. Новосибирск: Наука, 1982. 208 с.
- Воробьев М. В. Япония в III–VII вв.: этнос, общество, культура и окружающий мир. М.: ГРВЛ, 1980. 344 с.
- Деревянко А. П. Культура Яёй и ее связи с материковыми культурами // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1975. С. 138–149.
- Деревянко А. П. Палеолит Японии. Новосибирск: Наука, 1984. 271 с.
- Деревянко А. П. Древние культуры Японии // Археология зарубежной Азии. М.: Высш. шк., 1986. С. 335–352.
- Иофан Н. А. Культура древней Японии. М.: ГРВЛ, 1974. 261 с.
- Киддер Дж. Э. Япония до буддизма: острова, заселённые богами / Пер. с англ. О. И. Миловой. М.: Центрполиграф, 2003. 284 с.
- Комиссаров С. А., Войтишек Е. Э. Культура Кофун (обзор материалов к курсу «Археология зарубежной Азии») // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 3: Археология и этнография. С. 14–17.
- Мецержаков А. Н., Грачёв М. В. История древней Японии. СПб.: Гиперион, 2002. 509 с.
- Соловьева Е. А., Табарев А. В., Табарева Ю. В. Догу: страницы энциклопедии Дзёмона // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. 16. С. 303–306.

Табарев А. В., Иванова Д. А. Повелительницы зеркал: особенности погребального обряда культуры Яёй // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 2. С. 15–18.

Barnes G. L. State formation in Japan: essays on Yayoi and Kofun period archaeology. New York; London: Routledge Curzon, 2003. 256 p.

Caspermeyer J. New genetic evidences resolves origins of modern Japanese // Molecular biology and evolution. 2015. Vol. 32. Iss. 7. P. 1913.

Edwards W. Mirrors on ancient Yamato: The Kurozuka Kofun discovery and the question of Yamatai // Monumenta Nipponica. 1999. Vol. 54. No. 1. P. 75–110.

Habu Junko. Ancient Jomon of Japan. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 352 p.

Habu Junko. Early Sedentism in East Asia: from late Paleolithic to early agricultural societies in insular East Asia // The Cambridge World Prehistory: East Asia and the Americas. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. Vol. 2. P. 724–741.

Habu Junko, Okamura Katsuyuki. Japanese archaeology today: new development, structural understanding, and prospects for disaster archaeology // Handbook of East and Southeast Asian archaeology (eBook). N. Y.: Springer, 2017. P. 11–26.

Hayashi Kensaku. Rev.: Japan Before Buddhism. J. E. KIDDER, Jr. (Ancient Peoples and Places, Volume 10). New York, Washington: Frederick A. Praeger Publishers, 1966. 284 p. // American Anthropologists. 1968. Vol. 70. No. 2. P. 415–416.

Hudson M. J. Rice, bronze and chieftains – an archaeology of Yayoi ritual // Japanese Journal of Religious Studies. 1992. Vol. 19. No. 2–3. P. 139–189.

Kaner S., Bally D. The power of dogu: ceramic figures from ancient Japan. L.: British Museum Press, 2009. 176 p.

Keiji Imamura. Prehistoric Japan: new perspectives on Insular East Asia. Honolulu: University of Hawaii Press, 1996. 246 p.

Kobayashi Tatsuo. Jomon reflections: forager life and culture in the prehistoric Japanese Archipelago. Oxford: Oxbow, 2004. 240 p.

Low M. Physical Anthropology in Japan: The Ainu and the search for the origins of the Japanese // Current Anthropology. 2012. Vol. 53. No. 55. P. 557–568.

Mizoguchi Koji. An Archaeological History of Japan: 30.000 BC to AD 700. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002. 274 p.

Mizoguchi Koji. The archaeology of Japan: from the earliest rice farming villages to the rise of the state. N. Y.: Cambridge University Press, 2013. 385 p.

Mizoguchi Koji. The Yayoi and Kofun period of Japan // Handbook of East and Southeast Asian archaeology (eBook). N. Y.: Springer, 2017. P. 561–602.

Ono Akira, Sato Hiroyuki, Tsutsumi Takashi, Kudo Yuichiro. Radiocarbon dates and archaeology of the Late Pleistocene in the Japanese islands // Radiocarbon. 2002. Vol. 44. Iss. 2. P. 471–494.

Андоу Мисао. Дзёмонбункано мирёку: Дзёмонкентей косики текисто [案藤操。縄文文化の魅力：縄文検定“公式”テキスト]. Очарование культуры Дзёмон: Тексты формулы изучения Дзёмон. Токио: Хигасигиндза сюппанся, 2011. 128 с. (на яп. яз.)

Каватихэйяо хору [河内平野を掘る]. Раскапывая долину Кавати. Осака, Мачандайдзумато, 1981. 130 с. (на яп. яз.)

Кокогакукарано тёсэн [考古学からの挑戦]. Вызов через археологию. Сендай: Тохокудайгаку, 2013. 104 с. (на яп. яз.)

Марикофунно кофунбукку [まりこふんお古墳7ツ] Книга о курганах Марикофун. Токио: Яматокейкокуся, 2014. 132 с. (на яп. яз.)

Сайто Тадаси. Нихон ко:когаку си [斎藤忠。日本考古学史]. История японской археологии. Токио: Ёсикава ко:бункан, 1995. 492 с. (на яп. яз.)

Фудзиро Сингитиро. Яёй дзидай-но рэкиси [藤尾慎一郎。弥生時代の歴史]. История эпохи Яёй. Токио: Коданся, 2015. 256 с. (на яп. яз.)

Фудзимото Цуёси. Сацумон бунка [藤本強。擦文文化//地学雑誌]. Культура Сацумон // Тигаку дзасси. 1981. Т. 90, вып. 2. С. 122–136 (на яп. яз.)

Хаккуцу сарэта нихон рётто [発掘された日本列島]. Раскопки [на островах] Японского архипелага. Токио: Асахисимбун сюппанся, 1995. 112 с. (на яп. яз.)

Хаккуцу сарэта нихон рэтто [発掘された日本列島]. Раскопки [на островах] Японского архипелага. Токио: Асахисимбун сюппанся, 2012. 80 с. (на яп. яз.)

Хаккуцу сарэта нихон рэтто [発掘された日本列島]. Раскопки [на островах] Японского архипелага. Токио: Асахисимбун сюппанся, 2014. 80 с. (на яп. яз.)

Ямато-но кофун II [大和古墳 II]. Курганы Ямато II. Киото: Дзимбунсёин, 2006. 188 с. (на яп. яз.)

Материал поступил в редколлегию 01.04.2018

S. A. Komissarov^{1,2}, E. A. Solovieva², A. V. Tabarev², A. I. Soloviev²

¹ *Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

² *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

sergai@mail.ru, easolovievy@mail.ru, olmec@yandex.ru

THE MAIN STAGES OF THE ANCIENT HISTORY OF JAPAN (MATERIALS FOR EDUCATIONAL COURSE «ARCHAEOLOGY OF OVERSEAS ASIA»)

This review of the main publications about the problems of Japanese archaeology (from Paleolithic epoch up to the period of Kofun culture) represents teaching materials for students with specialty in archaeology (within the course «Archaeology of overseas Asia») and with specialty in oriental studies (within the course «History and culture of Japan»). Taking into account the main task of this publication – namely, support for educational process – authors of this review, first of all, engaged most authoritative summarizing editions, because their conceptions and conclusions passed through necessary approbation and were maintained by the greater part of academic community. The main problems under discussion in Japanese archaeology are as follows: chronology of the first inhabitation of Archipelago; classification of the stone implements according technologies of production and ways of usage; early ceramics in the context of Northeast Asian archaeology; the origin of Ainu and their predecessors; beginning of agriculture and development of bronze and iron metallurgy; semantics of *dogu* and *haniva* figurines; characteristics of megalithic monuments; attribution of «horse-rider culture»; correlation between ethno-linguistic and archaeological data; using of historical records for interpretation of excavated relics; the routes of ancient migrations etc. As a result, this review of ancient past of Japan obviously demonstrates that so called isolation of insular population had quiet relative character. During thousands and thousands years, islanders came into contacts with bearers of different cultures of Eurasian mainland and island part of it, as well. The result of these permanent cultural exchanges served as foundation for creation of Japanese ethnos. In certain periods the contacts were more intensive along Northern, or Southern routes; the most significant way went through Korean Peninsula. For Siberian archaeologists the matter of special interest is represented by the finds of early ceramics on Honshu and in East Amur area; by analogies between cultures of Archipelago and Maritime regions of Russia (including Sakhalin and Kuril Islands) in Early Iron Age; by similarities between «Old-kurgans' culture» at Japan and those in Central Asia. In selection of published materials for this review the preference was given to those available for teachers and students in the universities' libraries or through free Internet access (published mostly in Russian and English as working languages).

Keywords: Japan, the Late Paleolithic, Jomon, Yayoi, Kofun, *dogu* and *haniva* figurines.

References

- Aleksandrov A. V., Arutyunov S. A., Brodyanskii D. L. Paleometall severo-zapadnoi chasti Tikhogo okeana [Paleometal epoch at Northwestern Pacific]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2014, 129 p. (in Russ.)
- Vasil'evskii R. S., Lavrov E. L., Chan Su Bu. Kul'tury kamennogo veka Severnoi Yaponii [Stone Age cultures of Northern Japan]. Novosibirsk, Nauka, 1982, 208 p. (in Russ.)
- Vorob'ev M. V. Yaponiya v III–VII vv.: Etnos, obshchestvo, kul'tura i okruzhayushchii mir [Japan in III – VII centuries: Ethnos, society, culture and surrounding world]. Moscow, GRVL, 1980, 344 p. (in Russ.)
- Derevyanko A. P. Kul'tura yaei i ee svyazi s materikovymi kul'turami [Yayoi culture and its connections with mainland cultures]. *Arkheologiya Severnoi i Tsentral'noi Azii* [Archaeology of Northern and Central Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1975, p. 138–149. (in Russ.)
- Derevyanko A. P. Paleolit Yaponii [Paleolithic of Japan]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 271 p. (in Russ.)
- Derevyanko A. P. Drevnie kul'tury Yaponii [Ancient cultures of Japan]. *Arkheologiya zarubezhnoi Azii* [Archaeology of overseas Asia]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986, p. 335–352. (in Russ.)
- Iofan N. A. Kul'tura drevnei Yaponii [Culture of Ancient Japan]. Moscow, GRVL, 1974, 261 p. (in Russ.)
- Kidder J. E. Yaponiya do buddizma: Ostrova, zaselennye bogami [Japan before Buddhism: Islands inhabited with gods]. Transl. by O. I. Milova. Moscow, Tsentrpoligraf, 2003, 284 p. (in Russ.)
- Komissarov S. A., Voitishchik E. E. Kul'tura Kofun (obzor materialov k kursu «Arkheologiya zarubezhnoi Azii») [Kofun Culture (review of materials for educational course «Archaeology of overseas Asia»)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2010, vol. 9, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 14–17. (in Russ.)
- Meshcheryakov A. N., Grachev M. V. Istoriya drevnei Yaponii [A History of Ancient Japan]. St. Petersburg, Giperion, 2002, 509 p. (in Russ.)
- Solov'eva E. A., Tabarev A. V., Tabareva Yu. V. Dogu: stranitsy entsiklopedii dzemona [Dogu: pages in Jomon Encyclopedia]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2010, vol. 16, p. 303–306. (in Russ.)
- Tabarev A. V., Ivanova D. A. Povelitel'nitsy zerkal: osobennosti pogrebal'nogo obryada kul'tury yaei [Lady of mirrors: peculiarities in burial ritual of Yayoi culture]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Studies in Siberia], 2016, no. 2, p. 15–18. (in Russ.)
- Barnes G. L. State formation in Japan: essays on Yayoi and Kofun period archaeology. New York, London, Routledge Curzon, 2003, 256 p.
- Caspermeyer J. New genetic evidences resolves origins of modern Japanese. *Molecular biology and evolution*, 2015, vol. 32, iss. 7, p. 1913
- Edwards W. Mirrors on ancient Yamato. The Kurozuka Kofun discovery and the question of Yamatai. *Monumenta Nipponica*, 1999, vol. 54, no. 1, p. 75–110.
- Habu Junko. Ancient Jomon of Japan. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, 352 p.
- Habu Junko. Early Sedentism in East Asia: from late Paleolithic to early agricultural societies in insular East Asia. *The Cambridge World Prehistory: East Asia and the Americas*. Cambridge, Cambridge University Press, 2014, vol. 2, p. 724–741.
- Habu Junko, Okamura Katsuyuki. Japanese archaeology today: new development, structural understanding, and prospects for disaster archaeology. *Handbook of East and Southeast Asian archaeology* (eBook). N. Y., Springer, 2017, p. 11–26.
- Hayashi Kensaku. Rev.: Japan Before Buddhism. J. E. KIDDER, Jr. (Ancient Peoples and Places, Volume 10). New York, Washington: Frederick A. Praeger Publishers, 1966. 284 p. *American Anthropologists*, 1968, vol. 70, no. 2, p. 415–416.
- Hudson M. J. Rice, bronze and chieftains – an archaeology of Yayoi ritual. *Japanese Journal of Religious Studies*, 1992, vol. 19, no. 2–3, p. 139–189.
- Kaner S., Bally D. The power of dogu: ceramic figures from ancient Japan. London, British Museum Press, 2009, 176 p.

Keiji Imamura. Prehistoric Japan: new perspectives on Insular East Asia. Honolulu, University of Hawaii Press, 1996, 246 p.

Kobayashi Tatsuo. Jomon reflections: forager life and culture in the prehistoric Japanese Archipelago. Oxford, Oxbow, 2004, v+240 p.

Low M. Physical Anthropology in Japan: The Ainu and the search for the origins of the Japanese. *Current Anthropology*, 2012, vol. 53, no. 55, p. 557–568.

Mizoguchi Koji. An Archaeological History of Japan: 30.000 BC to AD 700. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2002, xiii+274 p.

Mizoguchi Koji. The archaeology of Japan: from the earliest rice farming villages to the rise of the state. N. Y., Cambridge University Press, 2013, 385 p.

Mizoguchi Koji. The Yayoi and Kofun period of Japan. *Handbook of East and Southeast Asian archaeology* (eBook). N. Y., Springer, 2017, p. 561–602.

Ono Akira, Sato Hiroyuki, Tsutsumi Takashi, Kudo Yuichiro. Radiocarbon dates and archaeology of the Late Pleistocene in the Japanese islands. *Radiocarbon*, 2002, vol. 44, iss. 2, p. 471–494.

Andou Misao. Jomon bunka no miryoku. Jomonkentei koshki tekisuto [案藤操。縄文文化の魅力：縄文検定“公式”テキスト]. Enchantment of Jomon culture. The texts of formula for Jomon studies. Tokyo, Higashiginza shuppansha, 2011, 128 p. (in Jap.)

Kawachiheiyao horu [河内平野を掘る] Excavating Kawachi valley. Osaka, Machandaizumato, 1981, 130 p. (in Jap.)

Kokogakukarano chosen [考古学からの挑戦]. Attempt through the archaeology. Sendai, Tohokudaigaku, 2013, 104 p. (in Jap.)

Marikofunno kofunbukku [まりこふんお古墳ブック] The book about kofun from Marikofun. Tokyo, Yamatokeikokusia, 2014, 132 p. (in Jap.)

Fujimoto Tsuyoshi. Satsumon bunka [藤本強。擦文文化//地学雑誌]. Satsumon culture. *Geosciences Journal*, 1981, vol. 90, iss. 2, p. 122–136 (in Jap.)

Fujio Shin'ichiro. Yayoi jidai no rekishi [藤尾慎一郎。弥生時代の歴史]. History of Yayoi epoch. Tokyo, Kodansha, 2015, 256 p. (in Jap.)

Hakkutsu saretai nihon retto [発掘された日本列島]. Excavations on Japan Archipelago. Tokyo, Asahi shimbun shuppansha, 1995, 112 p. (in Jap.)

Hakkutsu saretai nihon retto [発掘された日本列島]. Excavations on Japan Archipelago. Tokyo, Asahi shimbun shuppansha, 2012, 80 p. (in Jap.)

Hakkutsu saretai nihon retto [発掘された日本列島]. Excavations on Japan Archipelago. Tokyo, Asahi shimbun shuppansha, 2014, 80 p. (in Jap.)

Saito Tadashi. Nihon kokogaku shi [斎藤忠。日本考古学史]. A History of Japanese archaeology. Tokyo, Yoshikawa kobunkan, 1995, 492 p. (in Jap.)

Yamatono kofun II [大和古墳 II]. Burial mounds of Yamato II. Kyoto, Jimbunshoin, 2006, 188 p. (in Jap.)

For citation:

Komissarov S. A., Solovieva E. A., Tabarev A. V., Soloviev A. I. The Main Stages of the Ancient History of Japan (Materials for Educational Course «Archaeology of Overseas Asia»). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 9–20. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-5-9-20

УДК 903'12"632"(529)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-5-21-29

А. П. Деревянко^{1,2}, Ю. А. Азаренко¹, С. А. Комиссаров^{1,2}

¹Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

derev@archaeology.nsc.ru, j_azar@mail.ru, sergai@mail.ru

КУЛЬТУРА ЧАНБИНЬ НА ТАЙВАНЕ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ *

В статье дается представление об археологической культуре эпохи позднего палеолита Чанбинь, древнейшей на Тайване, и ее значении для реконструкции древнего прошлого региона. Памятники культуры зафиксированы на восточном побережье и южной оконечности острова. Раскопки начались в 1968 г. и продолжаются в настоящее время; базовый памятник – пещеры Басяньдун, для которого получена серия радиоуглеродных дат от 15 тыс. до 5 тыс. л. н. Более ранние даты (до 50 тыс. л. н.) спорны. Название культура получила по волости Чанбинь, где обнаружены первые памятники – пещерные стоянки, в том числе с очажными ямами внутри. Характерный инвентарь – кремневые скребки, остроконечники на отщепках, галечные рубящие орудия, скребла из раковин, костяные долота, проколки, крючки и др. Население занималось охотой и прибрежным собирательством. Прослеживается типологическое сходство Чанбинь с культурами хоабиньского круга. Вероятна миграция носителей этой культуры как с материка (современная провинция Фуцзянь), так и с Филиппинских островов. На позднем этапе поселения Чанбинь сосуществовали с памятниками неолитической культуры Дабэнькэн (около 5 000–2 500 лет до н. э.).

Ключевые слова: Тайвань, палеолит, пещерные памятники, культура Чанбинь, древние миграции.

Изучение древнего прошлого Тайваня не только обладает значительной научной актуальностью с позиций истории региона, но и неизбежно приводит исследователей к необходимости решать проблемы надрегионального характера, чему способствуют географические характеристики изучаемой территории. Жаркий и влажный климат (переходный от субтропического к тропическому) способствовал обилию растительного и животного мира на острове, в том числе в прибрежной зоне, создавая благоприятные условия для жизни человека. В эпоху плейстоцена Тайвань нередко становился частью материка, однако через столетия вновь обретал островной статус. Так, геологические исследования показали, что на протяжении всего ледникового периода уровень моря существенно менялся. Во время ледниковых максимумов наблюдалась регрессия, вплоть до образования сухопутного «моста» между островом и континентом, который вновь уходил под воду в периоды потепления. Геологи установили, что 30 тыс. л. н. уровень моря в районе Тайваньского пролива был на 60–70 м ниже современного, а 15 тыс. л. н. – ниже на 130 м. То, что на протяжении определенного времени Тайвань составлял единое целое с материком подтверждается и находками в плейстоценовых

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-59-52002).

Деревянко А. П., Азаренко Ю. А., Комиссаров С. А. Культура Чанбинь на Тайване: история изучения и основные характеристики // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 5: Археология и этнография. С. 21–29.

слоях на острове фоссилизированных остатков, принадлежавших вымершим видам крупных млекопитающих: стегодонов, носорогов, бизонов [Цзян Говэй, 1995. С. 58]. В последние годы рыболовными тралами со дна (вернее, из дна – затопленного слоя периода позднего плейстоцена) извлекается множество аналогичных окаменелостей, среди которых встречаются кости вымерших и реликтовых видов, таких как слон Науманна, лошадь Пржевальского, ископаемая гиена и др. [Цай Баоцюань, 2003. С. 191–192]. Логично предположить, что вслед за животными на территорию «потенциального острова» легко могли проникнуть и древние люди.

Своеобразные геологические условия способствовали относительной изоляции его обитателей (в составе флоры и фауны довольно много эндемиков), а традиционная культура аборигенов (объединенных под условным этнонимом *гаошань*), которые жили на острове еще до прихода ханьцев, очень архаична. В то же время существует весьма популярное мнение, что при определенных условиях остров мог служить своего рода перевалочной базой в трансконтинентальных миграциях, «трамплином для прыжка» племен с материка на острова Южных морей, равно как и в обратном направлении – из островной части Юго-Восточной Азии на ее материковую территорию¹; причем транзит этот мог работать в широтном и меридиональном направлениях. Так, Тайвань часто включают в цепочку «мостов», через которые шло заселение Японии с юга. Однако всем этим гипотезам, логически вполне обоснованным, не хватает материальных доказательств, что придает особое значение поиску и анализу палеоантропологических и палеолитических материалов на самом острове.

В данной статье авторы впервые в отечественной историографии суммируют основные публикации по культуре Чанбинь до начала 2000-х гг. Полученные результаты могут создать основу для адекватного восприятия и адаптации новейших данных по древней истории Тайваня и корреляции их с находками на материке. В свою очередь, это позволяет вписать тайваньские сюжеты в общую концепцию становления и расселения по ойкумене человека современного физического облика. Данный аспект нашей статьи приобретает особую важность в составлении учебных программ по археологии и антропологии, призванных формировать у молодых исследователей необходимый общекультурный контекст для их профессиональных компетенций.

Археологическое изучение Тайваня началось в 1896 г., вскоре после захвата острова японцами². Однако ученые «первой волны», среди которых был и выдающийся исследователь Тории Рюдзо, больше интересовались этнологией, чем археологией. Дело в том, что на острове, помимо китайцев, проживали достаточно многочисленные австронезийские племена, в значительной мере сохранившие архаичные формы хозяйствования и социальной организации. Отношения с ними у колониальной администрации складывались очень непростые, поскольку практически отсутствовали сведения об обычаях и ритуалах аборигенов (не говоря уже об их понимании). Такое «столкновение цивилизаций» приводило к многочисленным восстаниям. Самым известным и кровавым стал «инцидент Ушэ» в конце 1930 г., в результате которого с обеих сторон погибло свыше тысячи человек [Ching, 2000]; для усмирения повстанцев японская армия использовала даже бомбы с горчичным газом – первый известный случай применения газового оружия в Азии³. Для того чтобы избежать подобных столкновений в будущем, составлялись рекомендации с учетом местной специфики, для чего и требовались данные этнографии. Археология воспринималась скорее как один из инструментов палеоэтнологии.

Однако постепенное накопление данных о культуре аборигенов показало, что при всей ее архаичности она не связана с самым ранним появлением человека на острове. Вопрос о роли Тайваня в формировании и распространении австронезийцев являлся (и является) предметом оживленной дискуссии, но в любом случае речь шла о событиях, датируемых по лингвистическим данным в несколько тысяч лет и связанных с распространением земледелия (не ранее середины V тыс. до н. э.) [Diamond, 2000].

¹ Популярный, но вполне профессиональный обзор таких взглядов см.: [Genova, 2009].

² Япония аннексировала Тайвань по Симонсекскому договору, подписанному по итогам японо-китайской войны 1894–1895 гг.

³ *Wu Micha*. Wushe Incident // Encyclopedia of Taiwan. 2011. URL: <https://web.archive.org/web/20140325180546/http://taiwanpedia.culture.tw/en/content?ID=3722> (дата обращения 12.03.2018).

Первая стоянка эпохи палеолита на Тайване была открыта и предварительно изучена в 1968 г. геологом Линь Чаоци и археологом Сун Вэньсюнем⁴ в ходе обследования пещерного комплекса Басяньдун (Пещеры Восьми бессмертных⁵). Горная гряда, в которой морские волны проделали пещеры, располагается на юго-восточном (так называемом океанском) побережье, в волости Чанбинь уезда Тайдун (рис. 1). Проведенные раскопки позволили собрать коллекцию грубо оббитых рубящих орудий типа чопперов и чоппингов, заготовок и отщепов, сырьем для которых послужили гальки, собранные на берегу (рис. 2). Среди находок полностью отсутствовали керамика и шлифованные орудия, остатки культурных растений и кости домашних животных (хотя изделий из кости и рога диких животных оказалось немало). В целом, выделенная культура имела архаичный облик, поэтому полученные даты по радиоуглероду (некалиброванные) вызвали определенное смятение. Дата из пещеры Цяньюандун, обозначенная как «около 15 000 л. н.»⁶, в целом не противоречит ее палеолитической атрибуции, чего нельзя сказать о трех датах из Чаоиньдун, очень компактно разместившихся у отметки 5 500–5 000 л. н. Сун Вэньсюнь объявил последнюю дату финальной (верхней) границей новой культуры, тогда как начальный (нижний) рубеж без достаточных оснований отнес к отметке 50 000 л. н.⁷ (см.: [Сун Вэньсюнь, 1969; Кучера, 1996. С. 261; Chen Wei-chun, 2018]).

Продолжение исследований позволило обнаружить поблизости еще более десятка пещер, в которых также нашли следы жизнедеятельности древнего человека. Поскольку они сконцентрированно расположены в волости Чанбинь, то и культуру стали называть «чанбиньской». Считается, что это название (культура Чанбинь; Changbin, Changpin) предложил один из отцов-основателей китайской археологии Ли Цзи⁸, который тогда был директором Института истории и филологии АН Китая (Academia Sinica) в Тайбэе.

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника Басяньдун на о. Тайвань

⁴ Известный тайваньский археолог, академик (с 1988 г.) Сун Вэньсюнь (1924–2016) внес большой вклад в организацию археологических исследований, осуществив ряд крупных проектов (например, по раскопкам памятников культур Фэнбитоу, Дабэнькэн, Бэйнань). В то время он был сотрудником археолого-антропологического факультета Тайваньского университета: см.: [Дэн Цун, 2016].

⁵ Популярные персонажи даосской мифологии, с которыми связано множество легенд [Рифтин, 2007].

⁶ Хотя некоторая неопределенность в формулировке даты вызывает сомнение в ее надежности.

⁷ Его соавтор по открытию геолог Линь Чаоци пошел еще дальше и выдвинул идею синхронности культуры Чанбинь с пекинским синантропом, датируя «геологическое окружение» находок периодом 800–100 тыс. л. н. (см.: [Кучера, 1996. С. 261]). Очевидно, что сам по себе огромный размах предложенных хронологических границ снимает вопрос об их релевантности.

⁸ Liu Yichang. Changbin Culture // Encyclopedia of Taiwan. 2011 (онлайн изд-е под рук. Мин-ва культуры). URL: <http://taiwanpedia.culture.tw/en/content?ID=1170> (дата обращения 10.03.2018).

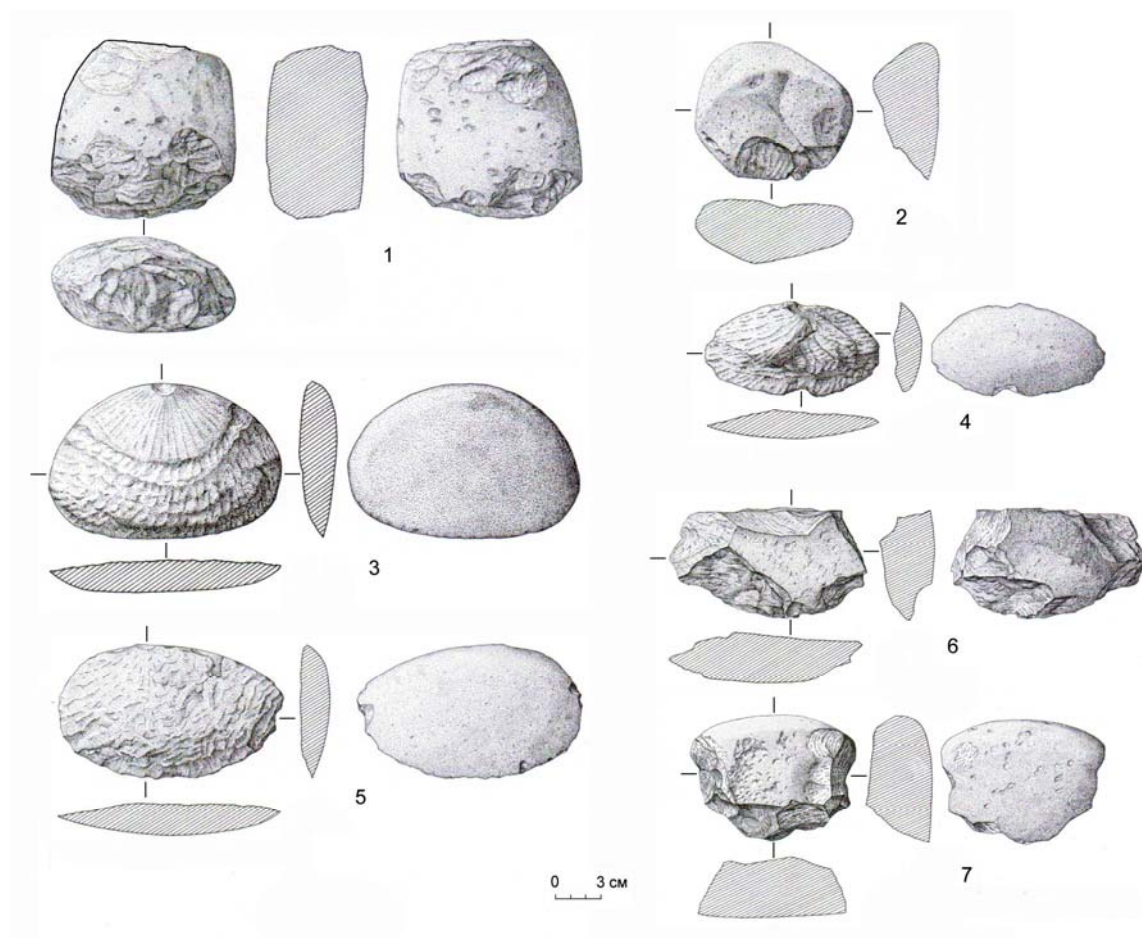

Рис. 2. Каменные орудия из пещерного комплекса Басяндун (пещера Умин-4):
1, 2 – отбойники; 3–5 – отщепы; 6, 7 – рубящие орудия

На первых этапах археологических работ на комплексе Басяндун остатки культуры Чанбинь исследовали в пещерах Цяньюандун, Хэйлэйдун, Чаоиньдун. В первой из них, наиболее насыщенной артефактами, при раскопках выявлено четыре литологических слоя: верхний датирован неолитическим временем, второй и третий – финалом верхнего плейстоцена. Культура Чанбинь выделена по находкам из третьего слоя, в составе которых представлены как макролиты, так и микролиты. В качестве сырья использовались гальки кремнистого песчаника, перидотит, андезит, кварц, кварцит, халцедон, кремнь.

Первичное расщепление связано с использованием галек, у которых не было или присутствовала минимальная подправка ударной площадки. Среди отщепов имелось немало экземпляров с частично сохранившейся галечной коркой. Они скалывались каменными отбойниками. Наряду с галечными обнаружены нуклеусы с хорошо подготовленной ударной площадкой, составляющей с плоскостью раскалывания острый угол. Орудия изготавливались на отщепах разного размера, нуклеусах и специальных заготовках. В их числе имеются скребла различных модификаций, остроконечники, скребки, рубящие орудия. Большинство скребел, скребков и остроконечников изготавливались на сравнительно небольших отщепах, тогда как рубящие орудия типа чопперов и чоппингов – на крупных речных гальках. Рабочее лезвие у них оформлялось крупными сколами, иногда с подправкой мелкими снятиями.

Культура Чанбинь характеризуется сравнительно интенсивным использованием орудий из кости и рога: острия, иглы с ушком, долотовидные изделия и др. При их изготовлении использовались оббивка, шлифование, полировка и сверление. Некоторые острия имели крупные (до 20 см) размеры. При раскопках часто находили острия, лежащие по несколько штук

рядом. По мнению китайских археологов, они могли быть частью составных орудий типа остроги или других рыболовных орудий.

В целом, согласно предварительному анализу технико-типологических характеристик каменного инвентаря, а также изделий из кости, культура Чанбинь имеет аналогии с материковыми культурами Южного Китая [Чжан Чжихэн и др., 2003]. Однако большинство сопоставлений, которые активно предлагают китайские исследователи, носят декларативный характер, без детального анализа стратиграфических обстоятельств, типологии и технологии изготовления. Пожалуй, только проф. Тан Чун из Китайского университета Гонконга достаточно подробно реконструирует процесс изготовления чанбиньских орудий на галечных заготовках и находит аналогии с ними среди находок из пещеры Хуанъяньдун (провинция Гуандун)⁹, откуда их и выводит [Дэн Цун, 2015. С. 29].

Теоретически не исключаются контакты с островами Юго-Восточной Азии, но здесь привлекалось еще меньше сопоставительных материалов. В качестве косвенного доказательства такой возможности некоторые авторы ссылались на размещение чанбиньских памятников на восточном (океанском) берегу, а не на западном («материковом»), причем переход от одного берега к другому весьма затрудняют покрытые лесами горы. Однако известно (благодаря заселению Индонезийского архипелага, Австралии и т. д.), что человек эпохи палеолита уже вполне освоил каботажное плавание. Заселение Тайваня также могло осуществляться с помощью простейших плавсредств, а тогда приведенный выше аргумент не работает, поскольку мы практически ничего не знаем о состоянии берега в период плейстоцена. Его линия могла быть оформлена мангровыми зарослями, переходящими в болото, или упираться в острые камни – в любом случае высадка там была практически невозможна. Мигранты двигались вдоль берега, пока не находили удобную бухту¹⁰, да еще и рядом с пещерами, пригодными для жилья¹¹.

В столь же неопределенном состоянии, что и вопрос об истоках культуры Чанбинь, находится проблема ее финала. По имеющимся материалам не удалось проследить контакты с неолитическими сообществами и, прежде всего, с наиболее изученной культурой Дабэнькэн, которую профессор Чжан Гуанчжи даже возвел в ранг «предцивилизации» (см.: [Азаренко и др., 2016]). Она появилась на Тайване около 6 500 л. н. и какой-то период сосуществовала с Чанбинь; однако схожих черт между ними не прослеживается [Хань Ци, 1979. С. 247; Цзан Чжэньхуа, 1999. С. 106].

Самой проблемной для первого этапа изучения культуры Чанбинь стала ситуация с палеоантропологическими находками. Фоссилизированные кости человека сначала обнаружили в составе частной коллекции, а затем провели сбор материалов в том месте, на которое указали коллекционеры, – это долина р. Цайляо в волости Цзочжэнь уезда Тайнань. Собранные таким образом теменная, затылочная, лобная кости и один зуб объявили принадлежащими одной особи (впоследствии выяснилось, что они разные). Поскольку вместе с человеческими останками были найдены многочисленные окаменелости костей плейстоценовых животных, то тем же возрастом был датирован «цзочжэньский человек» (Tsochen Man). Эта идея была поддержана японскими учеными (Симода Нобуо и др.), которые в 1973 и 1974 гг. провели измерения по содержанию в костях фтора и марганца, на основе которых предложили дату 30–20 тыс. л. н. По мнению многих исследователей, это был молодой мужчина, возможно, принадлежавший к создателям культуры Чанбинь. Однако в 2015 г. проф. Цю Хун-лин провел тщательное AMS-датирование костных остатков «цзочжэньского человека», которые в большинстве своем оказались не древнее 3 000 л. н., а один из фрагментов – только 250 л. н.¹²

⁹ Памятник Хуанъяньдун в уезде Фэнхай (пров. Гуандун) раскапывался в 1961, 1964 и 1978 гг. Радиоуглеродная дата (по раковинам) для плейстоценовых слоев, где обнаружены каменные орудия, $10\,950 \pm 300$ и $11\,930 \pm 200$ л. н. В пещере также найдено два черепа *Homo sapiens sapiens* [Сун Фанъи и др., 1983].

¹⁰ Очевидно, не случайно топоним *Чанбинь* переводится с китайского как «длинный берег».

¹¹ Сходную ситуацию приходилось наблюдать авторам во время работы на Кубе. Там заселение осуществлялось из Южной и Центральной Америки, т. е. теоретически должно было проходить через более близкий карибский берег. Однако все ранние (палеоиндейские) памятники (Левиса-1, Себоруко, Мелонес) обнаружены на Атлантическом побережье: см.: [Археология Кубы, 1986].

¹² Rewriting Taiwan's Prehistory // National Qinghua University web-site. URL: <http://nthu-en.web.nthu.edu.tw/files/13-1902-100181.php> (дата обращения 15.02.2018).

Для разрешения возникших проблем на базе Academia Sinica под руководством академика Цзан Чжэньхуа был разработан проект по комплексному изучению культуры Чанбинь, причем в основе его лежат масштабные раскопки в Басяньдун. Начавшись в 2008 г., они с перерывами продолжаются и в настоящее время. По материалам этих исследований в Пещерах Восьми бессмертных, которые представляют собой качественно новый этап в развитии тайваньской археологии палеолита, мы планируем подготовить специальную статью, с подробным изложением и анализом стратиграфии и палеоэкологии памятника, равно как и морфологии и технологии изготовления артефактов.

Проведенное нами исследование показало важную роль культуры Чанбинь в заселении Тайваня человеком¹³. Результаты этих изысканий исключительно важны для выявления особенностей антропогенеза на территории Восточной Азии. Детальная реконструкция этапов освоения данной территории, с особым вниманием к первоначальному заселению Тайваня, необходима как для понимания базовых характеристик культурной эволюции человека в исследуемом регионе, так и для решения проблемы распространения человека современного антропологического типа по ойкумене; выявления путей древних миграций в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Полученные выводы и привлеченные для этого материалы обладают особой актуальностью для формирования учебных курсов по региональной и всемирной археологии, поскольку изучению древнейшего прошлого Тайваня до сих пор не уделялось должного внимания.

Важность и актуальность проведенного нами исследования для академической науки состоит в том, что начальный период получения и обработки материалов из Басяньдун позволил в конечном счете достаточно четко сформулировать поисковые задачи, ответы на которые будут получены в рамках следующего этапа научного поиска, начавшегося около 10 лет назад.

Список литературы

Азаренко Ю. А., Лантев С. В., Комиссаров С. А. Неолитические памятники Тайваня: культура Дабэнькэн // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, вып. 4: Востоковедение. С. 18–28.

Археология Кубы / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1986. 172 с.

Кучера С. Древнейшая и древняя история Китая: Древнекаменный век. М.: Вост. лит., 1996. 432 с.

Рифтин Б. Л. Ба сянь // Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 5 т. М.: Вост. лит., 2007. [Т. 2:] Мифология. Религия. С. 375–376.

Chen Wei-chun. The Early Occupation of Taiwan // Handbook of East and Southeast Asian archaeology. N. Y.: Springer Nature, 2018. P. 277–292.

Ching L. Savage Construction and Civility Making: The Musha Incident and Aboriginal Representations in Colonial Taiwan // Positions: Asia critique. 2000. Vol. 8, iss. 3. P. 795–818.

Diamond J. M. Linguistics: Taiwan's gift to the World // Nature. 17.02.2000. No. 403. P. 709–710.

Genova T. di. Unpaving Paradise: Digging up Taiwan's ancient heritage // The Wild East magazine (on-line edition). 16.07.2009. URL: <http://www.thewildeast.net/2009/07/unpaving-paradise-digging-up-taiwans-ancient-heritage> (дата обращения 20.03.2018).

Дэн Цун. Хуайнянь [邓聪. 怀念宋文薰先生旧石器缘份 // 人类学视界]. Вспоминая палеолитическое служение учителя Сун Вэньсюня // Жэньлэйсюэ шицзе. 2016. № 19. С. 16–19. (на кит. яз.)

Дэн Цун. Цзюшици полемьянь тусяньсюэдэ лиши поуци – цун басяньдун ичжи шици хуйту шоци [邓聪. 旧石器破裂面图像学的历史剖析——从八仙洞遗址石器绘图说起 // 南方民族考古]. Анализ истории иконографии раскалываемой поверхности палеолитических орудий – на примере рисунков каменных орудий памятника Басяньдун // Наньфан миньцзу каогу. 2015. Вып. 11. С. 1–33. (на кит. яз.)

¹³ Авторы выражают свою глубокую признательность профессору Тан Чуну (Китайский университет Гонконга) за консультации по теме статьи.

Сун Вэньсюнь. Чанбинь вэньхуа – Тайвань шоуцы фасяньдэ сяньтао вэньхуа (цзяньбао) [宋文薰. 长滨文化—台湾首次发现的先陶文化 (简报) // 中国民族学通讯] // Чжунго минь-цзусюэ тунсюнь. 1969. № 9. С. 1–27. (на кит. яз.)

Сун Фанъи, Цю Личэн, Ван Линхун. Гуандун фэнкай хуанъяньдун дунсюэ ичжи [宋方义、丘立诚、王令红. 广东封开黄岩洞洞穴遗址 // 考古]. Пещерная стоянка Хуанъяньдун в уезде Фэнкай, пров. Гуандун // Каогу. 1983. № 1. С. 1–3. (на кит. яз.)

Хань Ци. Тайваньшэн юаньши шэхуй каогу гайшу [韩起. 台湾省原始社会考古概述 // 考古]. Краткий обзор первобытного общества пров. Тайвань // Каогу. 1979. № 3. С. 245–249. (на кит. яз.)

Цай Баоцюань. Цзюшици шидайдэ тайвань хайся // Хайся лянъань уюань лунь – Хайся лянъань уюань гуаньси сюэшу яньтаохуй луньвэньцзи [蔡保全. 旧石器时代的台湾海峡 // 海峡两岸五缘论—海峡两岸五缘关系学术研讨会论文集]. Тайваньский пролив в эпоху палеолита // Обсуждение «пяти причин» [единения] двух берегов пролива: Сб. ст. науч. конф. по «пяти причинам» связей двух берегов пролива. Пекин: Фанчжи чубаньшэ, 2003. С. 189–198. (на кит. яз.)

Цзан Чжэньхуа. Тайвань каогудэ фасянь юй яньцзю [臧振华. 台湾考古发现与研究 // 东南考古研究]. Археологические находки и исследования на Тайване // Дуннань каогу яньцзю. 1999. Вып. 2. С. 101–116. (на кит. яз.)

Цзян Говэй. Гуйчжоу цзюшици шидай вэньхуа юй тайвань чанбинь вэньхуа [将国维. 贵州旧石器时代文化与台湾长滨文化 // 贵州民族研究 (季刊)]. Палеолитические культуры Гуйчжоу и культура Чанбинь на Тайване // Гуйчжоу миньцзю яньцзю (цзикань). 1995. № 4. С. 55–60. (на кит. яз.)

Чжан Чжисхэн, Хуан Цзяньцю, У Цзяньминь. Чжунго цзюшици шидай каогу [张之恒、黄建秋、吴建民. 中国旧石器时代考古]. Археология палеолитической эпохи Китая. Нанкин: Наньцзин дасюэ чубаньшэ, 2003. 419 с. (на кит. яз.)

Материал поступил в редколлегию 10.04.2018

A. P. Derevianko^{1,2}, Yu. A. Azarenko¹, S. A. Komissarov^{1,2}

¹ Novosibirsk State University

1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

derev@archaeology.nsc.ru, j_azar@mail.ru, sergai@mail.ru

CHANGBIN CULTURE ON TAIWAN: HISTORY OF INVESTIGATIONS AND BASIC CHARACTERISTICS

Purpose. The paper describes the most ancient archaeological culture of Taiwan and its significance for the reconstruction of the early stage of the human society's development in the region.

Results. Changbin, the culture of the Late Paleolithic Age, named after Changbin Township in Taidong County on the eastern coast of the island and its southern extremities where it was discovered. Excavations of the primary site, Baxiandong (Baxian caves; or Pahsientung), started in 1968, with new findings being made nowadays. The Baxian sea-cave samples were tested with radiocarbon measurement to have been dated from 15 to 5 thousand years ago, making earlier dates (around 50,000 years ago) debatable. The bulk of artifacts found includes chipped stone and bone tools, mainly of them are flint scrapers, sharp-edged flake tools, pebble chopping tools, shell scrapers and also tools made of bone, such as wedges, stitching awls and fish hooks. The ancient people, who lived in the caves, hunted, fished and gathered seafood on the coast. Typologically, the Changbin tools are similar to the Hoabinhian industry. It is possible that Changbinhians came to Taiwan from the Southeast China, but also probably from the Phillipines. At its late stage, the Changbin culture

overlaps with the Neolithic Dabengkeng culture (about 5000–2500 years BC), but there is no evidence to any contacts between them.

Conclusion. Changbin Culture is extremely important for the understanding of the origin of the first settlements in prehistorical Taiwan. Farther research can bring new results in revealing the features of anthropogenesis on the territory of the Eastern Asia. Detailed reconstruction of the stages of development of this territory, with special attention to the initial settlement of Taiwan, is necessary to understand the basic characteristics of the cultural evolution of the early cultures in the region and can help solve the problem of the spread of a modern anthropological type in ecumene, make possible the identifying the ways of ancient migrations in the Asia-Pacific region. The initial period of studies of Baxian caves made possible to formulate the tasks for the new search, the answers to which will be received within the next stage of the archaeological works, having begun about 10 years ago.

Keywords: Taiwan, Paleolithic, cave sites, Changbin culture, ancient migrations.

References

Azarenko Yu. A., Laptev S. V., Komissarov S. A. Neoliticheskie pamyatniki Taivanya: kul'tura Daben'ken [Neolithic sites of Taiwan: Dabengkeng Culture]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 15, iss. 4: Oriental Studies, p. 18–28. (in Russ.)

Arkheologiya Kuby [Archaeology of Cuba] / Ed. by R. S. Vasil'evskii. Novosibirsk, Nauka, 1986, 172 p. (in Russ.)

Kuchera S. Drevneishaya i drevnyaya istoriya Kitaya: Drevnekamennyi vek [Ancient and Early History of China: Early Stone Age]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1996, 432 p. (in Russ.)

Riftin B. L. Ba syan' [Ba xian]. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya* [Spiritual Culture of China. Encyclopedia] In 5 vols. Ed. by M. L. Titarenko et al. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2007, vol. 2: Mythology. Religion, p. 375–376. (in Russ.)

Chen Wei-chun. The early occupation of Taiwan. *Handbook of East and Southeast Asian Archaeology*. New York, Springer Nature Publ., 2018, p. 277–292.

Ching L. Savage construction and civility making: The Musha incident and aboriginal representations in colonial Taiwan. *Positions: Asia critique*, 2000, vol. 8, iss. 3, p. 795–818.

Diamond J. M. Linguistics: Taiwan's gift to the World. *Nature*, 17.02. 2000, vol. 403, p. 709–710.

Genova T., di. Unpaving Paradise: Digging up Taiwan's ancient heritage. *The Wild East magazine* (on-line edition), 16.07.2009. Available at: <http://www.thewildeast.net/2009/07/unpaving-paradise-digging-up-taiwans-ancient-heritage> (accessed 20.03.2018).

Tang Chung. Huainian Song Wenxiong xiansheng jiushiqi yuanfen (邓聪. 怀念宋文薰先生旧石器缘份). [In memory of the Teacher Song Wenxun: Life for the Paleolithic studies]. *Renleixue shijie* (人类学视界) [Anthropological Horizons], 2016, vol. 19, p. 16–19. (in Chin.)

Tang Chung. Jiushiqi polie tuxiangxue de lishi pouxi – cong Baxiandong yizhi shiqi huitu shuoqi (邓聪. 旧石器破裂面图像学的历史剖析—从八仙洞遗址石器绘图说起). [An analysis of the history of the surface depiction of Paleolithic knapped tools: the stone tools images of the Baxiandong Cave]. *Nanfang minzu kaogu* (南方民族考古) [Southern Ethnology and Archaeology], 2015, vol. 11, p. 1–33. (in Chin.)

Song Wenxun. Changbin wenhua – Taiwan shouci faxian de xiantao wenhua (jianbao) (宋文薰. 长滨文化—台湾首次发现的先陶文化 (简报). [Changbin culture: The first discovery of preceramic culture in Taiwan (Preliminary Report)]. *Zhongguo minzuxue tongxun* (中国民族学通讯) [Newsletter of Chinese Ethnology], 1969, vol. 9, p. 1–27. (in Chin.)

Song Fangyi, Qiu Licheng, Wang Linghong. Guangdong Fengkai Huangyandong dongxue yizhi (宋方义、丘立诚、王令红. 广东封开黄岩洞洞穴遗址). [Huangyandong cave site in Fengkai county, Guangdong province]. *Kaogu* (考古) [Archaeology], 1983, vol. 1, p. 1–3. (in Chin.)

Han Qi. Taiwan sheng yuanshi shehui kaogu gaishu (韩起. 台湾省原始社会考古概述). [A brief survey of archaeological researches on the prehistoric society of Taiwan province]. *Kaogu* (考古) [Archaeology], 1979, vol. 3, p. 245–249. (in Chin.)

Cai Baoquan. Jiushiqi shidai de Taiwan haixia (蔡保全。旧石器时代的台湾海峡). [Taiwan Strait in the Palaeolithic Age]. *Haixia liang'an wu yan guanxi xueshu yantaohui lunwenji (海峡两岸五缘论--海峡两岸五缘关系学术研讨会论文集)* [Cross-strait relations in five areas discussion – Collected papers of the scientific conference]. Beijing, Fangzhi Publ., 2003, p. 189–198. (in Chin.)

Tsang Cheng-hwa. Taiwan kaogu de faxian yu yanjiu (臧振华。台湾考古发现与研究). [Archaeological findings and research in Taiwan]. *Dong-Nan kaogu yanjiu (东南考古研究)* [Studies on Southeast China Archaeology], 1999, vol. 2, p. 101–116. (in Chin.)

Jiang Guowei. Guizhou jiushiqi shidai wenhua yu Taiwan Changbin wenhua (将国维。贵州旧石器时代文化与台湾长滨文化). [Paleolithic cultures in Guizhou and Changbin culture in Taiwan]. *Guizhou minzu yanjiu (贵州民族研究)* [Guizhou Ethnic Studies], 1995, vol. 4, p. 55–60. (in Chin.)

Zhang Zhiheng, Huang Jianqiu, Wu Jianmin. *Zhongguo jiushiqi shidai kaogu (张之恒、黄建秋、吴建民。中国旧石器时代考古)* [Paleolithic archaeology of China]. Nanjing, Nanjing University Press, 2003, 419 p. (in Chin.)

For citation:

Derevianko A. P., Azarenko Yu. A., Komissarov S. A. Changbin Culture on Taiwan: History of Investigations and Basic Characteristics. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 21–29. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-5-21-29

А. Ю. Борисенко¹, Ю. С. Худяков^{1,2}

¹ *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

aborisenko2@mail.ru, khudjakov@mail.ru

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ВЕРСИИ О ПОКОРЕНИИ СИБИРИ ЕРМАКОМ В СОЧИНЕНИЯХ ЕВРОПЕЙЦЕВ XVII–XVIII ВЕКОВ В РОССИЙСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ *

Анализируются исторические сведения о походе отряда под командованием атамана Ермака в Сибирь и о начальном периоде присоединения западных сибирских земель к Московскому царству. Многими исследователями признано, что основным, наиболее достоверным и информативным, источником по данной теме являются «Сибирские летописи». Однако еще до того, как они были изучены Г. Ф. Миллером, некоторые сведения об освоении региона были отмечены другими европейскими авторами. В их сочинениях содержатся малоизвестные, иногда довольно оригинальные, сведения и авторские суждения, в которых освещаются исторические события, относящиеся к походу Ермака через Уральские горы, в Западную Сибирь, а также описания одержанных им военных побед над войсками Сибирского татарского ханства. Сведения об исторических событиях, относящиеся к периоду присоединения сибирских земель к Российскому государству, содержащиеся в сочинениях европейских авторов XVII–XVIII вв., можно использовать при подготовке обобщающих научных трудов по истории Северной Азии.

Ключевые слова: Московское царство, Сибирь, сибирские татары, атаман Ермак.

С того времени, когда об исторических событиях, относящихся к началу присоединения сибирских земель к Московскому царству стало известно европейцам, они стали активно интересоваться этими сведениями и предлагать свои версии объяснения исторических событий, относящихся к походу Ермака в Сибирь. Актуальность изучения сообщений европейских авторов заключается в возможности заново рассмотреть и уточнить отдельные особенности их представлений об указанных исторических событиях. Поэтому целью настоящего исследования является уточнение взглядов некоторых европейцев на сведения о первом походе казачьего отряда и начале включения сибирских земель в состав Российского государства. В числе научных задач предлагается проследить расширение объема сведений о присоединении Сибири, доступных европейцам, в сравнении их с сообщениями русских сибирских летописей, собранных в течение рассматриваемого исторического периода.

Важнейшим источником, описывающим процесс присоединения сибирских земель к Московскому царству, являются «Сибирские летописи» [2008]. Эти русские летописные источники были собраны выдающимся ученым, историографом Г. Ф. Миллером во время его путешествия в составе Второй Камчатской экспедиции по Северной Азии в первой трети

* Исследование проведено в рамках Программы НИР XII.186.2. (проект № 0329-2018-0003).

XVIII в. В дальнейшем они были им изучены и использованы для подготовки первого фундаментального научного труда по истории Сибири [Миллер, 1999. С. 158–162].

Однако еще до его выхода в свет европейские авторы писали в своих сочинениях о присоединении Сибири к Российскому государству. При этом они очень удивлялись тому, что самое начало процесса присоединения весьма обширных территорий Северной Азии к Московскому царству было осуществлено силами сравнительно небольшого по численности отряда. В сочинениях европейцев XVII–XVIII вв. содержатся некоторые оригинальные, малоизвестные версии этих событий, существенно отличающиеся от наиболее распространенной и обоснованной концепции, созданной на основе материалов сибирских летописей [Там же. С. 208–265]. Авторами этих работ явились люди, побывавшие или служившие в Российском государстве в качестве дипломатов, администраторов, коммерсантов и ученых, – Я. Рейтенфельс, И. Идес, А. Бранд, Д. Перри. Их версии были исследованы нами в извлечениях из книг Н. К. Витсена и Д. Белла, изданных на русском языке М. П. Алексеевым [1941. С. 387] и Э. П. Зиннером [1968. С. 14–23, 41–42, 45–48]. Эти малоизвестные сведения могут быть объектом целенаправленного изучения и осмысления.

В сочинении уроженца Курляндии Якоба Рейтенфельса [1997], побывавшего в Москве в составе посольства итальянского герцогства Тосканы в 1670-х гг., содержится краткая версия похода в Сибирь отряда Ермака. В описании этого похода говорится о том, что «раньше всех открыл Сибирь некий разбойник, содержавшийся в Москве, который, дабы заслужить себе свободу и сохранить жизнь столь важным открытием, привел русских туда, поддерживаемый только шестьюстами солдат. Быть может, он и раньше, занимаясь разбоем по Казанскому царству, ушел в пределы Сибири, во избежание расставленных ему ловушек». По оценке этого автора, «достойно, право, изумления, что такая горсть людей овладела таким громадным пространством земли» [Алексеев, 1941. С. 387].

В известном сочинении шлезвиг-гольштейнского коммерсанта Эберхардта Избранта Идеса, находившегося в качестве дипломата на российской государственной службе, совершившего в конце XVII в. путешествие в Китай во главе российской дипломатической миссии, повествуется о том, что «некий разбойник», названный «Тимофеевич» или «по имени Ермак Тимофеевич», занимался грабежами в Поволжье, а когда его стала преследовать «большая военная сила», то он бежал в Приуралье, на реки Каму и Чусовую, во владения купца Строганова. Казачий атаман обратился за покровительством к этому купцу, а взамен пообещал «привести всю Сибирь под власть великого царя». Он получил от Строганова значительную помощь «в виде судов, оружия и необходимых рабочих» и отплыл «со своей шайкой» по реке Серебрянке, а затем перевалил через Уральские горы, после чего взял «крепость Тюмень, сравнял ее с землей». Затем он прибыл в город Тобольск, где находился юный татарский князь Алтанай Кучумович, «напал на этот город, с малыми потерями взял его и из него послал пленного князя в Москву». После этого «недалеко от Тобольска ночью на него неожиданно напал отряд татар». В ходе ночного боя атаман, перепрыгивая с одного судна на другое, упал в воду. «Тяжелая кольчуга сразу же потянула его ко дну, и никто не смог прийти ему на помощь. Труп его из-за быстрого течения был отнесен далеко и никогда не был найден». Строганов получил от царя для Ермака «помилование». В Сибирь было направлено «несколько сотен московских офицеров и солдат». С этого времени «царь начал править Сибирью» [Идес, Бранд, 1967. С. 82–83].

Ценные сведения о Сибири, в том числе о населяющих южные степные районы этого региона народах, и о событиях, относящихся ко времени присоединения Северной Азии к Российскому государству, содержатся в сочинении о «Северной и Восточной Тартарии» голландского администратора, бургомистра Амстердама, коммерсанта и ученого Николааса Корнелиуса Витсена [2010. С. 784, 929].

В книге Н. К. Витсена, содержится три разных версии о походе отряда под командованием атамана Ермака в Сибирь. В одной из них говорится, что Ермак был «бравый казак из Муром», который со своей «шайкой» занимался грабежом на р. Волге. После того как они разграбили несколько судов, принадлежавших царю, казакам пришлось бежать на р. Чусовую, во владения купца Д. Строганова, который снабдил их «военными припасами, оружием и прочим» для того, чтобы они могли «попытать счастья в Сибири». Отряд атамана Ермака занял в Сибири города Тюмень и Тобольск, названный «резиденцией князя страны»,

в погоню за этим татарским правителем он отправил большую часть своего отряда, а сам с двумя сотнями казаков остался ждать их возвращения, однако из посланных лишь «немногие избежали татарских рук». Вскоре «сам Ермак с оставшимся войском вынужден был скрыться на лодках и однажды, загнанный в воду, был убит». Из его отряда уцелело 40 казаков. Они отправились в Москву к царю Ивану, который «немедленно отрядил 600 человек» для отправки в сибирские земли «с остатками ермаковской шайки». Эти люди покорили татар и так «утвердились в новой стране» [Зиннер, 1968. С. 14–15].

В другой части своей работы Н. К. Витсен еще раз сообщил о походе отряда Ермака и привел некоторые новые подробности о купцах Строгановых. Согласно этим утверждениям, Строгановы происходили из известного татарского княжеского рода из окрестностей г. Астрахани в период существования Золотой Орды. Они оказали Ермаку помощь «оружием и запасами». Во время плавания на лодке по Тоболу Ермак «по несчастью упал в воду и пошел ко дну как камень, ибо был в тяжелом панцире. Тело его не могли найти. Оставшиеся в живых его товарищи по той же дороге возвратились домой...» [Там же. С. 15–16].

В еще одном месте своего сочинения Н. К. Витсен приводит более подробные сведения о том, что Ермак с «вольными казаками» разбойничал на р. Волге. За это время он «с легкостью покорил» народы Поволжья и подчинил их царю. Затем он «достиг того места, где жил Строганов», который был «уроженцем Новгорода». Незадолго до подавления восстания в этом городе он бежал «за Пермь». Именно Строганов рассказал Ермаку «о делах Сибирского царства». Перейдя Уральские горы, Ермак «привел в подданство» местные племена, «беря заложников и дань мехами». Казаки прорвались к городу Тобольску, который назван столицей хана Кучума. В ходе военного столкновения Ермак применил военную хитрость – казаки начали стрелять в татар одними пыжами, не принося им какого-либо вреда. Перед следующим столкновением казаки зарядили свои пищали «кусками железа и пулями». Согласно данному сочинению, перед боем атаман Ермак и хан Кучум якобы обратились к своим войнам с призывами храбро сражаться. В ходе боя Ермак приказал части казаков заряжать ружья, а другой – стрелять. Казаки одержали победу и многих татар взяли в плен. В распоряжении Кучума были две пушки, из которых татары ни разу не смогли выстрелить. По приказу хана эти орудия пришлось сбросить в Иртыш [Там же. С. 16–20]. Затем он отправил казака Грозу Ивановича к царю Ивану Грозному в Москву. Царь простил казакам «прежние разбои», снабдил «открытой грамотой», в которой прощал им прошлые грехи и послал подарки. В одном из следующих боев, когда татары напали на казаков ночью, атаман спрыгнул с берега в Иртыш. Поскольку на нем было два металлических панциря и железные нарукавники, он «как камень погрузился на дно и самым жалким образом погиб». После смерти Ермака казаки выбрали атаманом Грозу Ивановича, который спустился на судах по Оби до Северного Ледовитого океана [Там же. С. 20–22].

В сочинении англичанина Джона Перри, находившегося в начале XVIII в. на российской службе, говорится, что Сибирь была завоевана «под руководством некоего Строганова», владевшего «обширным флотом глубокосидящих судов», которые «постоянно используют на реке Волге». По мнению Д. Перри, именно «Строганов добыл у царя войска, среди них несколько донских казаков, и меньше чем за два года полностью завоевал страну. Король был убит в этом деле, а сыновья со многими пленниками были доставлены в Москву» [Там же. С. 41–42].

В книге участника российского посольства в Китай, англичанина Джона Белла, содержатся оригинальные сведения и трактовки похода отряда Ермака в Сибирь. По сведениям этого автора, «некоторый донской казак, называемый Ермак Тимофеевич» собрал «нескольких разбойников и начал грабительствовать по большим дорогам». По мнению этого автора, Ермак грабил «только богатых» и «наделял бедняков» [Bell, 1763. P. 174]. Он несколько лет разбойничал на Волге, поэтому против него были посланы войска. Ему пришлось поселиться в Персии «под именем купца». Персы, узнав о нем, «принудили его удалиться». После этого он отправился на Каму, а затем через «Верхотурские горы» в надежде отыскать «безопасное для себя убежище» [Зиннер, 1968. С. 45–46]. В Сибири Ермак продолжил свой путь по рекам Туре и Тоболу, «где он нашел населенные города и обработанные земли. Татарский хан, устрасясь его прибытия, собрал многочисленное войско из конных и пеших, вооруженное луками, стрелами, копьями и другими подобными оружиями». С военными отрядами татар

были «многие стычки, в которых побивал многое их число огнестрельным своим оружием, какого татары еще не знали». Д. Белл даже сравнил сибирских татар с американскими индейцами в период испанских завоеваний. Согласно его версии, Ермак с остатками своего отряда «возвратился опять в то село, в котором провел прошедшую зиму». Далее Ермак якобы сам приезжал в Москву, просил прощения у царя и предлагал для него «приобрести славные завоевания». Царь простил его и «распорядился снабдить его войсками». Во главе этих войск Ермак снова совершил поход в Сибирь. Множество татар пытались остановить его продвижение по рекам. На одной из лодок находился сам татарский хан. Во время преследования его на Иртыше Ермак попытался «перескочить из своей лодки на другую, но при этом случае упал он в воду и утонул». В этом сражении погиб и «храбрый татарский хан». Его сын и другие «родственники были отосланы в Москву», где царь хорошо их принял и «пожаловал» им «знатное владение» [Зиннер, 1968. С. 47–48].

В дальнейшем, в 30-е – 40-е гг. XVIII в. Г. Ф. Миллером были собраны важнейшие информативные русские исторические документы, составляющие основной корпус «Сибирских летописей», в которых подробно изложены события, относящиеся к походу Ермака в Сибирь и началу процесса присоединения сибирских земель к Российскому государству [Миллер, 1999. С. 208–259]. Эти сведения были положены в основу многих последующих исторических исследований, касающихся присоединения Сибири к Российскому государству. В то же время рассмотренные выше данные предшествующих европейских авторов служат определенным дополнением к летописной истории «Сибирского взятия».

Наиболее общим утверждением, характерным для всех рассмотренных выше сообщений, можно считать заявление о том, что покоритель Сибири был неким «разбойником», казаком или казачьим атаманом. Некоторым более осведомленным европейским авторам были известны его имя и отчество. Они называли его или просто Ермаком, или Ермаком Тимофеевичем, или в некоторых случаях только по отчеству, Тимофеевичем [Идес, Бранд, 1967. С. 82]. Лишь в изложении Д. Перри, предводитель казаков вообще не упомянут, а инициатива присоединения Сибири приписана купцу Строганову. Существенно принижена роль казаков, которых, по версии этого автора, в составе военного отряда, покорившего Сибирь, было всего «несколько» человек [Зиннер, 1968. С. 41–42]. То, что казаки занимались грабежами на Волге, в большей части европейских сочинений упомянуты кратко. Лишь в сочинении Д. Белла им придан характер своего рода борьбы за социальную справедливость. Согласно его изложению, атаман Ермак грабил только богатых и перераспределял награбленное среди бедных людей [Bell, 1763. P. 174].

Обстоятельства похода Ермака в Сибирь в сочинениях европейских авторов описаны по-разному. Как уже было отмечено, у некоторых европейцев вызывало большое удивление то, что этому «разбойнику», казачьему атаману Ермаку, удалось покорить многочисленное татарское население Сибирского ханства и обширные пространства Западной Сибири очень небольшими силами. Если в конце XVII в. европейцы только выражали удивление по этому поводу, то в дальнейшем, в начале XVIII в., они стали вполне уверенно объяснять победу казаков их несомненным военно-техническим превосходством, поскольку в отличие от сибирских татар русские казаки располагали огнестрельным оружием и артиллерией. Д. Белл даже сравнивал сибирских татар с «мексиканскими жителями» – американскими индейцами, которые не смогли успешно противостоять испанским завоевателям, обладавшим таким же огнестрельным оружием [Зиннер, 1968. С. 47]. В то же время в одном из разделов о «сибирском взятии», который содержится в сочинении Н. К. Витсена, говорится о том, что в распоряжении хана Кучума было две пушки, из которых, однако, татары ни разу не смогли выстрелить, в результате чего эти орудия пришлось сбросить в реку Иртыш, чтобы они не достались Ермаку [Зиннер, 1968. С. 20]. Это противоречит утверждению Д. Белла, о том, что сибирские татары были не знакомы с огнестрельным оружием.

Биографические сведения и военные успехи Ермака в разных сочинениях описаны различно. В сочинении Я. Рейтенфельса он не назван по имени, а поименован просто «неким разбойником» [Алексеев, 1941. С. 387]. Э. И. Идес привел это же определение в сочетании с именем и отчеством казачьего атамана, а в одном случае назвал его просто по отчеству. В разных сочинениях он назван «бравым казаком из Мурома» или «донским казаком». Деятельность казачьего отряда и самого Ермака во время похода в Сибирь показана разнообраз-

но. В одном из фрагментов из книги Н. К. Витсена описан характерный воинский прием, использованный Ермаком для повышения скорострельности пищалей, когда он приказал одной части казаков заряжать ружья, а другой стрелять. Среди взятых им татарских городов упомянуты Тюмень и Тобольск, которые были построены русскими людьми уже после присоединения западных сибирских земель к Московскому царству. Вероятно, европейцы имели в виду более ранние татарские поселения, находившиеся в районе расположения этих городов. В одном из фрагментов книги Н. К. Витсена отмечается, что первым помощником атамана Ермака был некий казак Гроза Иванович, который ездил в Москву для переговоров с царем Иваном Грозным, а после гибели Ермака именно его казаки избрали своим главой. В других источниках о нем не упоминается. В сочинении Д. Белла говорится о том, что Ермак якобы сам приезжал в Москву на переговоры с царем, который простил ему прежние прегрешения и снабдил войсками. По этой версии, атаман Ермак погиб во время второго похода в Сибирь [Зиннер, 1968. С. 47–48].

В информации о гибели Ермака в сочинениях европейцев прослеживаются определенные схожие черты. В нескольких работах говорится о том, что в ходе боя с сибирскими татарами Ермак упал в воду с лодки и утонул, поскольку был в тяжелых доспехах. При этом в сочинении Э. И. Идеса утверждается, что тело Ермака «никогда» не было найдено, хотя из русских источников известно, что татары нашли его и разделили между разными претендентами надетые на него даренные царские доспехи. В середине XVII в. эти якобы непробиваемые панцирные доспехи захотел приобрести джунгарский правитель «калмыцкий тайша Аблай». Один из этих панцирей российским воеводам удалось найти и послать тайше, а другой остался у одного из князей обских угров [Миллер, 1999. С. 259; Сибирские летописи, 2008. С. 570–571].

В отличие от Ермака, его главный противник – правитель сибирских татар, был известен далеко не всем европейским авторам рассматриваемого времени. Я. Рейтенфельс в своем сочинении о нем вообще не упомянул [Зиннер, 1968. С. 15–16]. В сочинении Э. И. Идеса он упоминается как «юный татарский князь Алтанай Кучумович», который якобы в ходе одного из боев был взят в плен и отправлен в Москву [Идес, Бранд, 1967. С. 83]. Вполне вероятно, что в данном случае имелся в виду один из потомков хана Кучума, попавший в плен к русским и отправленный к московскому царю. В некоторых сочинениях европейцев сибирский правитель назван просто «татарским ханом» или, на европейский манер, «королем». Лишь в одном из фрагментов, содержащихся в книге Н. К. Витсена, он назван своим настоящим именем – Кучум [Зиннер, 1968. С. 17–19].

В большей части сведений, почерпнутых из сочинений европейских авторов, отмечена и высоко оценена весьма значительная роль в «сибирском взятии» купцов Строгановых. Только в сочинении Я. Рейтенфельса эта фамилия в связи с присоединением Сибири совсем не упоминается. В то же время в сочинении Д. Перри присоединение Сибири приписано именно купцу Строганову, который «добыл у царя войско», включил в его состав «несколько» донских казаков и в течение двух лет присоединил Сибирь [Зиннер, 1968. С. 41–42]. В большей части сочинений европейцы отмечали, что Строгановы сообщили Ермаку необходимые сведения о Сибирском татарском ханстве, снабдили его отряд огнестрельным оружием и необходимым снаряжением для совершения военного похода. Можно высказать предположение, что европейцы получили эти сведения или от самих Строгановых, или от связанных с ними людей.

В целом, содержащиеся в сочинениях европейцев версии похода в Сибирь казачьего отряда под командованием атамана Ермака имеют некоторые существенные отличия от данных «Сибирских летописей». Вероятно, иностранцы могли получить информацию об этих событиях преимущественно от других европейцев, бывавших в Москве или служивших в составе российских войск, либо от представителей российской администрации, управлявшей Сибирью. Возможно, некоторую часть сведений им предоставили потомки Строгановых и других заинтересованных людей, в результате чего их роль в процессе присоединения Сибирского региона к Российскому государству оказалась оценена значительно выше, чем об этом повествуется в «Сибирских летописях».

Обращение к использованию исторических данных, содержащихся в сочинениях европейцев, вполне возможно, однако с учетом материала «Сибирских летописей». Привлечение

данных наблюдений должно способствовать уточнению и дополнению знаний об этих исторических событиях, отраженных в русских источниках.

Список литературы

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск: ОГИЗ, 1941. 612 с.

Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной Европе и Азии. Пер. с голланд. В. Г. Тринсман. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. 2. С. 623–1225.

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 247 с.

Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М.: Гл. ред. Вост. лит., 1967. 404 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Вост. лит., 1999. Т. 1. 630 с.

Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Кн. 4. Естественные богатства государства и его обширность // Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова, Рита-Принт, 1997. С. 231–406.

Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: Александрия, 2008. 688 с.

Bell D. Travels from Sankt-Petersburg in Russia, to divers part of Asia. Glasgow: Printed for the Author by Robert and Andrew Foulis, 1763. 357 p.

Материал поступил в редколлегию 18.02.2018

A. Yu. Borisenko¹, Yu. S. Khudyakov^{1,2}

¹ Novosibirsk State University

1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

aborisinko2@mail.ru, khudjakov@mail.ru

THE LITTLE KNOWN VERSION ABOUT CONQUEST OF SIBERIA BY ERMAK IN THE WORKS OF EUROPEAN OF THE END 17th – 18th CENTURIES IN THE RUSSIAN PUBLICATIONS

Purpose. It is analyzed in the article the historical data about campaign of the Cossack troop commanded by ataman Yermak into Siberia and about initial period of annexation of Western Siberian lands to the Czarism of Moscow. They are contained in the works of the European authors, who wrote their essays in the second half of the 17–18th century. It is recognized by many explorers, that major, the most reliable and informative source, where it is described the events of military campaign of the Russian Cossacks' troop into Siberia, are the Russian «Siberian Chronicles». However, before those storytelling sources were studied and used by Gerhard Friedrich Miller for description of the history of annexation of Siberia to the Czarism of Moscow, some data about development of that vast region by the Russian Cossacks and service class people had the great interest for the several other European authors, who wrote in their scientific works about campaign of the Cossack troop of ataman Yermak into Siberian lands.

Results. It is contained in these works several little-known sometimes quite original not found in other sources' data and authors' opinions highlighting in non-traditional way the historical events, that are related to the campaign of the Russian Cossacks' troop via the Ural Mountains to Western Siberia, as well as the descriptions of won by the Cossacks' military successes over forces of the Tatars' Khanate of Sibir. Some of these works contain data about takeover by the Cossacks of cities and strongholds, belonged to the Siberian Tatars, as well as about cases of capture

in the course of hostilities of the Tatar leaders and their relatives, who were deported into Moscow thereafter. The several European authors, who wrote their works in that period about the Russian conquest of Northern Asia, were highly astonished at a quite small troop of the Russian Cossacks could subordinate West Siberian lands, populated by the Tatars. It was utilized quite a small military force for joining of the West lands of Western Siberia to the Czarism of Moscow. A number of the European researchers have noted in their works that leader of the Cossack troop ataman Yermak was robbing for several years at the Volga River region before he departed to conquer the Tatars' Khanate of Sibir. Therefore, fearing of persecution by the czarist authorities, later he was obliged to leave with his troop to the Northern Ural Region, and then he committed his well-known campaign to Western Siberia out of there.

Conclusion. Data about historical events in the works of the European researchers, related to the conquest of the Khanate of Sibir, serve as an important supplement of historical materials that are contained in the Russian «Siberian Chronicles». Data about historical events, that are related to the period of annexation of Siberian lands to the Russian State and contained in the works of the European chroniclers the second half of the 17th – the beginning of the 18th century, can be used in preparation of synthesizing scientific works on history of Northern Asia.

Keywords: Czarism of Moscow, Siberia, Siberian Tatars, ataman Yermak.

References

Alekseev M. P. Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeiskikh puteshestvennikov i pisatelei [Messages Western European Travelers and Writers of Siberia]. Irkutsk, OGIZ Publ., 1941, 612 p. (in Russ.)

Bell D. Travels from Sankt-Petersburg in Russia, to divers part of Asia. Glasgow, Printed for the Author by Robert and Andrew Foulis, 1763, 357 p

Ides I., Brand A. Zapiski o russkom posol'stve v Kitai (1692–1695) [The Notes about the Russian Embassy in China (1692–1695)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1967, 404 p. (in Russ.)

Miller G. F. Istoriya Sibiri [The History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999, vol. 1, 630 p. (in Russ.)

Reutenfels J. Skazaniya svetleishemu gertsogu Toskanskomu Kozme Tret'emu o Moscovii. Kniga chetvertaya. Estestvennye bogatstva gosudarstva i ego obshirnosti [De rebus Moschoviticis ad Serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum Tertium. Liber quartus]. *Utverzhdenie dinastii* [Strengthening of dynasty]. Moscow, Sergey Dubov Found', Rita-Print. Publ., 1997, p. 231–406. (in Russ.)

Sibirskie letopisi. Kratkaya sibirskaya letopis' (Kungurskaya) [The Siberian Annals. Siberian Brief Chronicle (Kungurskaya)]. Ryazan', Alexandriya Publ., 2008, 688 p. (in Russ.)

Vitsen N. Severnaya i Vostochnaya Tartariya, vklyuchayushchaya oblasti, raspolozhennyye v severnoi i vostochnoi Evrope i Asii [Northern and Eastern Tartary, Including Areas Located in the Northern and Eastern Parts of Europe and Asia]. Amsterdam, Pegasus Publ., 2010, vol. 2, p. 623–1225. (in Russ.)

Zinner E. P. Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeiskikh putechestvennikov i uchenykh XVIII veka [Siberia in Books of Western Travelers and Scientists of the XVIII Century]. Irkutsk, Vost.-Sib. books. Publ., 1968, 247 p. (in Russ.)

For citation:

Borisenko A. Yu., Khudyakov Yu. S. The Little Known Version about Conquest of Siberia by Ermak in the Works of European of the End 17th – 18th Centuries in the Russian Publications. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 30–36. (in Russ.)

С. В. Горохов¹, А. П. Бородовский^{1,2}

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

gorokhov.sv@gmail.com

ЛОКАЛИЗАЦИЯ АБАХАНСКОГО ЗИМОВЬЯ И УЕНЬСКОГО ГОРОДИЩА ПО ДАННЫМ ИЗ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА И. Г. ГМЕЛИНА *

Цель работы – локализация в пределах Мошковского района Новосибирской области Абаханского зимовья и Уеньского городища. На первом этапе удалось локализовать Абаханское зимовье, которое располагалось в западной части современного дачного поселка Стародубовино. Затем по ориентирам, данным проезжавшим здесь в 1741 г. И. Г. Гmeliным, было определено месторасположение Уеньского городища. Оно находилось в западной части ур. Черный Мыс к северу от зимовья. После этого было выполнено сравнение описания городища И. Г. Гмелина и ранее выявленных памятников в данном районе. Доказано, что автор путевого дневника описал археологический объект Дубровинский Борок-6 (V–IV вв. до н. э.). Опыт анализа путевого дневника И. Г. Гмелина относительно Абаханского зимовья и Уеньского городища показал, что количественные данные, а также сведения об ориентации по сторонам света имеют весьма приблизительную точность. Напротив, сведения качественного характера достаточно точны, поэтому сыграли главную роль при решении поставленных задач.

Ключевые слова: Московско-Сибирский тракт, XVIII в., И. Г. Гмелин, Абаханское зимовье, Уеньское городище.

В июне 1741 г. из Томска в Тару по Московско-Сибирскому тракту проехал И. Г. Гмелин. Он оставил весьма подробное описание маршрута и некоторых объектов в его окрестностях. В частности, им было зафиксировано месторасположение Абаханского зимовья и Уеньского городища [Gmelin, 1752. S. 80–85]. В настоящей статье представлены результаты исследования, целью которых являлась локализация двух этих памятников (рис. 1–5). Решение проблемы расположения столь разных в культурно-хронологическом аспекте объектов обусловлено характером источниковой базы, в которой значимые ориентиры расположения Уеньского городища привязаны к Абаханскому зимовью, чья локализация также затруднена. Актуальность и научная значимость определения точных мест расположения и изучения этих археологических объектов всегда будут высоки.

Абаханское зимовье до настоящего времени не привлекало внимания исследователей. Но к вопросу локализации и интерпретации Уеньского городища археологи обращались несколько раз. Первое упоминание об этом памятнике в археологической литературе принад-

* Исследование проведено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00150).

лежало А. П. Уманскому [1972], который привел сокращенное описание места расположения памятника, его планиграфии, а также опубликовал прорисовку плана городища из книги И. Г. Гмелина. К сожалению, перевод текста путевого дневника содержал некоторые ошибки. Автор не предпринял попытки локализации поселения и его отождествления с конкретными объектами на местности, но высказал несколько предположений относительно культурно-исторической принадлежности. По мнению А. П. Уманского, Уеньское городище могло быть населено чатами или тулуманскими (тулубердинскими) татарами, жившими в XVII в. неподалеку от чатских татар вверх по течению Оби. Автор также допускает принадлежность городища телеутам [1972. С. 48–50, 55].

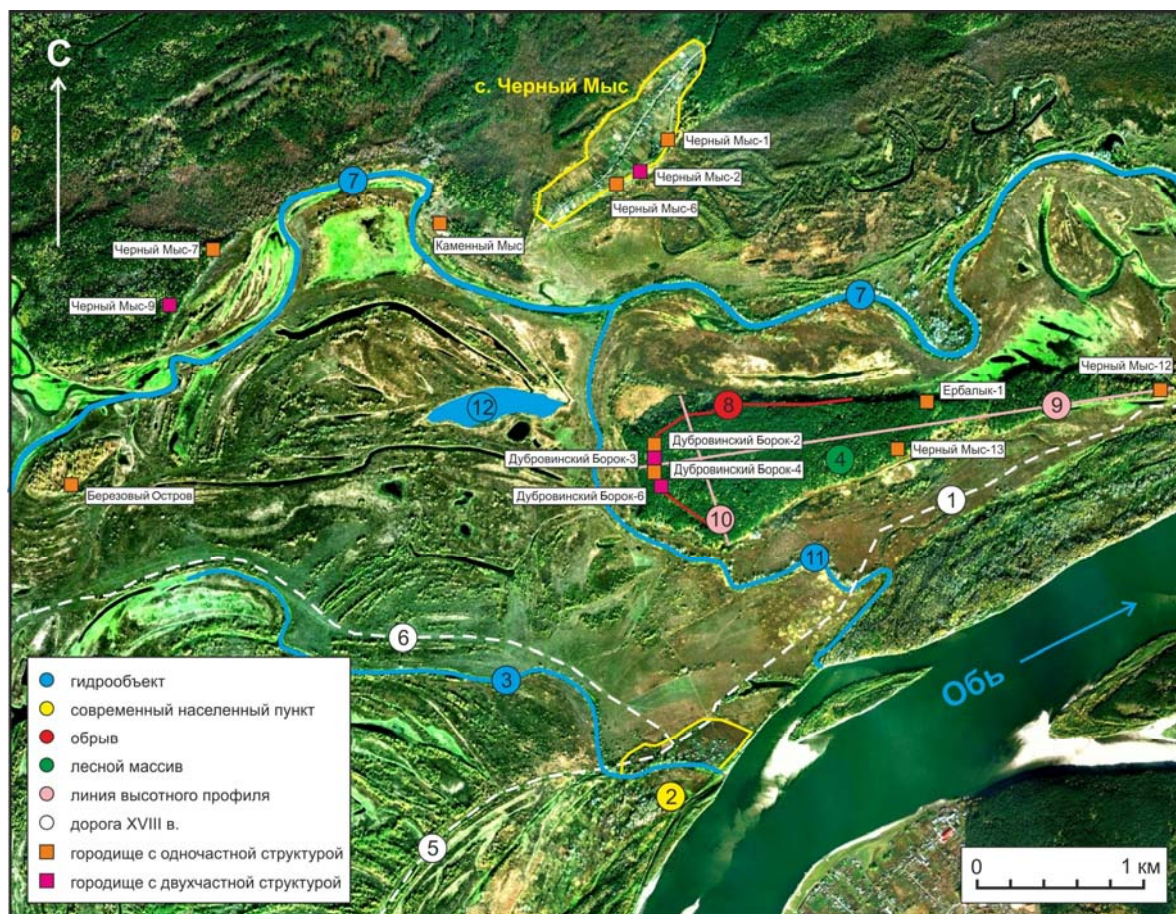

Рис. 1. Карта-схема района расположения Абаханского зимовья и Уеньского городища: 1 – дорога от переправы через р. Обь напротив с. Ташара до Абаханского зимовья; 2 – бывшее с. Стародубровино; 3 – старица Боган; 4 – ур. Черный Мыс; 5 – дорога от Абаханского зимовья до Орского бора вдоль р. Обь; 6 – объездная дорога от Абаханского зимовья до Орского бора; 7 – р. Уень; 8 – терраса с обрывом на ур. Черный Мыс; 9 – линия профиля высот ур. Черный Мыс (запад-восток); 10 – линия профиля высот ур. Черный Мыс (север-юг); 11 – протока Рытвина; 12 – оз. Изменец

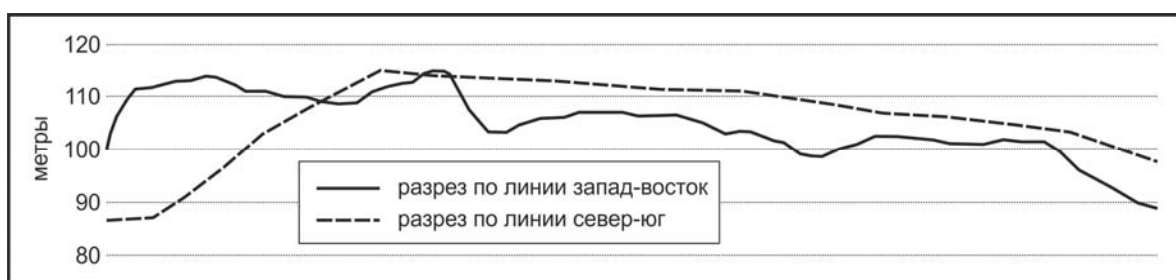

Рис. 2. Профиль высот ур. Черный Мыс

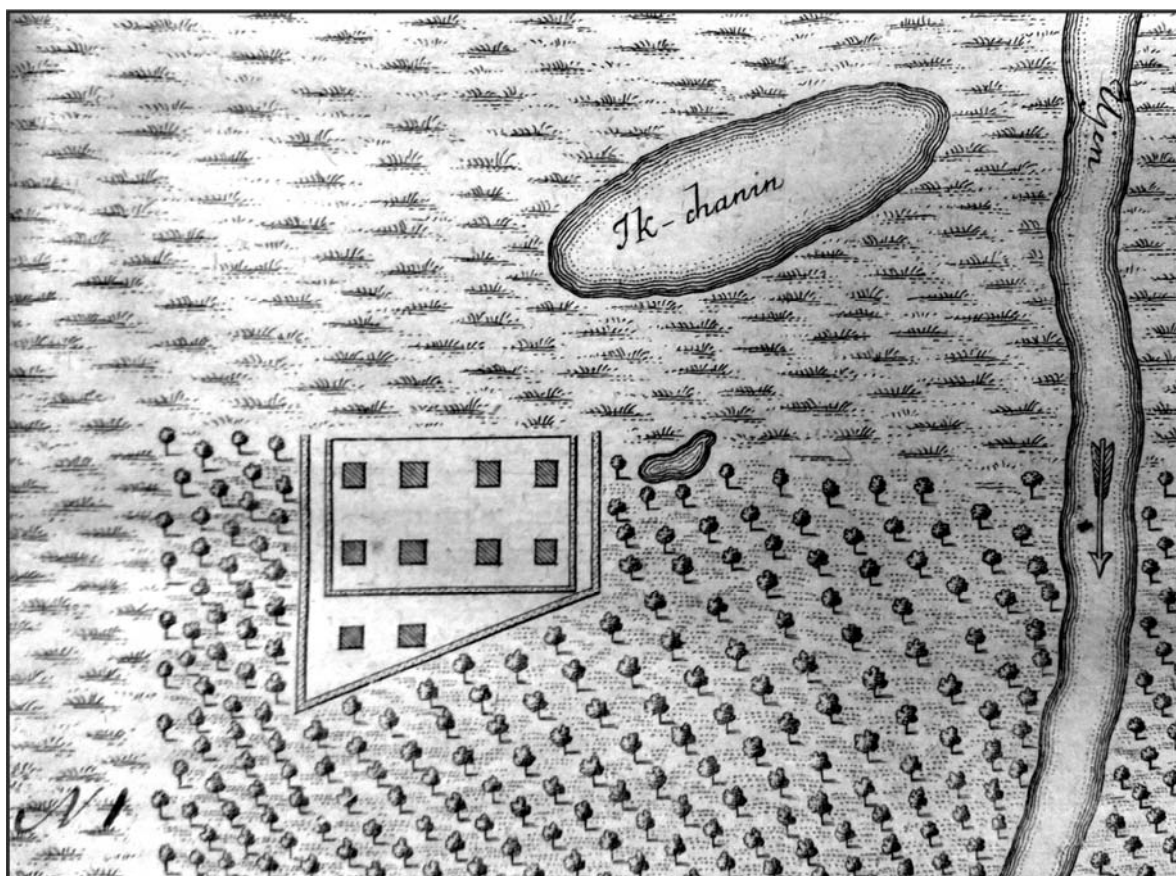

Рис. 3. Топографический план Уеньского городища, составленный И. Г. Гmeliным (по: [Gmelin, 1752. S. 82–83])

В 1973 г. в статье «Археологическая карта побережья реки Уень» памятник, описанный И. Г. Гmeliным, впервые назван Уеньским городищем. Авторы привели краткое описание его локализации и планиграфии, а также высказали две версии о расположении: на правом берегу р. Уень либо севернее с. Юрт-Акбалык, либо к юго-западу от с. Вьюны в районе с. Почта. Как будет показано ниже, обе версии ошибочны. Это вызвано, вероятно, тем, что авторы были знакомы только с фрагментом текста, посвященным самому городищу. В противном случае они не имели бы оснований для таких предположений [Романцова и др., 1973. С. 75]. В 1980 г. эти сведения были повторены в «Археологической карте Новосибирской области» [Троицкая и др., 1980. С. 60, 61]. В 1996 г. они опубликованы в работе «Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области» с той лишь разницей, что в последней публикации была выдвинута еще одна версия локализации городища – на террасе между селами Крутоборка и Черный Мыс, которая также оказалась ошибочной [Свод памятников..., 1996. С. 5].

Источниковая база нашего исследования состоит из двух частей: записи в путевом дневнике И. Г. Гmeliна за 5 и 6 июня 1741 г.; публикации и полевые отчеты об археологических разведках и раскопках в районе предполагаемого расположения памятников.

И. Г. Гмелин сообщал следующие сведения о расположении Абаханского зимовья и Уеньского городища¹: «...двигался вдоль берега Оби вверх по течению через прекрасное низменное поле до Абаханского зимовья, расположенного на отдельном возвышенном четырех-

¹ Текст путевого дневника И. Г. Гmeliна за 5 и 6 июня 1741 г. в переводе на русский язык ранее не публиковался, поэтому мы приводим выдержки из него, касающиеся проблемы локализации Абаханского зимовья и Уеньского городища.

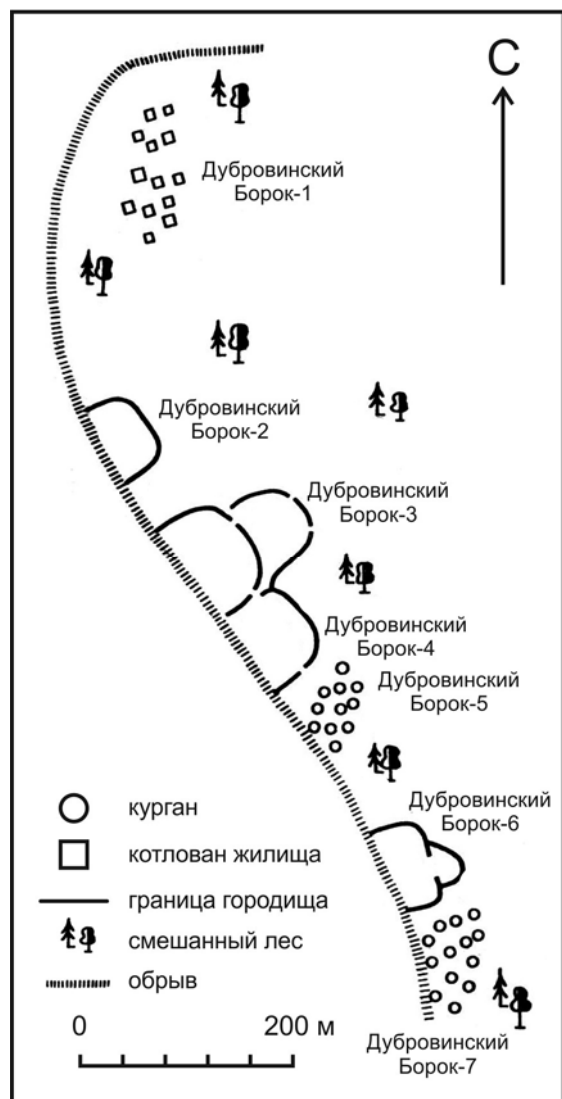

Рис. 4. Схема расположения городищ Дубровинский Борок-2, 3, 4, 6 в западной части ур. Черный Мыс (по: [Троицкая, 1979. Табл. VI, 2])

угольном участке земли. Вплотную к его южной стороне течет Абахан-Ису, в русском языке Абаханская протока, которая едва ли за версту от сюда сливается с Обью. Она берет начало в некотором количестве верст от этого места из рытвины. С упомянутого возвышенного места, где расположено зимовье, еще видно разрытые могилы древних татар <...> на этом пути мне в поле зрения несколько раз попадала река Уень, и хвойный лес Ик-Карагай начался в пяти верстах ниже зимовья и простирался вправо от дороги примерно на две версты, который (лес. – С. Г., А. Б.) простирался до зимовья наискосок и вглубь территории от Оби. Он должен быть очень длинным и не только до Уени продолжаться, но и еще дальше через Уень. На его нижней окраине так же, как и на верхней, есть остатки старых укреплений, которые расположены с северной и южной стороны около Оби, северные самыми большими должны быть. Я получил об этом информацию, когда я прибыл в зимовье <...>. С одной стороны, у меня было большое желание осмотреть столь старые укрепления, но предстоящая ночь почти не оставила мне надежды увидеть дальние и еще в меньшей степени оба (укрепления. – С. Г., А. Б.). <...> Мне говорили, что крепость выглядит, как и другие, разве что дальняя больше. Итак, я решился в тот же вечер еще съездить верхом к верхнему (укреплению. – С. Г., А. Б.), которое расположено напротив зимовья. Таким образом, я проскакал около трех верст от зимовья вглубь территории, по пути я проскакал через небольшую рытвину, до вышеупомянутого Ик-Карагай. Через него я должен был скакать еще полвер-

сты <...>. И так я достиг наконец остатков южного укрепления, которое с восточной, северной и в наибольшей степени с западной стороны было окружено упомянутым лесом. Остатки представляют собой вытянутый четырехугольник, короткие стороны которого параллельны Оби и имеют длину в тринадцать саженей, длинные же составляют двадцать саженей. С южной стороны расположен обрыв, с трех сторон, где река, вокруг тянутся рвы, которые примерно аршин глубиной. С восточной и западной стороны к тому же еще располагаются другие рвы, которые полтора аршина глубиной и несколько шире, чем находящиеся внутри. Оба (вида рвов. – С. Г., А. Б.) вместе с участком земли, который между ними со всех сторон, занимают пространство в четыре сажени. От северного угла внешнего западного рва на восток-северо-восток отходят другие рвы, напротив которых внешние восточные рвы идут ровной линией. Оба рва с восточной и западной стороны шли от их южного края несколько вниз под обрыв, после чего располагались укрепления и лес. В пределах внутренних рвов находятся остатки восьми жилищ, которые расположены почти на одной линии. Эти остатки состоят из небольших четырехугольных углублений, которые хорошо различимы на месте. Внутри треугольника северной части можно видеть еще два подобных места (углубления. – С. Г., А. Б.). Примерно в трех сотнях саженей к юго-юго-западу от этих укреплений расположено озеро Ик-Канин примерно сорок саженей длиной и пятнадцать саженей шириной,

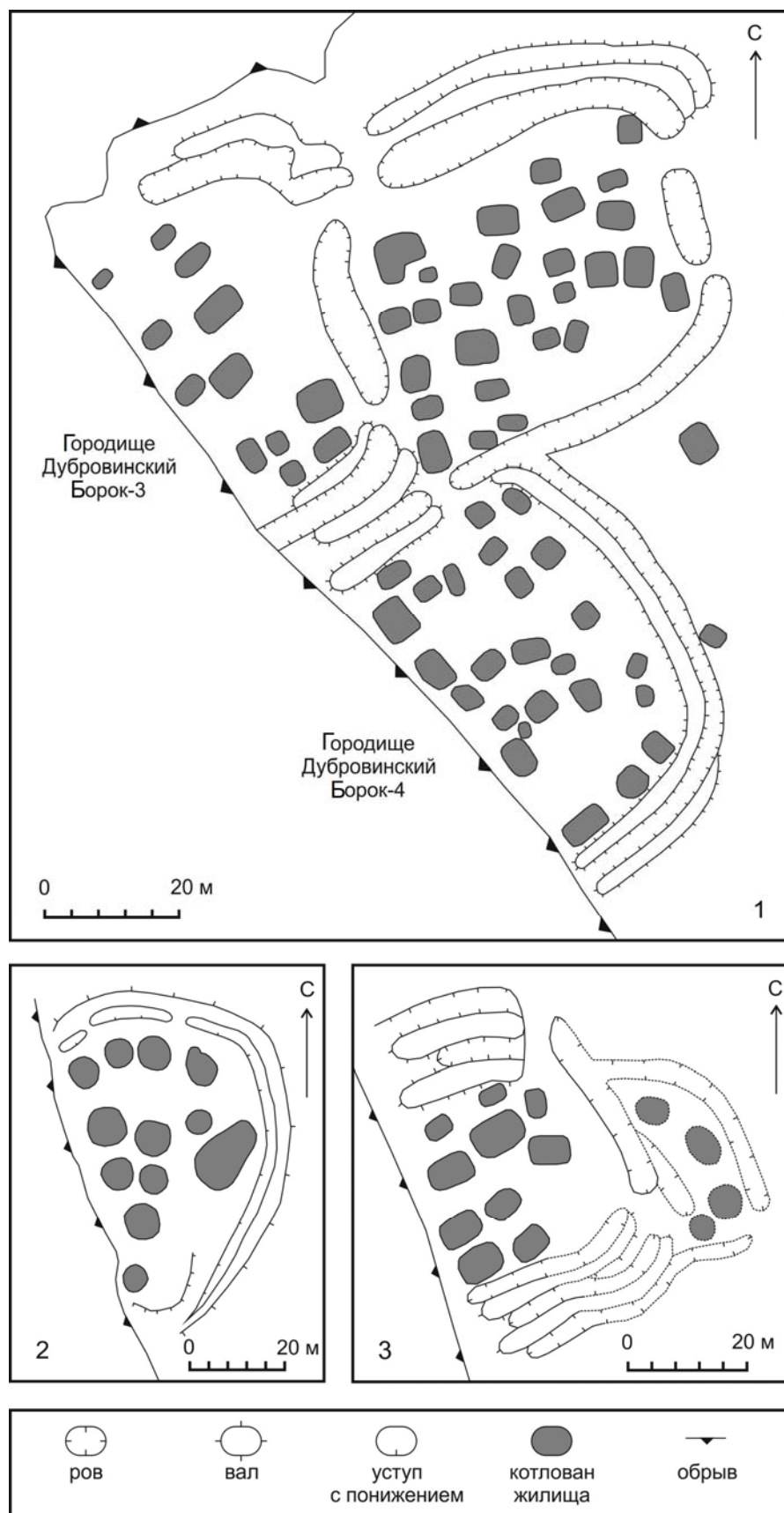

Рис. 5. Городища в западной части ур. Черный Мыс:
1 – Дубровинский Борок-3 и 4; 2 – Дубровинский Борок-2; 3 – Дубровинский Борок-6

в сотне саженей к западу расположено совсем маленькое озеро без названия и напротив этого места в полутора верстах оттуда расположена река Уень, которая с Обью одно и то же направление имеют. Наконец примерно в трехстах саженях к юго-юго-востоку отсюда находится исток Абахан-суу, который, однако, не виден от леса. План, который я при этом доведу до сведения, изображает все укрепление в правильном масштабе всех его частей, а окрестности изображены глазомерно, так как я их из укреплений чертил, причем отмечаю, что я не заботился <...> о расстояниях одних мест от других, чтобы сэкономить место на бумаге. <...> Если бы я хотел поехать прямо, то я должен был бы сразу же переехать через Абахан-суу, и это кажется легким делом, так как река не шире пяти саженей. <...> сейчас реку полностью объезжают, в то время как верстовые столбы вдоль того пути установлены, который представляет собой объезд протяженностью восемь верст. До Ор-Карагай или Орского бора едва ли более двенадцати верст, тогда как по верстовым столбам – двадцать. Этот лес расположен вплотную к западному берегу Оби»² [Gmelin, 1752. S. 80–85].

Археологические раскопки и разведки в районе предполагаемого места размещения Уеньского городища велись в 1959, 1961, 1962, 1969–1975, 1977, 1978, 1993, 2005 гг. Т. Н. Троицкой, В. А. Дремовым, А. П. Зиновьевым, В. Я. Есиным и А. П. Бородовским (Каменный Мыс, Черный Мыс-1, 2, 3, 6, 7, 9, 12, 13, Дубровинский борок-2, 3, 4, 6, Ербалык-1)³ [Свод памятников..., 1996. С. 6–10]. В 1999 г. сотрудниками Научно-производственного центра по охране историко-культурного наследия Новосибирской области была проведена топографическая съемка городищ Дубровинский Борок-3, 4, 6. При идентификации Уеньского городища авторы опирались на перечисленные материалы.

Характер источниковой базы нашего исследования определяет конкретные задачи, которые необходимо решить для достижения поставленной цели: определение места расположения Абаханского зимовья с точностью, необходимой для анализа ориентиров расположения Уеньского городища; локализация последнего с точностью до конкретного района расположения выявленных археологически городищ; установление соответствия между Уеньским городищем И. Г. Гмелина и одним из памятников, зафиксированных в последней трети XX в. при проведении археологических разведок в этом районе.

И. Г. Гмелин привел важные сведения о расположении Абаханского зимовья. От переправы через Обь напротив современного с. Ташара (Мошковский район Новосибирской области) исследователь двигался непосредственно по берегу Оби до Абаханского зимовья (см. рис. 1, 9). Следовательно, оно размещалось недалеко от берега, выше с. Ташара, на отдельном возвышенном четырехугольном участке земли. По наблюдениям ученого, подобные места в пространстве между реками Обь и Уень были заняты либо сосновыми лесами, либо русскими поселениями. Фактически, согласно путевому дневнику, в пространстве между указанными реками, но не севернее с. Ташара, находилось лишь одно русское поселение – Абаханское зимовье. При этом И. Г. Гмелин не сообщал, располагалось зимовье в сосновом лесу или на его окраине. Ближайшие заметные возвышенности по пути следования автора путевого дневника – это ур. Черный Мыс, занятое сосновым бором, и место бывшего с. Стародубовино, которое сейчас представлено одноименным дачным поселком и урочищем (см. рис. 1, 5). Возможно, четырехугольным участком земли в путевом дневнике названа западная окраина возвышенности, на которой располагалось с. Стародубовино, имеющая и сегодня подчетыреугольные очертания. Вплотную к южной стороне зимовья течет Абахан-Ису (Абаханская протока), которая менее чем в одной версте от зимовья впадает в Обь. На отрезке пути от переправы в с. Ташара до истока р. Уень сейчас есть только один водный объект с похожим названием – старица Боган (Боган → Бохан → Абохан). Менее чем в 1 км от южного конца старицы расположена западная часть возвышенности, на которой находилось с. Стародубовино. Старица подходит вплотную к южной стороне этой части возвышенности (см. рис. 1, 5, 8). Хвойный лес Ик-Карагай начался в пяти верстах ниже зимовья и простирал-

² Пер. с нем. С. В. Горохова.

³ Бородовский А. П. Отчет о исследованиях Центральноалтайского археологического отряда в Мошковском районе Новосибирской области в 2005 г. Новосибирск: [Б. и.], 2006. 66 с.; НГКМ. Осн. ф. Д. 22450/71; Д. 22450/75; Д. 22450/79; Д. 22450/81; Д. 22450/82; Д. 22450/85; Д. 22450/5. Отчет о работе НАЭ под руководством Т. Н. Троицкой в 1975 г. находится в НГКМ, архивного номера не имеет.

ся до него, а также вправо от дороги примерно на две версты наискосок и вглубь территории от Оби. Между реками Обь и Уень к югу от переправы напротив с. Ташара в настоящее время существует только два крупных хвойных лесных массива: Орский бор в районе д. Юрт-Ора (Колыванский район Новосибирской области) и сосновый лес на возвышенности, именуемой ур. Черный Мыс (см. рис. 1, 12). Первый описан И. Г. Гmeliным, после того как он миновал Абаханское зимовье. Поэтому под Ик-Карагай подразумевалось ур. Черный Мыс. От восточной оконечности соснового бора до возвышенности с. Стародубовино около 4 км (около 4 верст), что почти совпадает с данными И. Г. Гмелина (5 верст). Из зимовья на севере видна западная оконечность Ик-Карагай, поэтому можно считать, что этот бор простирался до зимовья. Дорога шла вдоль южной оконечности бора (см. рис. 1, 9), при этом, действительно, Ик-Карагай расположен несколько наискосок к дороге и руслу Оби, удаляясь вглубь левого берега реки. Максимальная ширина бора составляет около 1 км, т. е. он в два раза уже, чем указано у И. Г. Гмелина. Это объясняется тем, что автор путевого дневника не имел возможности наблюдать реальную ширину бора, так как оценивал ее визуально со стороны дороги или воспользовался сведениями местных жителей. От Абаханского зимовья идут две дороги: через Абаханскую протоку (см. рис. 1, 11) и в объезд Абаханской протоки (см. рис. 1, 10). Первая дорога очень плоха из-за кочкарника. Расстояние по ней до Орского бора (Ор-Карагай) равно 12 верстам. Объездная дорога на 8 верст длиннее, соответственно по ней расстояние до Орского бора составляет 20 верст. В действительности путь по первой дороге протяженностью около 20 верст, а по второй – 22 версты. Вероятно, И. Г. Гмелин указал ошибочные расстояния как по первому, так и по второму пути, поскольку приведенные значения состоят в противоречии с другими приведенными им данными. Кроме этого, даже теоретически невозможен объездной путь на указанном отрезке без пересечения р. Уень, который мог бы быть протяженнее короткого пути на 8 верст.

Из приведенных данных И. Г. Гмелина и результатов их анализа мы заключаем, что Абаханское зимовье располагалось в западной части возвышенности, на которой находилось с. Стародубовино, а сейчас одноименный дачный поселок (см. рис. 1, 5).

Теперь, когда нам стало известно место расположения Абаханского зимовья, мы можем очертить район поиска Уеньского городища. Согласно описанию И. Г. Гмелина, памятник располагался в трех верстах (около 3 км) от Абаханского зимовья. В пределах указанного радиуса и несколько далее расположено 14 городищ, которые размещены группами или поодиночке (см. рис. 1):

- 1) Березовый остров;
- 2) Черный Мыс-7, 9;
- 3) Каменный мыс;
- 4) Черный Мыс-1, 2, 6;
- 5) Черный Мыс-13, Ербалык-1;
- 6) Черный Мыс-12;
- 7) Дубровинский борок-2, 3, 4, 6.

Все памятники из групп 2–4 находятся на левом берегу р. Уень (см. рис. 1, 6). И. Г. Гмелин ничего не сообщал о переправе через эту достаточно широкую реку на пути из Абаханского зимовья к городищу, поэтому в качестве рабочей гипотезы примем версию о том, что Уеньское городище расположено в ур. Черный Мыс (см. рис. 1, 12).

И. Г. Гмелин сообщал об Уеньском городище, что на нижней и верхней окраинах возвышенности есть древние укрепления, которые располагались с северной и южной сторон около Оби. Урочище Черный Мыс обследовано в археологическом отношении полностью. Городища обнаружены в западной и восточной его части (см. рис. 1). Возвышенность, на которой расположены остатки укреплений, имеет самое высокое место на западе и северо-западе. Затем идет постепенное понижение к востоку и югу, до уровня окружающего возвышенность пространства (см. рис. 1, 4, 13, 14; 2). Верхние и нижние укрепления, согласно путевому дневнику, расположены около Оби. Если бы они находились в северной и южной части возвышенности, то такая характеристика их расположения, как «около Оби», была бы неверной, следовательно, необходимо признать, что городища локализуются в западной

(возвышенной) и восточной (низменной) части ур. Черный Мыс около р. Обь. Указания на стороны света в этом случае нужно считать ошибочными⁴. И. Г. Гмелин сообщал, что верхнее укрепление, которое он посетил, расположено напротив зимовья. Отнести к расположенному напротив зимовья можно только городище, находящееся в западной части возвышенности. Эта же часть является самой высокой (см. рис. 1, 13; 2). В путевом дневнике сказано, что автор проскакал верхом на лошади около трех верст от зимовья вглубь территории до Ик-Карагай. Расстояние от Абаханского зимовья до юго-западной окраины соснового бора Ик-Карагай составляет около 1,5 верст, т. е. в два раза меньше, чем указал автор. Этот факт может быть объяснен несколькими обстоятельствами: местные жители сообщили ошибочную информацию о расстоянии; они указали расстояние в 1000-саженных верстах (в этом случае выходит 1,5 версты) [Русско-китайские отношения..., 1990. С. 192; Messerschmidt, 1962. S. 52]; И. Г. Гмелин неверно оценил расстояние, которое ему пришлось преодолеть; местность, по которой следовал автор дневника, заболочена, поэтому он не мог достичь бора прямым путем. Сейчас мы не в состоянии определить, что стало причиной указания именно такого расстояния. По пути к бору Ик-Карагай И. Г. Гмелин пересек небольшую рытвину. В данном случае автор дневника перепутал имя собственное с именем нарицательным. Вплотную к западной стороне возвышенности протекает старица Рытвина, которую автор описания должен был непременно преодолеть на пути к древним укреплениям (см. рис. 1, 7). Достигнув границы бора, И. Г. Гмелин должен был проехать еще около полуверсты по самому лесу, прежде чем достиг укреплений. Сосновый лес покрывает не только площадку на вершине возвышенности, где расположены укрепления, но и склоны, поэтому автор описания должен был на протяжении полуверсты подниматься на верхнюю площадку холма через бор.

Принимая во внимание то, что все отдельные городища и группы городищ на левом берегу р. Уень и городища Березовый Мыс, Черный Мыс-12, 13 и Ербалык-1 на правом берегу не удовлетворяют ни одному из рассмотренных указаний И. Г. Гмелина, а также основываясь на представленных здесь сведениях и результатах их анализа, мы полагаем вполне доказанным факт расположения городища, осмотренного И. Г. Гmeliным, в западной возвышенной части холма, именуемого ур. Черный Мыс и покрытого сосновым бором Ик-Карагай (см. рис. 1, 4).

В путевом дневнике И. Г. Гмелина содержится словесное описание планиграфии городища и его графический план (см. рис. 3). Они почти полностью совпадают друг с другом, за исключением планиграфии размещения жилищных западин. В описательной части сказано, что западины располагались практически на одной линии. Однако на плане они размещены в два ряда.

Опираясь на словесное описание и план Уеньского городища, можно уточнить его локализацию. При этом мы оставим без внимания указания И. Г. Гмелина на расположение объектов относительно сторон света, так как, вероятно, они ошибочны, о чем сказано выше. Результаты анализа данных (табл. 1) приводят нас к выводу о том, что городище находилось на западной окраине возвышенности.

Теперь необходимо решить задачу идентификации городища путем сравнения его планиграфических характеристик и данных археологических разведок в этой части возвышенности. Для сравнения мы привлекаем данные по городищам Дубровинский Борок-2, 3, 4 и 6 (табл. 2, см. также рис. 4, 5).

⁴ Автор дневника вел его очень аккуратно. В его записях редко можно обнаружить ошибку. Однако несколько раз он допустил неточности в указании сторон света. Вероятно, при рассмотрении этого вопроса, мы имеем дело с одной из таких ошибок. Всякий раз, когда И. Г. Гмелин пишет об Уеньском городище, следует трансформировать его указания на стороны света по следующему принципу: указанную сторону света необходимо преобразовать путем поворота на 90° по часовой стрелке. Например, север → восток, восток → юг и т. п. Так как погрешность в определении сторон света носит характер систематической закономерности без исключений, это свидетельствует о том, что автор дневника ошибся при определении сторон света. Эту систематическую ошибку необходимо учесть при локализации Уеньского городища.

Таблица 1

Локализация Уеньского городища
по указаниям из путевого дневника И. Г. Гмелина

№ п/п	Данные И. Г. Гмелина	Анализ данных
1	Городище с трех сторон окружено лесом	Этот факт свидетельствует в пользу того, что городище располагалось в западной или северо-западной части возвышенности, так как в противном случае укрепление находилось бы у границы пологого склона, т. е. было бы окружено лесом со всех сторон (см. рис. 1, 13, 14; 2)
2	Укрепления четырехугольной формы; короткие стороны четырехугольника параллельны р. Обь	Из этих фактов следует, что открытая (безлесная) сторона городища обращена на запад
3	Короткие стороны укрепления параллельны р. Уень	
4	Реки Обь и Уень текут в одном направлении в районе городища	
5	С одной стороны расположен обрыв, с трех других сторон городище окружено рвами	
6	В 300 саженях (около 600 м) от городища расположено оз. Ик-Канин, которое 40 саженей (около 80 м) в длину и 15 саженей (около 30 м) в ширину	Указанный И. Г. Гmeliным район сильно заболочен и испещрен малыми озерами, старицами и протоками, поэтому идентифицировать указанные в дневнике озера можно с определенной долей условности. Вероятно, автор путевого дневника под оз. Ик-Канин подразумевал современное оз. Изменец, которое находится в 0,5 км от террасы на ур. Черный Мыс и имеет размеры 180 × 820 м (см. рис. 1, 3). Гмелин оценивал расстояния и размеры на глаз, находясь на городище, поэтому приведенные в дневнике данные весьма приблизительны
7	В 100 саженях (около 200 м) от оз. Ик-Канин расположено маленькое безымянное озеро	
8	В 1,5 верстах (около 3 км) от этих озер находится р. Уень	От оз. Ик-Канин (Изменец) до р. Уень около 0,5 км
9	В 300 саженях (около 600 м) от укреплений расположен исток Абахан-суу, который от леса не виден	Абахан-суу – это старица, расположенная в сильно заболоченной местности, которая сейчас не имеет течения, соответственно она не может иметь и истока (см. рис. 1, 8)

Анализ данных, представленных в табл. 2, показывает, что в наибольшей степени Уеньскому городищу И. Г. Гмелина соответствует памятник Дубровинский Борок-6. Эквивалентность устанавливается, в том числе, на основе таких характерных параметров, как двухчастная структура, подтреугольная форма дополнительной части, количество жилищных западин в основной и дополнительной частях, упорядоченное расположение жилищных западин. Исследуемые параметры прочих городищ лишь эпизодически соответствуют памятнику, описанному И. Г. Гmeliным. Таким образом, нам удалось установить, что в путевом дневнике И. Г. Гмелина описано городище, которое вновь было открыто в 1971 г. Т. Н. Троицкой и получило название Дубровинский Борок-6. Раскопки на территории памятника велись

Таблица 2

Сравнение характеристик Уеньского городища И. Г. Гмелина
и городищ в западной части ур. Черный Мыс

№ п/п	Характеристика	Уеньское городище по И. Г. Гмелину	Дубровинский Борок-2 [*]	Дубровинский Борок-3 ^{**}	Дубровинский Борок-4 ^{**}	Дубровинский Борок-6 ^{**}
1	Двухчастная структура городища	+	–	+	–	+
2	Размеры городища, м	23 × 35	46 × 74	61 × 96	40 × 71	58 × 64
3	С одной стороны расположен обрыв, с трех других – лес	+	+	+	+	+
4	Стороны, перпендикулярные обрыву, короче параллельной обрыву	+	–	–	+	+
5	Количество рвов на противоположащих сторонах	2	0	1–2	1–2	2–3
6	Внешние рвы шире внутренних	+	–	–	–	+/-
7	Глубина внутреннего вала, м	0,7	?	?	?	0,8
8	Глубина внешнего вала, м	1	?	?	?	0,6
9	Общая ширина рвов с пространством между ними, м	7	–	10–15	10–15	12–15
10	Количество жилищных западин в основной части городища	8	12	12	25	10
11	Количество жилищных западин в меньшей части городища	2	–	27	–	4
12	Общее количество жилищных западин	10	12	39	25	14
13	Планиграфия расположения жилищных западин в основной части городища	1 или 2 линии	хаотично	3 линии	хаотично	3 линии
14	Форма жилищных западин в основной части городища	под- четырёх- угольная	округлая	под- четырёх- угольная	под- четырёх- угольная	под- четырёх- угольная
15	Со стороны, противоположной обрыву, к территории городища присоединен дополнительный участок, образованный внешним рвом	+	–	+	–	+
16	Дополнительный участок треугольной формы	+	–	–	–	+
17	Концы рвов немного уходят в обрыв	+	–	+/-	–	–

Примечание: * – данные получены по: [Троицкая, 1974. Рис. 18]; ** – по данным топографической съемки Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, выполненной в 1999 г.

лишь однажды, в 1974 г. Был заложен шурф 2 × 2 м в одной из жилищных западин, который дал керамический материал, позволивший датировать городище одинцовским временем (IV–VIII вв. н. э.) и синхронизировать его с городищем Каменный Мыс⁵ (см. рис. 1) [Романцова и др., 1973. С. 70; Троицкая, 1979. С. 8, 21; Троицкая и др., 1980. С. 85].

Опыт анализа путевого дневника И. Г. Гмелина в части локализации Абаханского зимовья и Уеньского городища показал, что количественные данные, а также сведения об ориентации по сторонам света весьма приблизительны. Часто погрешности достигают кратных величин. Это касается как достаточно больших дистанций (от сотен метров до нескольких километров), так и небольших (от нескольких метров до нескольких десятков метров). Руководствуясь такими соображениями, было бы невозможно достичь целей исследования. Напротив, сведения качественного характера весьма точны, поэтому сыграли главную роль при решении поставленных задач – локализации двух крупных памятников историко-культурного наследия.

Список литературы

Романцова В. Д., Троицкая Т. Н., Матвеева В. И. Археологическая карта побережья реки Уень // Вопросы археологии Сибири. Новосибирск: НГПИ, 1973. С. 55–75.

Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. М.: Гл. ред. Вост. лит., 1990. Т. 2: 1725–1727 гг. 668 с.

Свод памятников истории и культуры народов России. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1996. Вып. 2: Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. 192 с.

Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1979. 114 с.

Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980. 184 с.

Уманский А. П. К вопросу о датировке и этнической принадлежности верхнеобских городищ – «кокуев» // Вопросы археологии Сибири. Новосибирск: НГПИ, 1972. С. 47–59.

Gmelin J. G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen: Verlegt Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752. Bd. IV. 692 S.

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin: Akademie-Verlag, 1962. Bd. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722. 380 S.

Список источников

Бородовский А. П. Отчет об исследованиях Центральноалтайского археологического отряда в Мошковском районе Новосибирской области в 2005 г. Новосибирск: [Б. и.], 2006. 66 с.

Новосибирский государственный краеведческий музей (НГКМ). Осн. ф. Д. 22450/71 «Троицкая Т. Н. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции. 1970 г.»; Д. 22450/75 «Троицкая Т. Н. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции (НАЭ). 1971 г.»; Д. 22450/79 «Троицкая Т. Н. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции (НАЭ). 1971 г.»; Д. 22450/81 «Троицкая Т. Н. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции (НАЭ). 1972 г.»; Д. 22450/82 «Троицкая Т. Н. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции (НАЭ). 1973 г.»; Д. 22450/85 «Троицкая Т. Н. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции. 1974 г.»; Д. 22450/5 «Троицкая Т. Н. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции (НАЭ). 1977 г.».

Материал поступил в редколлегия 23.01.2018

⁵ НГКМ. Осн. ф. Д. 22450/79; Д. 22450/85.

S. V. Gorokhov¹, A. P. Borodovskiy^{1,2}

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

gorokhov.sv@gmail.com

LOCALIZATION OF THE ABAKHANSKOE ZIMOVIE AND THE UENSKOE FORTRESS ACCORDING TO THE DATA OF J. G. GMELIN'S ITINERARY

Purpose. The archeological study of Siberia started in the 18th century by the employees of the scientific expeditions initiated by the senior state bodies. I. G. Gmelin belonged to the Second Kamchatka Expedition and drew up a description of the Uenskoe Fortress in the Novosibirsk Ob River region. Until now, A. P. Umansky, T. N. Troitskaya and A. P. Borodovskiy were engaged in determining the location of this archaeological site. They made several hypotheses that turned out to be incorrect. The article determines the reasons for the failures of these researchers: a fragmentary translation of the source text, inaccuracies in the translation and ignoring data on the Abakhanskoe Zimovie (small Russian settlement) ground. This paper is devoted to the results of the research within the framework of which the location of the Uenskoe Fortress was determined and the fortress itself was identified with one of the archaeological sites discovered earlier. Within the framework of fulfillment of this task, one localized the Abakhanskoe Zimovie as this item of the 18th century is very important for localizing the Uenskoe Fortress.

Results. J. G. Gmelin's itineraries were published in Germany in 1751 and 1752 (in Göttingen) and have not been republished and translated into Russian since then, so the article contains an abstract of the book translated into Russian that is related to the performed study. At the first stage one managed to localize the Abakhanskoe Zimovie that was located in the western part of the modern suburban settlement of Starodubrovino, Moshkovo district, Novosibirsk region. Then according to the reference points provided by J. G. Gmelin and associated with the Abakhanskoe Zimovie, one determined the location of the Uenskoe Fortress in the western part of Cherny Mys to the north from the Zimovie. Afterwards, one compared the description of the fortress compiled by J. G. Gmelin and those fortresses discovered in this area earlier. It was determined that the author of the itinerary described the archaeological object of Dubrovinsky Borok-6 dating back to 500–400 BC.

Conclusion. The experience in analyzing J. G. Gmelin's itinerary in terms of localization of the Abakhanskoe Zimovie and the Uenskoe Fortress showed that the quantitative data as well as information related to the cardinal directions are rather approximate. Based on such data, it would be impossible to achieve the research objectives. Here one also discovered a mount on which the already studied archaeological sites were located.

Keywords: Moscow-Siberia Road, 18 century, J. G. Gmelin, Abakhanskoe Zimovie, Uenskoe Fortress.

References

- Gmelin J. G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen, Verlegt Abram Vandenhoeks seel. Wittwe, 1752, 700 p. (in Germ.)
- Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Vol. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722. Berlin, Akademie-Verlag, 1962, 380 S. (in Germ.)
- Romantsova V. D., Troitskaya T. N., Matveeva V. I. Arkheologicheskaya karta poberezh'ya reki Uen' [Archaeological map of the coast of the river Uen]. *Voprosy arkheologii Sibiri* [Questions of Archaeology of Siberia]. Novosibirsk, NGPI Publ., 1973, p. 55–75. (in Russ.)

Russko-kitaiskie otnosheniya v XVIII veke. Materialy i dokumenty [Russian-Chinese relations in the XVIII century. Materials and documents]. Vol. 2 (1725–1727). Moscow, Eastern literature Publ., 1990, 668 p. (in Russ.)

Svod pamyatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii [The collection of Sites of history and culture of the peoples of Russia]. Iss. 2: Archaeological monuments of Kolyvansky district of the Novosibirsk region. Novosibirsk, Nauka, 1996, 192 p. (in Russ.)

Troitskaya T. N. Kulaiskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e [The Kulay culture in Novosibirsk Ob Oblast]. Novosibirsk, Nauka, 1979, 114 p. (in Russ.)

Troitskaya T. N., Molodin V. I., Sobolev V. I. Arkheologicheskaya karta Novosibirskoi oblasti [An Archaeological map of Novosibirsk region]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 184 p. (in Russ.)

Umanskii A. P. K voprosu o datirovke i etnicheskoi prinadlezhnosti verkhneobskikh gorodishch – «kokuev» [On dating and identifying ethnicity of the Upper Obian fortifications – «kokuys»]. *Voprosy arkheologii Sibiri* [Questions of archaeology of Siberia]. Novosibirsk, NGPI Publ., 1972, p. 47–59. (in Russ.)

For citation:

Gorokhov S. V., Borodovskiy A. P. Localization of the Abakhanskoe Zimovie and the Uenskoe Fortress According to the Data of J. G. Gmelin's Itinerary. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 37–49. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-5-37-49

УДК 903.01

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-5-50-57

М. В. Шуньков, М. Б. Козликин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

kmb777@yandex.ru

СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ: НОВЫЕ ДАННЫЕ

Представлены результаты анализа каменной индустрии основного этапа среднего палеолита из отложений слоев 13–11.3 в восточной галерее Денисовой Пещеры (Горный Алтай) и корреляции этих материалов с синхронными комплексами из других участков пещеры. В наборах ядрищ в индустриях из этих слоев распространены плоскостные параллельные и радиальные нуклеусы. Небольшой серией представлены леваллуазские ядрища для получения отщепов и пластин. В коллекции сколов преобладают отщепы, доля пластин невелика. В орудийном наборе на фоне преобладания различных типов скребел хорошо выражен зубчато-выемчатый компонент. В небольшом количестве представлены леваллуазские острья. Имеются изделия верхнепалеолитической группы, включающие скребки, резцы, долотовидные орудия и тронкированные сколы. Среднепалеолитические индустрии из слоев 13–11.3 в восточной галерее имеют культурное и хронологическое соответствие материалам из слоев 20–12 в центральном зале и слоев 10 и 9 на предвходовой площадке этой пещеры.

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова Пещера, средний палеолит, каменная индустрия, первичное расщепление, орудийный набор.

Комплексные археологические исследования, проведенные в восточной галерее Денисовой Пещеры в 2005–2016 гг., позволили получить представительную коллекцию археологических материалов среднего и верхнего палеолита. Наиболее многочисленные находки связаны с отложениями нижней и средней части плейстоценовой толщи, где были обнаружены материалы раннего (слои 15 и 14) и основного (слои 13–11.3) этапов среднего палеолита. Каменные индустрии из слоев 15 и 14 в восточной галерее вместе с артефактами из слоев 22 и 21 в центральном зале пещеры в настоящее время являются одними из наиболее древних в регионе после галечной индустрии раннепалеолитической стоянки Карама и не имеют культурных и хронологических аналогов на территории Северной Азии [Деревянко, 2001; 2009; 2011; 2012; 2017].

Материалы следующего (основного) этапа среднего палеолита (рис. 1, 2) из слоев 13–11.3 в восточной галерее имеют культурно-хронологические аналоги в центральном зале (слои 20–12) и на предвходовой площадке (слои 10 и 9) пещеры. Основная цель данной работы заключается в определении технико-типологического облика новых археологических материалов основного этапа среднего палеолита из восточной галереи и корреляции этих индустрий с ранее изученными синхронными комплексами на других участках стоянки. Введенные в научный оборот результаты новых исследований каменных индустрий Денисовой Пещеры на качественно новом уровне позволяют проследить динамику изменения среднепалеолитических комплексов Алтая в целом.

Шуньков М. В., Козликин М. Б. Среднепалеолитические комплексы Денисовой Пещеры: новые данные // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 5: Археология и этнография. С. 50–57.

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Том 17, № 5: Археология и этнография

© М. В. Шуньков, М. Б. Козликин, 2018

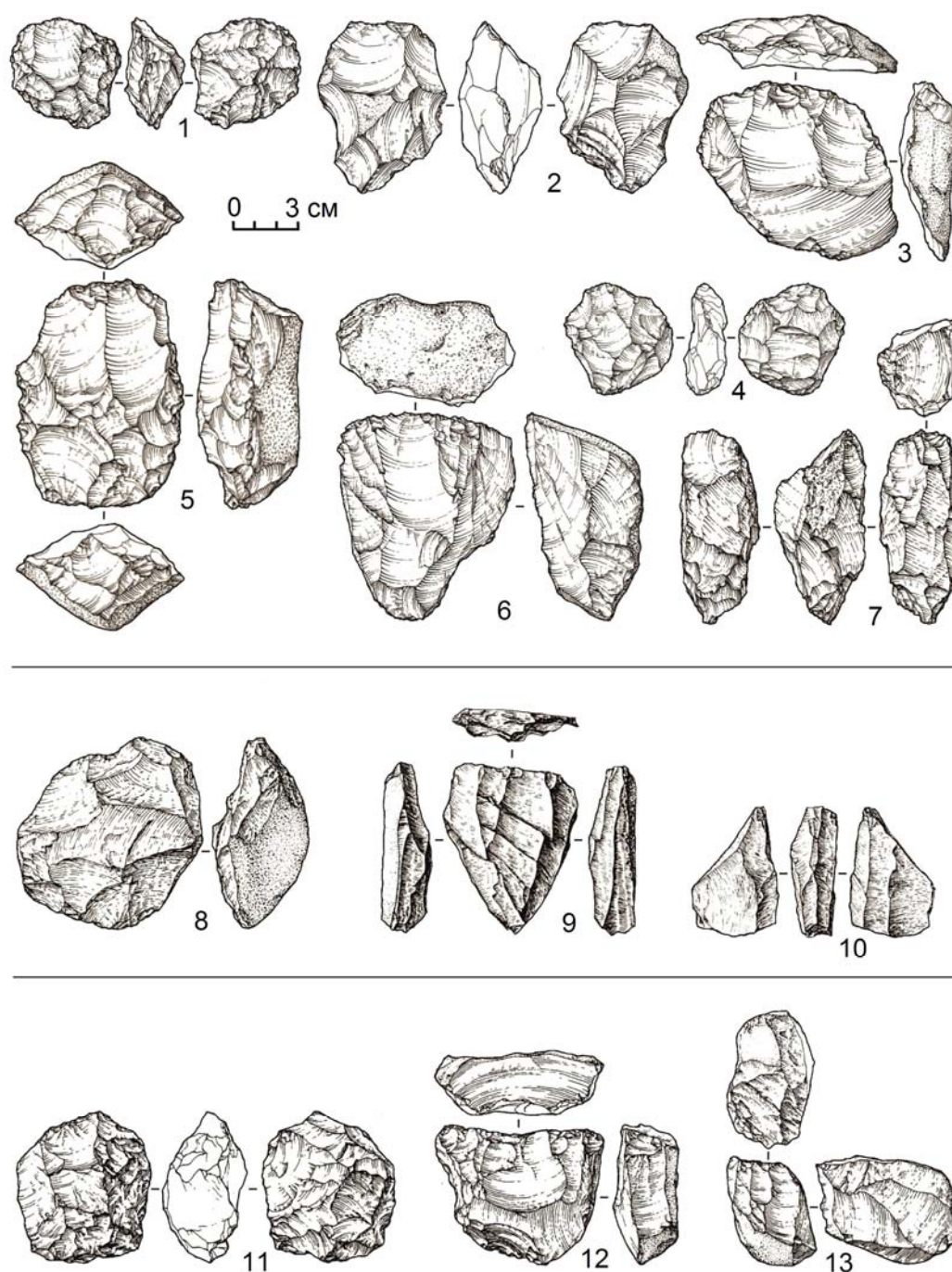

Рис. 1. Нуклеусы из среднепалеолитических слоев восточной галереи (1–7), центрального зала (8–10) и предвходовой площадки (11–13) Денисовой Пещеры

Геохронология плейстоценовой толщи в восточной галерее в настоящее время опирается, главным образом, на данные биостратиграфии и предварительные результаты абсолютного датирования (OSL и ^{14}C AMS), полученные с использованием последних методических разработок [Болиховская, 1995; Агаджанян, 2008; Brock et al., 2010; Roberts et al., 2015]. Согласно этим данным, отложения слоев 13–11.3 накапливались с конца ширтинского до финала ермаковского времени, что в целом соответствует хронологическому интервалу от заключительного этапа МИС 7 до МИС 4 включительно.

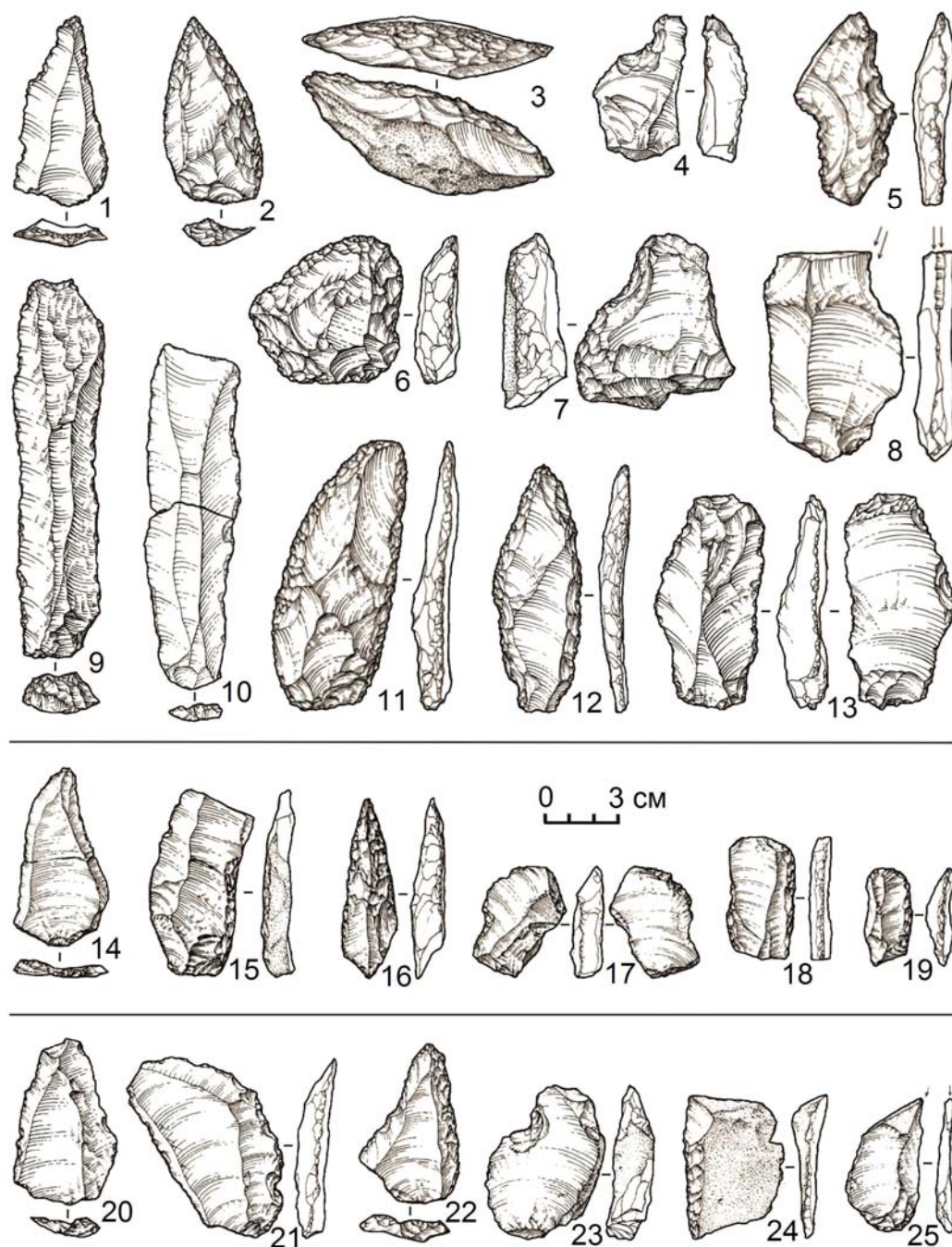

Рис. 2. Каменный инвентарь из среднепалеолитических слоев восточной галереи (1–13), центрального зала (14–19) и предвходовой площадки (20–25) Денисовой Пещеры: 1, 14, 20 – леваллуазские острия; 2, 12, 16, 22 – мустьерские острия; 3, 6, 11, 15, 18, 24 – скребла; 4, 7, 23 – выемчатые орудия; 5, 17, 21 – зубчатые орудия; 8, 25 – резцы; 9, 10 – леваллуазские пластины; 13 – тронкированный скол; 19 – скребок

Отсутствие резких границ и значительных перерывов в осадконакоплении между литологическими подразделениями, а также в целом близкий технико-типологический облик каменных индустрий из слоев 13–11.3 позволяют рассматривать эти материалы в рамках единого среднепалеолитического комплекса.

Коллекция археологических материалов из слоев 13–11.3 насчитывает 17 326 экз. Количественное распределение артефактов из слоев 12, 11.4 и 11.3 достаточно равномерное –

6 738, 4 104 и 5 498 экз. соответственно. Из отложений слоя 13 артефактов получено меньше – 986 экз.

Количество нуклеидных форм в рассматриваемых индустриях в целом не превышает 2 %. В наборе типологически выраженных ядрищ распространены радиальные нуклеусы (см. рис. 1, 2, 4), заготовками для которых служили крупные массивные в поперечном сечении сколы или крупные гальки и валуны. Расщепление осуществлялось преимущественно с неподготовленного края. Вместе с тем вверх по разрезу увеличивалась доля изделий с тщательно оформленным ребром на ограниченном участке или по всему периметру изделия. Параллельные нуклеусы наиболее широко представлены в коллекциях из слоев 11.4 и 11.3 (см. рис. 1, 3, 6). В качестве заготовки для ядрищ этого типа использовались крупные гальки и валуны, реже сколы. Леваллуазский метод расщепления представлен серией ядрищ для получения отщепов (см. рис. 1, 1) и пластин (см. рис. 1, 5) из слоев 12, 11.4 и 11.3. Торцовые нуклеусы присутствуют только в коллекции из слоя 11.4 (см. рис. 1, 7). Объемное расщепление характеризуют несколько подпризматических нуклеусов из слоев 12 и 11.3.

Последние негативы на фронте основного количества ядрищ соотносятся с короткими и укороченными сколами, преимущественно мелкими и средними. Однако следует учитывать, что большинство из рассмотренных нуклеусов сильно сработано. Негативы удлинённых и пластинчатых снятий зафиксированы на леваллуазских ядрищах для пластин и подпризматическом нуклеусе.

Количество сколов меняется от 49 % в индустрии из слоя 13 до 29 % в коллекции из слоя 11.4. Наиболее многочисленными в категории сколов являются отщепы. В коллекции из слоев 13 и 12 более половины целых изделий составляют мелкие экземпляры, далее следуют средние и крупные. В коллекции из слоев 11.4 и 11.3 отщепы по размеру распределены равномерно. Большинство отщепов укороченные или короткие, доля удлинённых экземпляров варьирует от 15 % в коллекции из слоя 13 до 19,9 % в коллекции из слоя 11.3. Остаточная ударная площадка отщепов преимущественно гладкая или естественная. Отмечена тенденция к сокращению количества сколов с естественной площадкой от слоя 13 к слою 11.3. В последнем слое заметно возрастает доля сколов с фасетированной, двугранной, линейной и точечной площадками. От слоя 13 к слою 11.3 возрастает количество сколов с подправкой карниза ударной площадки от 4,7 до 14,4 %. По типу дорсальной огранки отщепы распределены по слоям более равномерно. Преобладают экземпляры с продольной одно- и бинаправленной или с ортогональной огранкой; распространены сколы с гладкой дорсальной стороной.

Доля пластин среди общего количества сколов возрастает с 0,8 % в коллекции из слоя 13 до 6,7 % в коллекции из слоя 11.3. Изделия представлены преимущественно средними и мелкими экземплярами, реже крупными. Остаточная ударная площадка пластин в большинстве случаев гладкая, однако по сравнению с отщепами значительно возрастает количество экземпляров с фасетированной или двугранной площадкой. Более половины пластин имеют подправку карниза площадки. Как правило, применялась обратная редукция. Дорсальная огранка пластин продольная одно- или бинаправленная, реже ортогональная.

Среди сколов в коллекциях каждого слоя в небольшом количестве присутствуют леваллуазские отщепы, пластины (см. рис. 2, 9, 10) и острия. Для этих изделий характерна выпуклая тщательно фасетированная остаточная ударная площадка и сохранившиеся на дорсальной стороне негативы латеральной и дистальной подправки, формировавшей объем фронта ядрища.

Количество орудий в индустриях слоев 13 и 12 составляет 2,0 и 2,9 % (3,9 и 6,0 % без учета отходов производства), слоев 11.4 и 11.3 возрастает до 4,5 и 3,2 % (14,6 и 8,1 % без учета отходов производства) соответственно. Заготовками формальных орудий служили преимущественно крупные, значительно реже средние отщепы. В индустриях слоев 13 и 12 использовались, как правило, короткие и укороченные основы, для орудий из слоев 11.4 и 11.3 более характерны удлинённые и короткие заготовки. Пластины и леваллуазские сколы редко подвергались вторичной обработке.

Для подготовки орудий использовалось главным образом ретуширование. Наиболее распространенной является дорсальная краевая, реже захватывающая крутая или полукрутая чешуйчатая или субпараллельная крупнофасеточная средне- или сильномодифицирующая ретушь. Присутствуют изделия с подтеской и резцовым сколом.

В наборе типологически значимых орудий преобладают скребла (см. рис. 2, 3, 6, 11): 36,2, 29,4 и 35,3 % в индустриях слоев 12, 11.4 и 11.3 соответственно. Доля зубчатых и выемчатых орудий (см. рис. 2, 4, 5, 7) составляет 31,4, 33,0 и 23,2 % соответственно (с учетом близких по морфологии шиповидных орудий возрастает до 38,6, 45,0 и 28,3 % соответственно). В коллекциях слоев 11.4 и 11.2 небольшими сериями представлены мустьерские острия (см. рис. 2, 2, 12) (1,8 и 4,0 % соответственно). Содержание леваллуазских остриев (см. рис. 2, 1) снижается с 12,0 % в коллекции слоя 12 до 9,1 % в коллекции слоя 11.3. На долю верхнепалеолитических типов орудий (скребки, резцы (см. рис. 2, 8), долотовидные орудия, тронкированные сколы (см. рис. 2, 13)) приходится от 8,4 % в индустрии из слоя 12 до 22,3 % в индустрии из слоя 11.3. Немногочисленные типологически значимые орудия из слоя 13 (12 экз.) представлены в основном зубчато-выемчатыми и шиповидными формами. По одному экземпляру представлены скребло и резец.

Сопоставление основных технико-типологических характеристик каменных индустрий из слоев 13–11.3 (17 326 экз.) в восточной галерее, слоев 20–12 (7 545 экз.) в центральном зале и слоев 10 и 9 (1 402 экз.) на предвходовой площадке позволяет дать общую характеристику среднепалеолитического комплекса пещеры.

В отложениях центрального зала среднепалеолитические артефакты распределены по слоям неравномерно: от 17 экз. в коллекции из слоя 18 до 2 500 экз. в коллекции из слоя 12. Однако в технико-типологическом плане этот комплекс достаточно однороден, что позволяет дать его обобщенную характеристику по материалам из наиболее представительных слоев 19 (1 760 экз.), 14 (1 484 экз.) и 12 (2 500 экз.) [Природная среда..., 2003].

Типологический состав ядрищ свидетельствует о преобладании параллельных плоскостных нуклеусов, представленных одноплощадочными монофронтальными (см. рис. 1, 9), реже бифронтальными формами. Отмечена серия двуплощадочных монофронтальных нуклеусов продольно-поперечного скалывания. Распространены радиальные моно- (см. рис. 1, 8) и бифронтальные ядрища. Леваллуазское расщепление характеризуют ядрища для получения отщепов и острий. Торцовое расщепление представлено одноплощадочными ядрищами (см. рис. 1, 10). Заготовками для различных типов нуклеусов служили преимущественно крупные гальки или валуны, реже использовались крупные массивные сколы.

Среди сколов большинство составляют крупные и средние отщепы с гладкой остаточной ударной площадкой и продольной однонаправленной дорсальной огранкой. Доля пластин среди сколов – 11–12 %. В качестве заготовок для орудий использовались преимущественно отщепы. На пластинах выполнено (в разных слоях) от 8 до 12 % орудий¹. Во всех коллекциях присутствуют изделия, оформленные на леваллуазских сколах.

В наборе типологически значимых орудий преобладают скребла (см. рис. 2, 15, 18) и мустьерские острия (см. рис. 2, 16) (33–37 %), а также зубчатые (см. рис. 2, 17) и выемчатые орудия (33–34 %, с учетом близких по морфологии шиповидных форм – 44–46 %). Доля леваллуазских острий (см. рис. 2, 14) уменьшается с 12 % в коллекции слоя 19 до 8 % в коллекции слоя 12. Верхнепалеолитический компонент (ретушированные пластины, скребки (см. рис. 2, 19), резцы, тронкированные сколы) насчитывает 8–12 % с наибольшим показателем в индустрии слоя 12.

Коллекции каменных артефактов из слоев 10 и 9 на предвходовой площадке насчитывают 569 и 833 экз. соответственно.

Немногочисленные нуклеусы представлены преимущественно плоскостными формами – параллельными одноплощадочными монофронтальными (см. рис. 1, 12), двуплощадочной бифронтальной, радиальными монофронтальными (см. рис. 1, 11), леваллуазской для отщепов. Одним экземпляром представлено торцовое ядрище (см. рис. 1, 13).

В индустрии сколов преобладают средние и крупные отщепы с гладкой остаточной ударной площадкой и продольной однонаправленной дорсальной огранкой. На долю пластин среди сколов приходится 4 % в коллекции слоя 10 и 9 % в коллекции слоя 9. В качестве основы для орудий использовались, преимущественно, отщепы. На пластинах и сколах леваллу

¹ Здесь и далее для материалов центрального зала и предвходовой площадки пещеры приведены данные с учетом всех изделий со вторичной обработкой. Для формальных орудий этот показатель будет существенно ниже.

в индустрии слоя 10 оформлено 6 и 27 % орудий соответственно, а в индустрии слоя 9 – 18 и 31 % соответственно.

Распределение типологически значимых орудий по группам в коллекциях слоев 10 и 9 следующее: скребла (рис. 2, 24) и мустьерские острья (см. рис. 2, 22) – 35 и 21 %; зубчатые (см. рис. 2, 21) и выемчатые (см. рис. 2, 23) орудия – 23 и 24 % (с учетом шиповидных – 45 и 53 %); леваллуазские острья (см. рис. 2, 20) – 17 и 10 %; верхнепалеолитическая группа (см. рис. 2, 25) – 3 и 16 % соответственно.

Таким образом, среднепалеолитический комплекс Денисовой пещеры представлен индустриями с различными вариантами параллельного, радиального и леваллуазского расщепления. Типологическую основу инвентаря составляют скребла, высоким является процентное содержание зубчато-выемчатых орудий, присутствуют изделия леваллуа и орудия верхнепалеолитической группы. При качественном единообразии основных технико-типологических параметров каменных индустрий отмечена некоторая динамика в количественном соотношении разных категорий инвентаря вверх по разрезу. Так, прослежена тенденция увеличения вверх по разрезу типологического разнообразия нуклеусов и повышения среди сколов процентного содержания пластин. Для орудийного набора характерно увеличение доли изделий верхнепалеолитической группы на фоне постепенного сокращения леваллуазского и зубчато-выемчатого компонентов.

Список литературы

Агаджанян А. К. Комплексные биостратиграфические исследования новейших отложений. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2008. 61 с.

Болиховская Н. С. Эволюция лёссово-почвенной формации Северной Евразии. М.: Изд-во МГУ, 1995. 270 с.

Деревянко А. П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3. С. 70–103.

Деревянко А. П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 328 с.

Деревянко А. П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 560 с.

Деревянко А. П. Новые археологические открытия на Алтае и проблема формирования *Homo sapiens*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 132 с.

Деревянко А. П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. 2: Первоначальное заселение человеком Северной, Центральной и Средней Азии. 884 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А. П. Деревянко, М. В. Шуныхов, А. К. Агаджанян, Г. Ф. Барышников, Е. М. Малаева, В. А. Ульянов, Н. А. Кулик, А. В. Постнов, А. А. Аношкин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 448 с.

Brock F., Higham T. F. G., Ditchfield P., Ramsey C. B. Current pretreatment methods for AMS radiocarbon dating at the Oxford Radiocarbon Accelerator Unit (ORAU) // Radiocarbon. 2010. Vol. 52. P. 103–112.

Roberts R. G., Jacobs Z., Li B., Jankowski N. R., Cunningham A. C., Rosenfeld A. B Optical dating in archaeology: thirty years in retrospect and grand challenges for the future // Journal of Archaeological Science. 2015. Vol. 56. P. 41–60.

M. V. Shunkov, M. B. Kozlikin

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

kmb777@yandex.ru

MIDDLE PALAEOLITHIC ASSEMBLAGES FROM DENISOVA CAVE: NEW DATA

Purpose. Comprehensive archaeological studies conducted in the East Chamber of Denisova Cave during 2005–2011 in the Altai region have made it possible to obtain a representative collection of archaeological evidence attributed to the Middle and Upper Palaeolithic. Middle Palaeolithic finds were recovered in the greatest numbers. This research mainly focuses on establishing relationships between the new middle Palaeolithic archaeological record documented in the East Chamber and assemblages of the same period found in different areas of Denisova Cave.

Results. To date, geochronology of the Pleistocene sequence in the East Chamber is mainly based on biostratigraphic evidence and the preliminary results of OSL dating. These data indicate that deposition of layers 13–11.3 appears to have occurred from late MIS 7 through terminal MIS 4. The lack of sharp boundaries and long sedimentation gaps between lithological units, as well as generally similar techno-typological features of lithic industries from layers 13–11.3, enable consideration of these materials within the same Middle Palaeolithic complex. Archaeological evidence recovered from layers 13–11.3 in the East Chamber (17 326 specimens) and attributed to the middle Middle Palaeolithic has the cultural and chronological counterparts in the Main Chamber (layers 20–12, 7 545 specimens) and in the entrance area (layers 10 and 9, 1 402 specimens) of the cave. The comparison of the major techno-typological characteristics of the lithic industries from these layers makes it possible to provide a general characteristic of the Middle Palaeolithic assemblage found in the cave. In general, these industries can be characterised by different variants of parallel, radial and Levallois flaking techniques. Scrapers constitute a typological basis of the lithic inventory; excavations yielded a high percentage of notch-denticulate tools, Levallois tools and the Upper Palaeolithic implements are present.

Conclusion. Techno-typological characteristics of the lithic industries, showing a qualitative uniformity, reveal some dynamics in the quantitative ratio between different categories of the inventory from bottom to top in the stratigraphic sequence. Thus, it was possible to trace a tendency for the increase of the typological variety of cores and a growing percentage of blades among flakes. The tool assemblage is characterised by the increased proportion of the Upper Palaeolithic tools, with a progressive decrease of Levallois and notch-denticulate components.

Keywords: Altai Mountains, Denisova Cave, Middle Palaeolithic, lithic industry, primary flaking, tool assemblage.

References

- Agadjanian A. K. Kompleksnye biostratigraficheskie issledovaniya noveishikh otlozhenii [Complex biostratigraphic studies of the recent deposits]. Novosibirsk, NSU Publ., 2008, 61 p. (in Russ.)
- Bolikhovskaya N. S. Evolyutsiya lessovo-pochvennoi formatsii Severnoi Evrazii [Evolution of the loess-soil formation of Northern Eurasia]. Moscow, MSU Publ., 1995, 270 p. (in Russ.)
- Brock F., Higham T. F. G., Ditchfield P., Ramsey C. B. Current Pretreatment Methods for AMS Radiocarbon Dating at the Oxford Radiocarbon Accelerator Unit (ORAU). *Radiocarbon*, 2010, vol. 52, p. 103–112.
- Derevianko A. P. Perekhod ot srednego k verkhnemu paleolitu na Altae [The Middle to Upper Palaeolithic Transition in Altai]. *Arckheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2001, vol. 3, p. 70–103. (in Russ.)
- Derevianko A. P. Perekhod ot srednego k verkhnemu paleolitu i problema formirovaniya Homo sapiens sapiens v Vostochnoi, Tsentral'noi i Severnoi Azii [The Middle to Upper Palaeolithic Tran-

sition and formation of *Homo sapiens sapiens* in Eastern, Central and Northern Asia]. Novosibirsk, IAET Publ., 2009, 328 p. (in Russ.)

Derevianko A. P. Verkhii paleolit v Afrike i Evrazii i formirovanie cheloveka sovremennogo anatomicheskogo tipa [The Upper Palaeolithic in Africa and Eurasia and the Origin of Anatomically Modern Humans]. Novosibirsk, IAET Publ., 2011, 560 p. (in Russ.)

Derevianko A. P. Novye arkheologicheskie otkrytiya na Altae i problema formirovaniya *Homo sapiens* [Recent discoveries in the Altai and issues on the evolution of *Homo sapiens*]. Novosibirsk, IAET Publ., 2012, 132 p. (in Russ.)

Derevianko A. P. Tri global'nye migratsii v Evrazii [Three global human migrations in Eurasia]. Novosibirsk, IAET Publ., 2017, vol. 2: The origin peopling of Northern, Central and Western Asia, 884 p. (in Russ.)

Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya [Paleoenvironment and Palaeolithic human occupation of Altai Mountains]. Novosibirsk, IAET Publ., 2003, 448 p. (in Russ.)

Roberts R. G, Jacobs Z., Li B., Jankowski N. R., Cunningham A. C., Rosenfeld A. B. Optical dating in archaeology: thirty years in retrospect and grand challenges for the future. *Journal of Archaeological Science*, 2015, vol. 56, p. 41–60.

For citation:

Shunkov M. V., Kozlikin M. B. Middle Palaeolithic Assemblages from Denisova Cave: New Data. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 50–57. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-5-50-57

Е. В. Акимова¹, В. М. Харевич¹, А. А. Вашков², И. В. Стасюк³

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Геологический институт Кольского научного центра РАН
ул. Ферсмана, 14, Апатиты, 184209, Россия*

³ *Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева
ул. А. Лебедевой, 89, Красноярск, 660060, Россия*

elaki2008@yandex.ru

КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ РУБЕЖА ПЛЕЙСТОЦЕНА – ГОЛОЦЕНА В ДОЛИНЕ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ БЮЗА II)

Единственным изученным памятником раннеголоценового времени в нижней части Красноярского водохранилища является стоянка Бюза II, открытая в 2014 г. и раскопанная в 2016 г. Из культурного слоя получено около 2 000 артефактов, с поверхности береговой отмели – около 800. В коллекции каменного инвентаря имеются клиновидные и торцовые микронуклеусы, нуклеусы для мелких и крупных пластин, скребки, скребла, резцы и долотовидные орудия. По фрагменту кости копытного животного была получена дата $14\,893 \pm 77$ некалиброванных л. н. (UBA-36027). Дата указывает на холодную ньяпанскую стадию, но стратиграфическая ситуация – на начало голоцена в пределах 9,7–9,2 тыс. л. н. От известных на Енисее раннеголоценовых индустрий комплекс этой стоянки отличается отсутствием мезолитических форм и сохранением традиции изготовления и использования крупных пластин. Это позволяет отнести материалы стоянки к эпипалеолиту, истоки которого, видимо, следует искать в развитии комплексов кокоревской археологической культуры и финальнопалеолитических «индустрий мелких пластин».

Ключевые слова: Средний Енисей, Красноярское водохранилище, ранний голоцен, мезолит, эпипалеолит, стоянка Бюза II, каменная индустрия.

Затопление Красноярским водохранилищем в 1960–1970-е гг. нижних террас Енисея с дюнными памятниками типа Батеней и Бузуновой привело к почти полному уничтожению целого хронологического пласта – начального периода голоцена. Современное представление об археологии этого периода основано только на материалах памятников окрестностей Красноярска [Макаров и др., 1995; 2009; Вдовин и др., 1992] и средней части Красноярского водохранилища [Абрамова и др., 1991. С. 69–71, 79; Лисицын, 1983; 1986; 2000]. При этом если на равнинном лесостепном юге культурные горизонты раннего голоцена обнаружены на одно- и двухслойных стоянках на высоких террасах Енисея или уже в экспонированном виде на береговых отмелях, то в окрестностях Красноярска они приурочены к стратифицированным многослойным памятникам с относительно надежным естественнонаучным обеспечением. Разнообразные ландшафтные условия, в которых существовали поселения в долине Енисея, свидетельствуют, вероятно, о большей мобильности охотников, их умении «вписыва-

Акимова Е. В., Харевич В. М., Вашков А. А., Стасюк И. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена – голоцена в долине Среднего Енисея (по материалам стоянки Бюза II) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 5: Археология и этнография. С. 58–71.

До сих пор дискуссионными остаются вопросы типологического разнообразия инвентаря в рамках определенных хронологических отрезков, предполагающего параллельное развитие индустрий мезолитического и эпипалеолитического облика. Недостаточно изучена проблема типологических критериев «рубежа» в каменном и костяном инвентаре, его хронологические рамки, особенно с учетом мезолитического и эпипалеолитического вариантов развития. Связано это главным образом с отсутствием объектов, обладающих репрезентативной информативной коллекцией, полученной из одного культурного слоя, залегавшего в определенных геологических условиях и достоверно датированного. В качестве одного из подобных памятников может рассматриваться стоянка Бюза II в северной части Красноярского водохранилища, открытая и исследованная авторами в последние годы [Акимова и др., 2016].

Нижняя (северная) часть Красноярского водохранилища протяженностью 68 км – от плотины ГЭС до залива Огур – расположена в узком каньоне шириной до 1,5 км, где Енисей прорезает Красноярский кряж Восточного Саяна. По левому берегу (Курбатово-Сырское белогорье) расположены фьордообразные заливы, самыми крупными из которых являются Бюзинский и Бирюсинский.

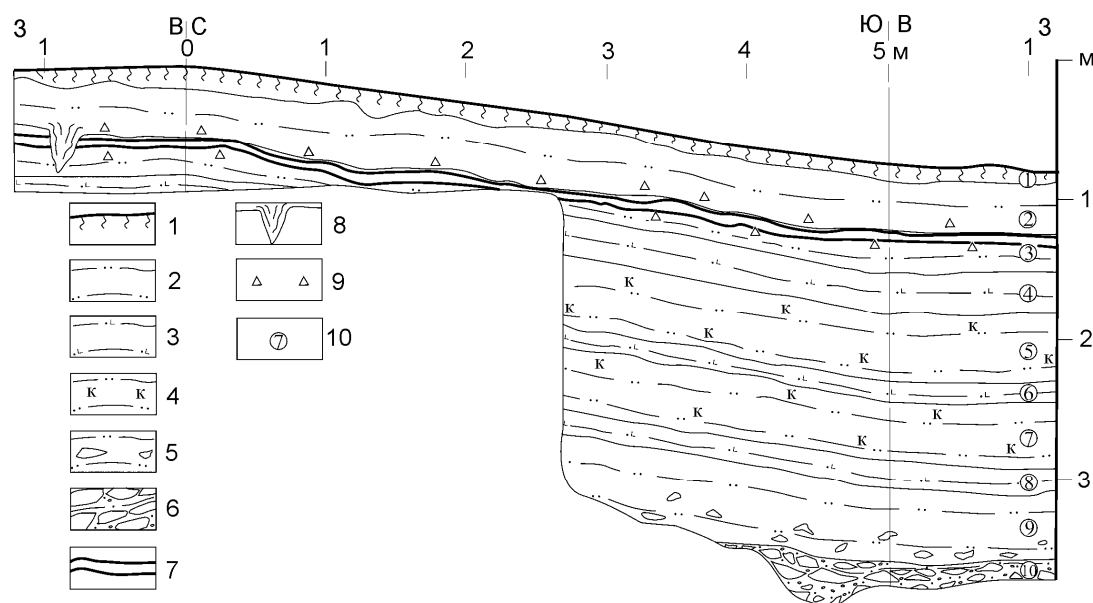

Рис. 1. Схема строения делювиального покрова в шурфе в пределах стоянки Бюза II: 1 – почвенно-растительный слой; 2 – супеси делювиальные; 3 – супеси лессовидные; 4 – супеси делювиальные, карбонатные; 5 – супеси делювиальные с включением грубообломочного материала; 6 – щебнисто-глыбовый материал с дресвой, разнозернистым песком; 7 – прослой суглинков озерных; 8 – морозобойный клин; 9 – археологический материал; 10 – номера слоев

В 2014 г. во время разведки в северной зоне Красноярского водохранилища, в 50 км выше плотины Красноярской ГЭС по левому берегу залива Бюза, в 600 м к северо-западу от его

современного устья, была открыта стоянка Бюза II. В 2014–2015 гг. проведены рекогносцировочные работы, позволившие определить границы памятника и выявить культурный слой, залегающий в отложениях раннего голоцена [Там же]. В 2016 г. проведены раскопки стоянки на площади 44 кв. м. В культурном слое, с учетом промывки грунта, было получено около 2 тыс. предметов.

Рис. 2 (фото). Каменная кладка в раскопе стоянки Бюза II (снято с ЮВ)

Стоянка приурочена к крупному делювиальному покрову протяженностью 0,7 км, шириной до 0,4 км, с вогнутым продольным профилем, осложненным террасовидными площадками, на одной из которых, с абсолютными отметками 244–250 м, располагается памятник.

Стратиграфический разрез описан по шурфу (глубина 2,9 м) в южной части раскопа, где вскрываются (см. рис. 1):

- 1) супесь темно-серая, до черной, органогенная; современная почва – 0,18 м;
- 2) супесь темно-серая, к подошве светлее, сланцеватая, отдельные плитки разделяются тонкими присыпками алевроита светло-серого, в нижней части пятна охристо-желтого цвета; элювиальный горизонт современной почвы – 0,35 м;
- 3) супесь светло-коричневая, в интервале 0–10 см от кровли комковатая, с двумя выраженными прослоями суглинка и глины коричневой толщиной до 2 см; ниже супесь сланцеватая с тонкими присыпками алевроита – 0,3 м;
- 4) супесь светло-серая, пылеватая, сланцеватая, карбонатная, пористая – 0,35 м;
- 5) супесь светло-коричневая, пылеватая, сланцеватая, карбонатная, с пятнами белого и охристо-желтого цвета в нижней части – 0,5 м;
- 6) супесь серая, с коричневатым оттенком, пылеватая, массивная, карбонатная, пористая, с редкими пятнами охристо-желтого цвета – 0,2 м;
- 7) супесь желто-коричневая, с розовым оттенком, пылеватая, массивная, карбонатная, с пятнами охристо-желтого и черного цвета – 0,45 м;
- 8) суглинок серый, массивный, пылеватый, с пятнами черного и охристо-желтого цвета – 0,2 м;
- 9) суглинок светло-коричневый, массивный, в нижней части с угловатыми обломками щебня и дресвы – 0,48 м;
- 10) суглинок желто-коричневый, грубый, с песком разнотернистым, заполняет пространство между угловатыми обломками глыб (до 0,3 м в диаметре), щебня, дресвы; слой водонасыщенный; вскрытая мощность более 0,3 м.

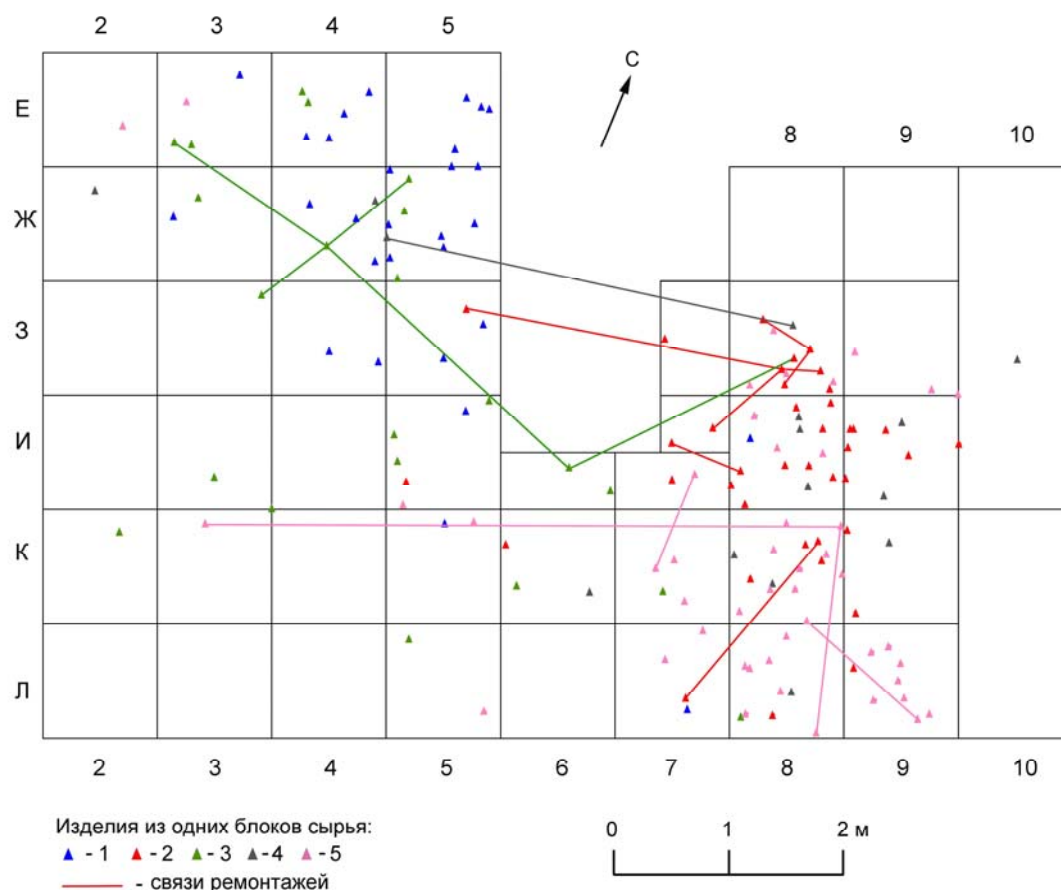

Рис. 3. План распределения предметов из отдельных блоков сырья в культурном слое стоянки Бюза II

Таким образом, в раскопе и шурфе прослеживается переслаивание делювиальных (слои 2, 3, 5, 7, частично 9) и лессовидных отложений (слои 4, 6, 8), которые размещены на коллювиальных склоновых отложениях (слои 9–10), перекрыты современными почвенными образованиями (слои 1, 2). Археологический материал приурочен к нижней части слоя 2 и кровле слоя 3. По нашему мнению, данный интервал накопился позже рубежа плейстоцена – голоцена, около 9,7–9,2 тыс. л. н. Об этом свидетельствует положение осадков над последними лессовидными образованиями (слой 4) со следами их переработки склоновыми процессами (слой 3) и под современной почвой (слой 1). Присутствие прослоев и катунев суглинков и глин в верхней части слоя 3 может свидетельствовать об условиях таяния многолетней мерзлоты. Постепенное потепление климата фиксирует и анализ раковин наземных моллюсков в нижней части слоя 3. Малакофауна этого интервала, по мнению д-ра геол.-минерал. наук А. Ф. Санько, относится к числу перигляциальных фаун так называемого «лессового комплекса». По фрагменту кости копытного животного, найденному в раскопе между обломками порфира в конструкции каменной выкладки (см. ниже), была получена дата $14\,893 \pm 77$ некалиброванных л. н. (UBA-36027). Расхождение с ожидаемым возрастом составляет около 5 тыс. л.

Раскоп 2016 г. захватывал часть склона с углом падения дневной поверхности до 6–8°. На вскрытой площади отмечались определенные различия в планиграфической ситуации и сохранности культуросодержащего горизонта. В северной части раскопа (верхняя часть склона) отдельные предметы залежали преимущественно на ребре или с сильным уклоном, в южной (нижняя часть склона) преобладали предметы в горизонтальном положении. Наибольшая плотность находок отмечена в подошве культурного слоя – она достигала нескольких десятков предметов на один квадратный метр, в то время как в кровле найдены только немногочисленные мелкие отщепы.

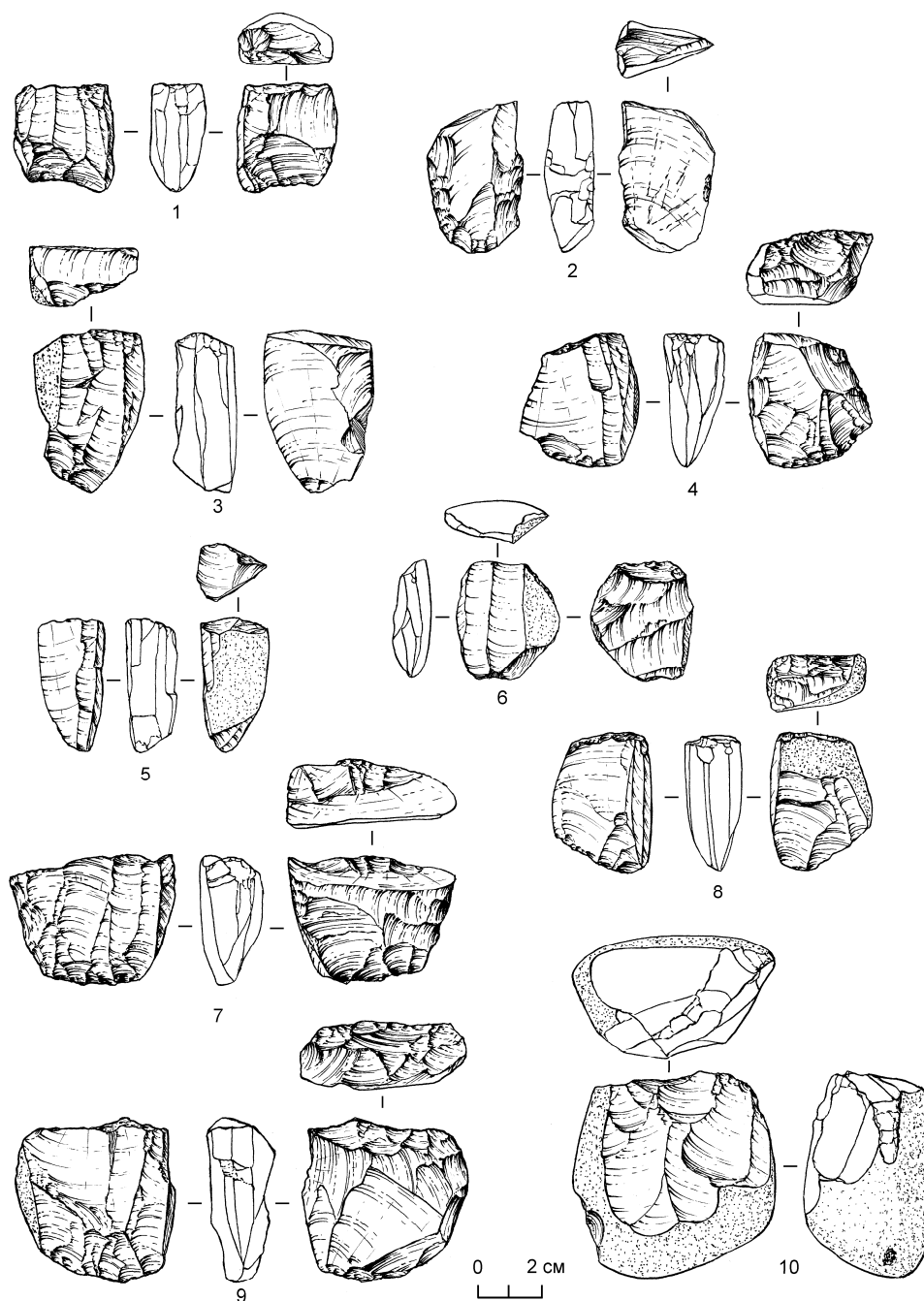

Рис. 4. Каменный инвентарь из культурного слоя стоянки Бюза II: 1–10 – нуклеусы

В западной части раскопа прослеживалась цепочка разноразмерных обломков порфира розовато-серого цвета, установленных плашмя в соответствии с направлением уклона поверхности, или, реже, углом с продавливанием грунта. Камни были расположены непосредственно в кровле слоя 3 на буром прослое глины, маркируя тем самым низ культурного слоя. Артефакты, соответственно, располагались как на уровне камней, так и несколько выше; ниже них найдены только единичные предметы. Основная часть каменного инвентаря (нуклеусы и орудия) зафиксированы между камнями, а также севернее и восточнее них.

В восточной части раскопа выявлена выкладка из обломков порфира (см. рис. 2). Учитывая небольшое сползание по склону, первоначальный диаметр конструкции должен был со-

ставлять около 0,8–0,9 м. В северной части выкладки обломки расположены вертикально с наклоном к центру, очерчивая полуокружность, в южной – смещены и залегают в горизонтальном положении. В центральной части выделяется крупный плоский камень, установленный наклонно; менее крупные обломки, как правило, уложены плашмя. Между камнями отмечено рыхлое сероватое супесчаное заполнение, содержащее мелкие отщепы и микропластины. Мелкие отщепы обнаружены также и под отдельными камнями. По контуру выкладки расположены два клиновидных нуклеуса (см. рис. 4, 7, 9) и концевой скребок (см. рис. 6, 9). При разборке конструкции были найдены неопределимые фрагменты костей очень плохой сохранности. За пределами кладки костные остатки не обнаружены. Следов искусственного углубления ниже уровня камней не отмечалось, однако под центральной частью конструкции выявлена неглубокая (до 5 см) линза, представлявшая собой рыхлую порфиловую россыпь, образовавшуюся при разрушении нижней части камней, уложенных в основание кладки.

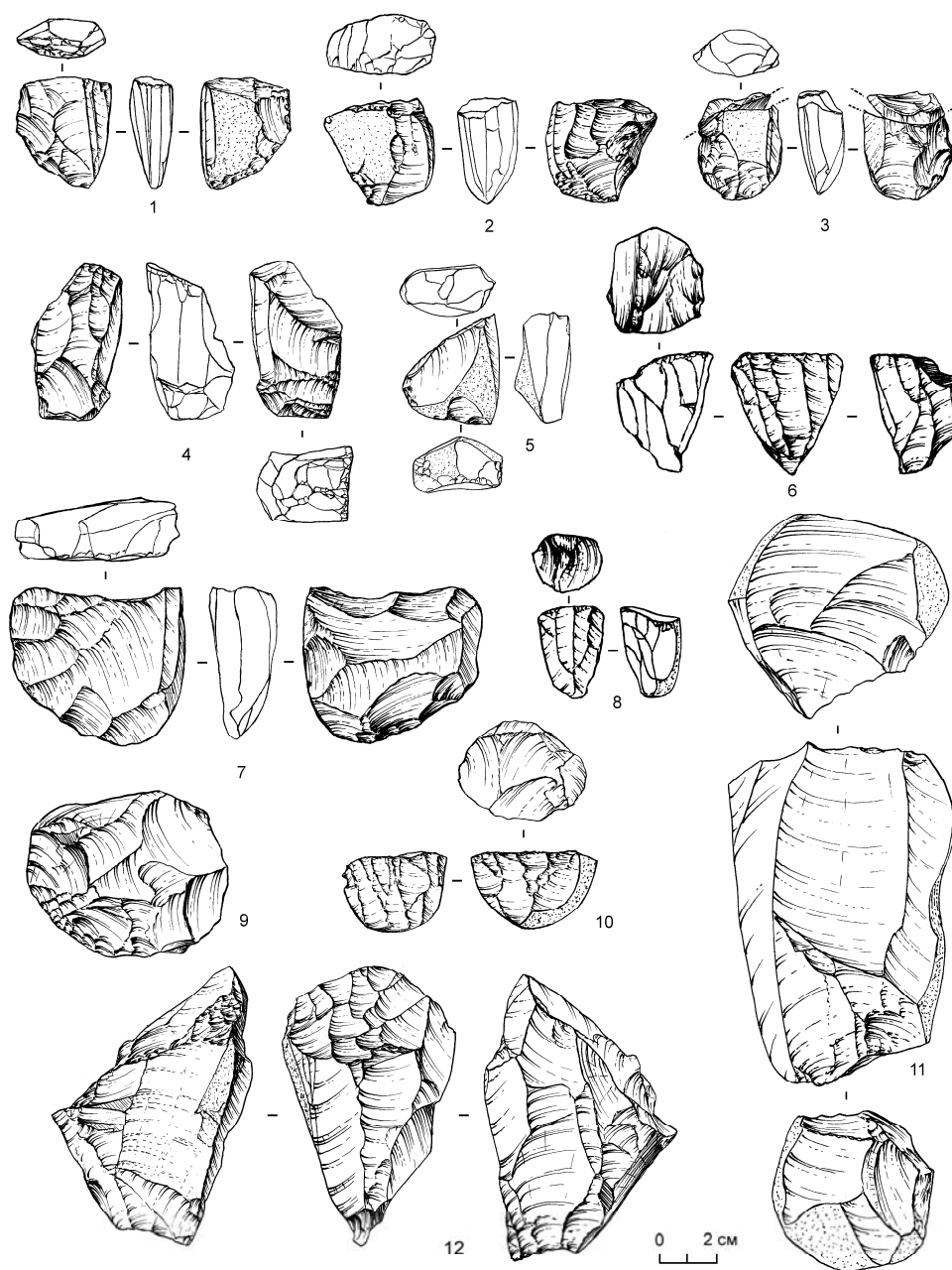

Рис. 5. Каменный инвентарь из подъемных сборов на стоянке Бюзя II: 1–12 – нуклеусы

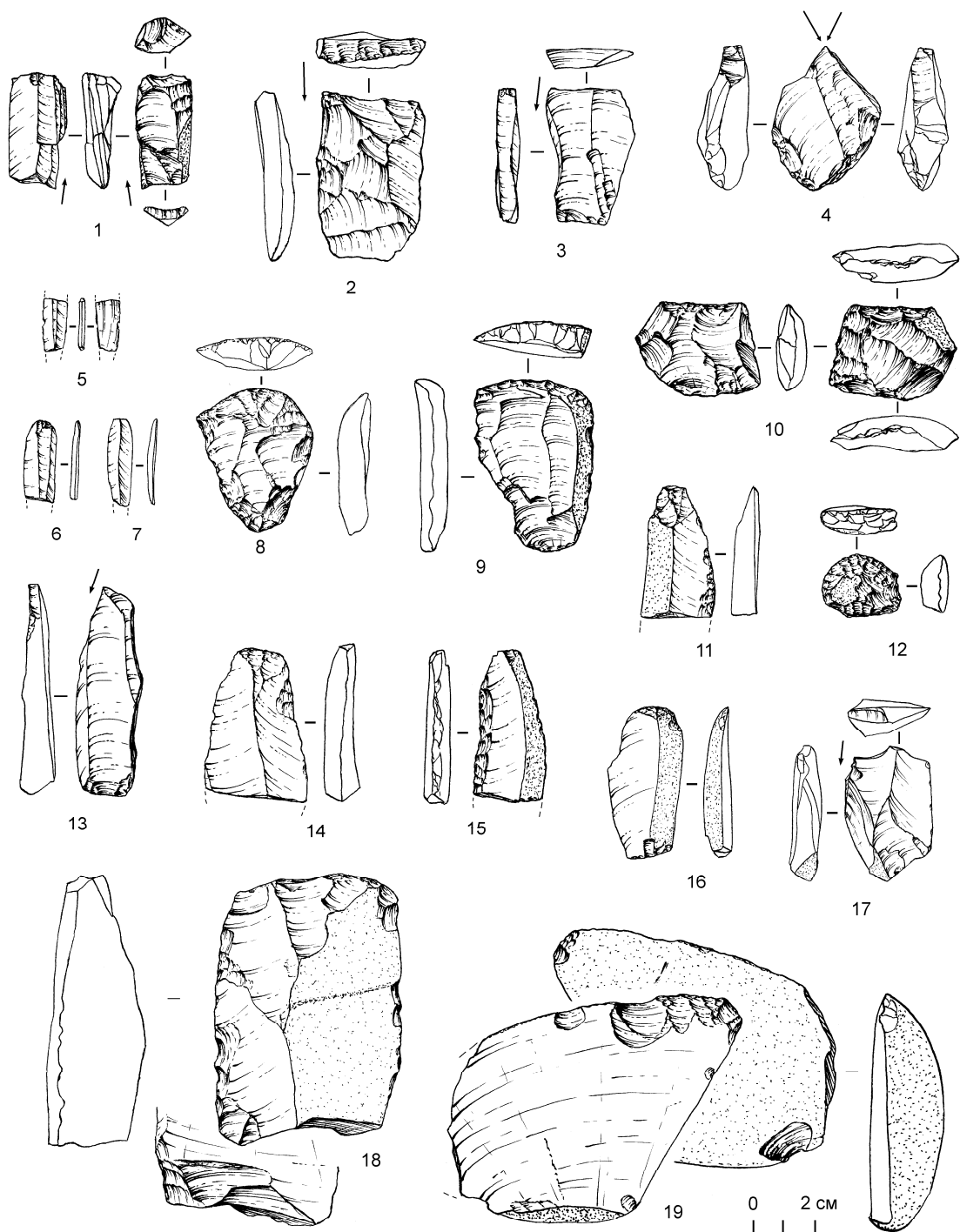

Рис. 6. Разновидный каменный инвентарь из культурного слоя стоянки Бюза II: 1–4, 13, 17 – резцы; 5–7 – фрагменты микропластин; 8, 9, 12, 16 – скребки; 10 – долотовидное орудие; 11, 14, 15, 18 – пластины с ретушью; 19 – скребковидное орудие

Под всеми камнями, располагавшимися на поверхности слоя, отмечены линзы супеси и суглинка темно-коричневого цвета толщиной 1–3 мм. Исключением являются камни в южной части каменной кладки, сползшие в процессе формирования отложений, перекрывающих культурный слой – темно-бурая окраска здесь не встречена.

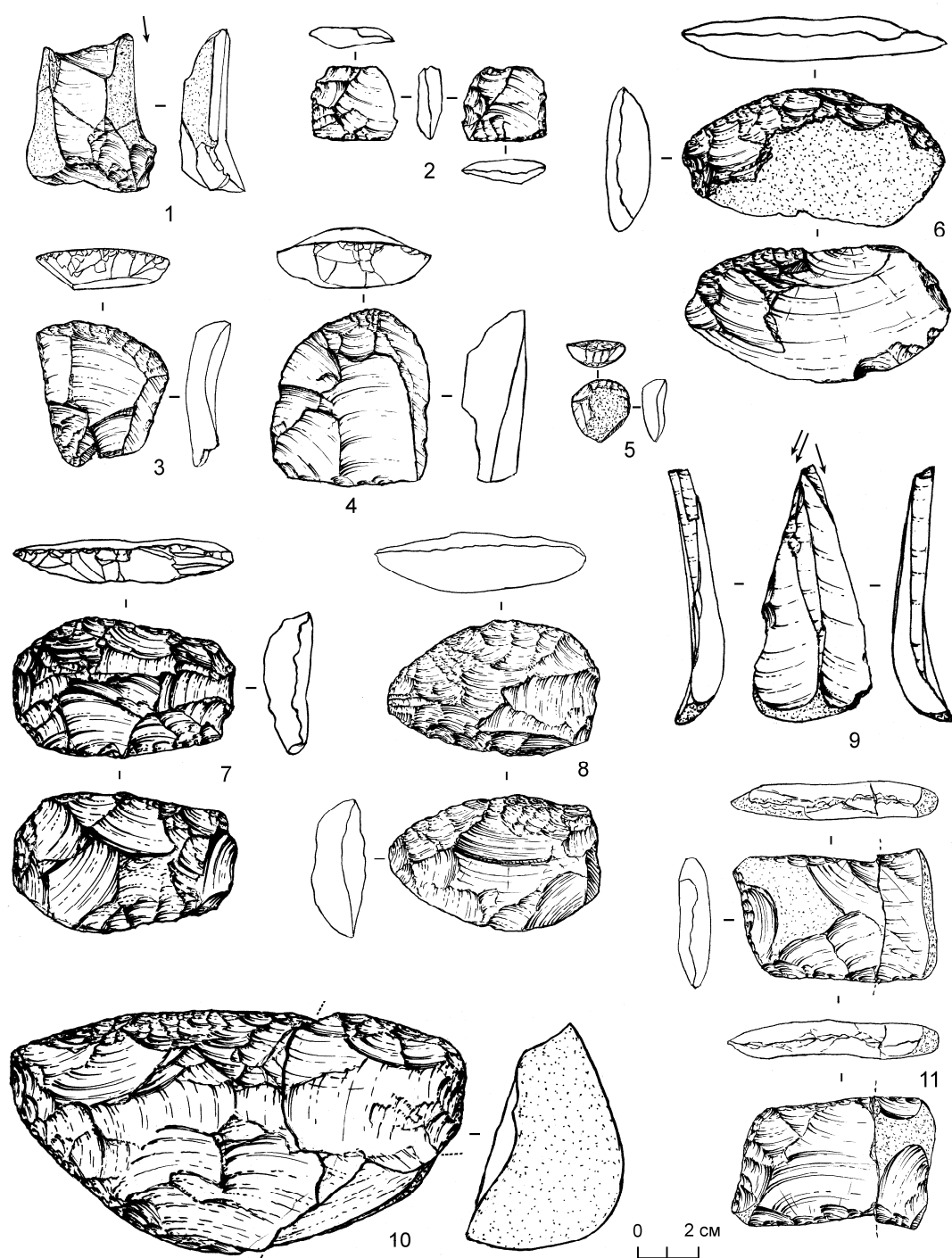

Рис. 7. Разновидный каменный инвентарь из подъемных сборов на стоянке Бюза II:
1, 9 – резцы; 2, 11 – долотовидные орудия; 3–5 – скребки; 6–8, 10 – скребла

Отсутствие определимых костей в раскопе снимает вопрос о палеофауне Бюзы. Некоторую информацию дает только фрагмент кости, использованный для радиоуглеродного датирования. Данные изотопного анализа указывают на то, что кость принадлежала особи, сходной по режиму питания с травоядными животными умеренных широт¹.

¹ Определение доктора философии С. В. Свято (Королевский университет Белфаста, Великобритания).

Сырьевой базой каменной индустрии стоянки являлись галечники Енисея и Бюзы. Использовались аргиллит, алевролит и песчаник различной степени окремненности, кварцит и яшмоиды, а также светлый пятнистый кремнь, слабоокремненный известняк, эффузивы среднего или основного состава, афировые и черный базальты, пепловый туф.

Общее количество блоков сырья, использованных на вскрытом и разрушенном участках, точно установить невозможно. На рис. 3 отображено распределение на площади раскопа нескольких наиболее представительных групп снятий, полученных из одного блока сырья. Наиболее интересна группа 1, объединяющая сколы и изделия из крупного блока кремня, найденные как на вскрытом участке, так и за пределами раскопа. Из этого блока были изготовлены резец (см. рис. 6, 2) и два микронуклеуса: один из раскопа, другой – с береговой отмели (см. рис. 4, 5; 5, 2). Группа 2 связана с изготовлением одного клиновидного нуклеуса (см. рис. 5, 7), найденного на разрушенном участке памятника, но практически полностью подготовленного на площадке, вскрытой раскопом. Группу 3 составляют сколы из желтого кварцита, включая вторичную полуреберчатую пластину и апплицирующиеся к ней сколы оформления латерального ребра. На этом же сырье выполнен резец (см. рис. 6, 13). Группы 4 и 5 представляют собой сколы из аргиллита и микрокварцита, связанные с подготовкой и расщеплением нуклеуса для мелких пластин (см. рис. 4, 6) и клиновидного микронуклеуса (см. рис. 4, 4).

Как видно из распределения находок, артефакты, принадлежащие к одним сырьевым группам, располагались компактно. Судя по группам 1, 2, 4 и 5, на вскрытом участке подготавливали и утилизировали микронуклеусы, что подтверждается также обилием целых и фрагментированных микропластин.

Общее количество нуклеусов в культурном слое, включая заготовки и выбракованные изделия, насчитывает 17 экз. В качестве первых использовались крупные отщепы, рассеченные пластинчатые сколы и фрагменты блоков каменного сырья.

Наиболее выразительны клиновидные микронуклеусы (5 экз.). Преобладают изделия с одно- или двусторонней обработкой латералей, в ряде случаев частично сохраняющих галечную корку (см. рис. 4, 1, 4, 7–9). Оформление ударных площадок производилось снятиями со стороны фронта и латералей.

К микроформам также отнесены торцовые нуклеусы (см. рис. 4, 5) (3 экз.), один из которых в дальнейшем был переоформлен в резец (см. рис. 6, 1).

На получение мелких пластин и пластинок ориентированы нуклеус на поперечно рассеченном пластинчатом сколе с узким фронтом по одному продольному краю и чешуйчатой ретушью по другому (см. рис. 4, 2), и нуклеусы (3 экз.) на небольших гальках (см. рис. 4, 10). Два из них были выбракованы уже на начальной стадии расщепления и только один сработан полностью. О вероятности его переоформления в процессе утилизации свидетельствует серия изготовленных из того же сырья микропластин с правильной огранкой, которые могли быть получены только с клиновидного микронуклеуса.

В коллекцию также входят выбракованные на начальных стадиях расщепления одноплощадочные нуклеусы средних размеров: один с широким выпуклым фронтом, второй торцовый с оформленным отщеповыми снятиями килем. Нуклеусы крупных форм в раскопе не найдены, однако присутствуют полученные с них сколы-заготовки.

В подъемных сборах коллекция нуклеусов, микронуклеусов и их заготовок значительно более представительна (30 экз.). Можно выделить четыре типологические группы.

Первая представлена клиновидными нуклеусами (7 экз.). Как правило, одна латераль обработана ретушью полностью, вторая – только по килегребневой части (см. рис. 5, 1–3, 7). Оформление ударных площадок производилось со стороны фронта, с правой или левой латерали. Помимо собственно клиновидных нуклеусов найдены три заготовки, у которых приемы оформления латералей и ударных площадок аналогичны имеющимся у завершенных форм.

Вторая группа объединяет торцовые нуклеусы для мелких пластин (5 экз.). Среди них одноплощадочные монофронты (4 экз.) на отщепах с гладкими ударными площадками, в двух случаях – с односторонней подтеской кия (см. рис. 5, 5). Один нуклеус выбракован из-за трещины, выявленной на начальной стадии расщепления (см. рис. 5, 3). К этой группе отнесен и торцовый двухплощадочный бифронтальный нуклеус с перекрестным расположением

фронтов, при этом второй (дополнительный) фронт создан на дистальном конце и латерали исходной формы нуклеуса (см. рис. 5, 4).

Третья группа включает одноплощадочные монофронтальные нуклеусы на небольших гальках и их фрагментах (5 экз.) (см. рис. 5, 10). К их отличительным особенностям можно отнести наличие гладкой, оформленной одним сколом, скошенной к контрфронт ударной площадки и широкого выпуклого фронта, несущего негативы снятия мелких пластин. Дуга скалывания активно редуцировалась. Один из нуклеусов представляет собой преформу, подготовленную для серийного снятия заготовок и выбракованную из-за выявленной трещины. Другой нуклеус выбракован в начальной стадии расщепления из-за неудачного оформления ударной площадки. В коллекции имеется также заготовка в виде фрагмента небольшой гальки с подготовленной одним сколом ударной площадкой, с которой, в свою очередь, сняты два первичных отщепа, формирующих выпуклость будущего фронта.

Конусовидные одноплощадочные монофронты для пластинок и микропластин, составляющие четвертую группу изделий (3 экз.), не отмечены в коллекции культурного слоя. В целом они близки к нуклеусам первой группы и отличаются лишь резким сужением к дистальному концу (см. рис. 5, 6, 8).

Примечателен крупный двухплощадочный монофронтальный нуклеус встречного скалывания (см. рис. 5, 11). К фронту апплицируются три пластины, к ударным площадкам – два скола подживления. Помимо этого, найдены сколотые с него четыре фрагмента пластин, один из которых апплицируется с дистальным фрагментом ныряющего скола. Все элементы сборки залегали компактной группой на участке береговой отмели.

В коллекции также присутствуют два истощенных одноплощадочных монофронта, крупный конусовидный одноплощадочный монофронт для пластин (см. рис. 5, 12), двухплощадочный монофронтальный микронуклеус встречного скалывания и одноплощадочный монофронт, оставленный на начальной стадии утилизации.

Сходство между материалами, полученными в раскопе и в подъемных сборах, подчеркивают как торцовые и клиновидные нуклеусы с идентичным оформлением элементов, так и нуклеусы с широким выпуклым фронтом для мелких пластин и пластинок. Нуклеусы для крупных пластин очень индивидуальны и каких-то определенных серий не образуют.

К орудийному комплексу отнесено 14 предметов из раскопа и 30 из подъемных сборов.

Группа скребков относительно малочисленна (8 экз.). В культурном слое найдены только скребок овально-треугольной формы на плоском отщепе с ретушью по периметру (см. рис. 6, 8), микроскребок-унифас с выпуклым крутым широким рабочим краем (см. рис. 6, 12) и концевые скребки на пластине с узким рабочим краем, полуреберчатой пластинке и широком обушковом пластинчатом сколе (см. рис. 6, 9, 16). Подобная ситуация наблюдается и в подъемных сборах, где отмечены только концевой скребок с сильно скошенным рабочим краем (см. рис. 6, 3); концевой скребок на массивном отщепе с сильно выступающим рабочим краем (см. рис. 6, 4) и микроскребок округлой формы (см. рис. 6, 5). В целом скребки Бюзы II характеризуются средними размерами и дистальным расположением выпуклого рабочего края на пластинчатой или слегка удлиненной отщеповой заготовке.

Единственное орудие из раскопа, которое можно отнести к скребловидным, изготовлено на крупном первичном отщепе с участками ударной краевой ретуши (см. рис. 6, 19).

Скребла из подъемных сборов значительно более представительны (8 экз.). Можно выделить четыре варианта.

Первый составляют скребла «афонтовского типа» небольшого размера, изготовленные на широких отщепах (3 экз.) (см. рис. 7, 6–8). Степень оформления фасов зависит от формы и массивности заготовки: как правило, дорсал полностью или частично обработан чешуйчатой ретушью, вентрал уплощен сколами, направленными с ударной площадки и (или) обоих краев.

Массивные скребла на расколотых гальках низкокачественных пород со схематичной обработкой рабочего края (2 экз.) объединяются во второй вариант. Одно скребло имеет грубую оббивку вентральной плоскости (см. рис. 7, 10).

Третий представлен скреблами на плоских первичных отщепах с приостряющей вентральной или дорсальной ретушью по краю (2 экз.).

Скребловидное орудие на крупном галечном сколе с двумя рабочими краями, сходящими под прямым углом, можно также выделить в отдельный тип.

Резцы присутствовали как в раскопе (6 экз.), так и на береговой отмели (4 экз.). Только в раскопе найдены срединный резец на отщепе (см. рис. 6, 4), угловые резцы на пластинчатых заготовках (см. рис. 6, 3, 13, 17) и сработанном микронуклеусе (см. рис. 6, 1). Единственный вогнуторетушный резец на пластине из культурного слоя (см. рис. 6, 2) аналогичен предметам (2 экз.) из подъемных сборов (см. рис. 7, 1). Независимо от параметров заготовки предварительно подготовлена вогнутая, отвесно ретушированная площадка, с которой по торцу скола выполнено пластинчатое снятие. Только на береговой отмели найдены крупные срединные резцы на пластинах с противоположно направленными диагональными сколами вдоль обоих краев заготовок (2 экз.) (см. рис. 7, 9).

Долотовидные орудия из подъемных сборов (10 экз.) изготовлены как на небольших плоских отщепах (см. рис. 7, 2), так и на крупных обломках и сколах (см. рис. 7, 11), с одной или двумя парами противолежащих рабочих краев. В раскопе обнаружено только два подобных изделия (см. рис. 6, 10).

Фрагменты пластин с краевой ретушью присутствовали как в культурном слое (7 экз.), так и в подъемных сборах (4 экз.). Ни одного целого орудия не найдено. Можно судить только о средних и относительно крупных размерах предметов и о степени ретушной обработки (см. рис. 6, 11, 14, 15). Микропластины следов ретуширования не имеют (см. рис. 6, 5–7).

Галечные орудия традиционно для Енисея формировались преимущественно двумя путями, предполагающими использование либо естественной формы гальки с лаконичным оформлением рабочего края, либо радикального рассечения поперек (или отсечения крупного фрагмента) и оформления рабочего края на образовавшейся поверхности. Низкокачественное сырье порождало обилие неудачных заготовок, выбракованных на разных стадиях изготовления, что создавало морфологическую пестроту, не связанную с функцией изделия и практически не поддающуюся систематизации. Для подъемных сборов Бюзы II можно выделить следующие варианты: расколотые поперек гальки (или гальки с отколотым концом) с прямой отвесной оббивкой образовавшейся плоскости; небольшая расколотая галька с выпуклым рабочим краем в виде чоппера; плоская галька с естественной «рукояткой» и крутой оббивкой по широкому округлому краю; массивная треугольная галька с одним отвесно заостренным концом. Единственное галечное орудие, найденное в раскопе, представляет собой струг на выбракованном нуклеусе.

Анализ опубликованных материалов мезолитических памятников Среднего Енисея в контексте коллекции Бюзы II показывает несколько большую архаичность последней. На этом памятнике не было топорovidных изделий и других галечных орудий с перехватом, карандашевидных нуклеусов. Подобно Бирюсинской стоянке, на памятнике Бюза II найдены небольшие скребла «афонтовского типа», срединные резцы, долотовидные орудия. При этом здесь присутствовали и боковые вогнуторетушные резцы, не известные на Бирюсинской стоянке. Небольшие нуклеусы с широким выпуклым фронтом, конусовидные и торцовые нуклеусы для мелких пластин и микропластин сочетались с нуклеусами клиновидными.

В целом от других раннеголоценовых индустрий комплекс стоянки Бюза II отличает полное отсутствие каких-либо мезолитических черт и сохранение традиции изготовления и использования крупных пластин. Всё это позволяет говорить о сохранении на Енисее палеолитической традиции в раннеголоценовое время. Комплекс стоянки Бюза II правомерно отнести к эппалеолиту, истоки которого, видимо, следует искать в развитии кокоревской археологической культуры, характеризующейся сочетанием нуклеусов для крупных пластин и микронуклеусов и широким распространением техники резцового скола. В то же время наличие характерных форм нуклеусов сближает рассматриваемый комплекс с такими финальнопалеолитическими «индустриями мелких пластин», как Малтат и Конжул. Дискуссионным остается вопрос о роли афонтовской культуры. Типично афонтовский облик имеют небольшие скребла с двусторонней обработкой и мелкие долотовидные орудия, представленные на стоянке Бюза II достаточно выразительной серией.

В настоящее время тема перехода от палеолита к неолиту в Сибири однозначной интерпретации не имеет. Существуют региональные варианты решения, опирающиеся на памятники определенного возраста, выявленные на локальной территории. Стремление рассматри-

вать проблему в глобальном ключе – «мезолит Сибири» как этап развития древнего населения всего региона, имеющий определенные конкретно-исторические и типологические характеристики, – неперспективно. Любая подобная концепция не выдержит проверки «на местах» в связи с явной вариабельностью развития археологических культур на этапе рубежа плейстоцена – голоцена. Таким образом, проблема перехода от палеолита к неолиту в Сибири заключается не в том, какой путь правильный: через микролитизацию инвентаря или минуя ее. Проблема в том, в каких палеоэкологических условиях и по какому из этих путей пошло развитие, а также каковы конкретно-исторические формы, в которые облекался этот процесс.

Список литературы

Абрамова З. А., Астахов С. Н., Васильев С. А., Ермолова Н. М., Лисицын Н. Ф. Палеолит Енисея. Л., Наука, 1991. 158 с.

Акимова Е. В., Харевич В. М., Попова Н. Н. Стоянка Бюза-2 – новый памятник раннеголоценового времени на Красноярском водохранилище // *Stratum plus*. 2016. № 1: Археология и культурная антропология. С. 315–324.

Ауэрбах Н. К., Громов В. И. Материалы к изучению Бирюсинских стоянок Красноярского округа // Изв. ГАИМК. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. Вып. 118. С. 219–245.

Вдовин А. С., Ямских А. Ф., Ямских Г. Ю., Оводов Н. Д. Позднепалеолитическая стоянка Большая Слизнева // Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири. Путеводитель Международного симпозиума. Красноярск: Изд-во «Зодиак», 1992. С. 22–34.

Лисицын Н. Ф. Мезолитическая стоянка Куртак-2 на Енисее // КСИА. М.: Наука, 1983. № 173. С. 97–102.

Лисицын Н. Ф. Некоторые итоги изучения каменного века на высоких террасах Енисея // Палеолит и неолит. Л.: Наука, 1986. С. 33–38.

Лисицын Н. Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья // Тр. ИИМК РАН. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. Т. 2. 230 с.

Макаров Н. П., Мандрыка П. В., Ямских А. Ф., Зубарева Г. Ю. Археологический материал и палеогеография многослойной стоянки Шалуниин Бык // Палеогеография Средней Сибири. Красноярск: [Б. и.], 1995. Вып. 2. С. 113–135.

Макаров Н. П., Мартынович Н. В., Оводов Н. Д. Пещера Еленева – многослойный голоценовый памятник на среднем Енисее. Краткие итоги изучения // Пещеры: охрана, история исследований, культура, туризм, современное состояние и перспективы научных исследований в пещерах на территории бывшего СССР. Красноярск: [Б. и.], 2009. С. 81–105.

Хлобыстин Л. П. Изделия из кости и рога палеолитических слоев Бирюсинского поселения // Палеолит и неолит СССР. Л.: Наука, 1972. Т. 7. С. 150–156. (МИА. № 185)

Sinitsyna G. V., Kuzmina I. E. Paleolithic layers of multilayer site Biriysa on the Middle Yenisey // *Topical issues of the Asian Paleolithic*. Novosibirsk: IAE SB RAS Publ., 2014. P. 159–172.

E. V. Akimova¹, V. M. Kharevich¹, A. A. Vashkov², I. V. Stasyuk³

¹ Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Geological Institute of Kola Science Centre RAS
14 Fersman Str., Apatity, 184209, Russian Federation

³ V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University
89 A. Lebedeva Str., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation

elaki2008@yandex.ru

STONE INDUSTRY OF PLEISTOCENE – HOLOCENE IN THE MIDDLE YENISEY VALLEY (BASED ON BYUZA II MATERIALS)

Purpose. The Krasnoyarsk reservoir having flooded the lowest terraces of the Yenisei River, many archaeological sites were disturbed and destroyed, so archaeological data about the period of the Final Pleistocene to the Early Holocene on the territory of Central Siberia became scarce. Nowadays, our knowledge about this period is based on the materials from the sites around Krasnoyarsk city, such as Eleneva cave, Shalunin Byk, the upper layers of Sliznevo site and Listvenka site, and the middle part of the Krasnoyarsk reservoir area: Aieshka I, Kurtak II, Buzunova, Bateni, etc., and, probably, the territorial gap caused by Krasnoyarsk Dam. The Birusinka site and Byuza II, which were discovered in 2014 in the down part of Krasnoyarsk reservoir, prove that. We aimed to describe the findings of Byuza II, identify their types and date them.

Results. This article summarizes the complex investigation of the Buza II site. Nowadays, Byuza II is the only one Early Holocene site in the lower part of the Krasnoyarsk reservoir. The site contained numerous findings – about 2000 artifacts were excavated from the cultural layer and 800 were picked from the costal shallow in 2016. Among others, the core collection includes wedge-shaped microcores and edge-faceted microcores on microblades. Fragments of big blades were found in the excavation area, too, which helped to reveal the existence of big cores within the site area. The material collection includes similar fragments of big cores. The cultural layer also had angel burins, transverse burins, burins on concave retouched truncation, sub-rectangular chisel-like tools, medium sized grafted, scraper-like tools, burins and retouched flakes. Such tools as scrapers, burins and chisel-like tools were also picked from the coastal shallow. Just one cultural layer and typological similar materials in situ point out that all these materials belong to the same complex. Porphyry slabs along the West-East line laid out a stone alignment with the diameter of 0.8–0.9 m. A bone fragment of an ungulate, which was found among the porphyry slabs, has been dated $14\,893 \pm 77$ years ago (UBA-36027). There is a discrepancy between the expected age of the site and the age of the bone fragment found, which is about 5 thousand years. While the date points out to the cold Nyapan Stage, according to stratigraphy the site refers to the Early Holocene period within 9.7–9.2 thousand years ago.

Conclusion. In comparison with a well-known Biryusa site (middle layer), Eleneva cave (15–17 layers), and Bolshaya Slizneva site (2 and 5 layers), Byuza II has no Mesolithic tools and demonstrates the traditional industry of producing big burins. It allows us to use the term «Epipaleolithic» when referring to the site. We conclude that the roots of Epipaleolithic go back to the complexes of the Kokorevo culture and the Final Pleistocene «microblade industry».

Keywords: the Middle Yenisei, the Krasnoyarsk reservoir, Early Holocene, Mesolithic, Epipaleolithic, site Byusa, Stone industry, the Kokorevo culture.

Reference

- Abramova Z. A., Astakhov S. N., Vasil'ev S. A., Ermolova N. M., Lisitsyn N. F. Paleolit Eniseya [Paleolithic of the Yenisei]. Leningrad, Nauka, 1991, 158 p. (in Russ.)
Akimova E. V., Kharevich V. M., Popova N. N. Stoyanka Byuza II – novyi pamyatnik ranne-golotsenovogo vremeni na Krasnoyarskom vodokhranilishche [Byuza II site – a newly discovered

Early Holocene site on the territory of the Krasnoyarsk reservoir]. *Stratum plus*, 2016, no. 1: Archaeology and Cultural Anthropology, p. 315–324. (in Russ.)

Auerbakh N. K., Gromov V. I. Materialy k izucheniyu Biryusinskikh stoyanok Krasnoyarskogo okruga [Materials for studying Birusinka sites in the Krasnoyarsk region]. *Izvestiya Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury* [News of the SAHMC]. Moscow, Leningrad, OGIZ Publ., 1935, iss. 118, p. 219–245. (in Russ.)

Khlobystin L. P. Izdeliya iz kosti i roga paleoliticheskikh sloev Biryusinskogo poseleniya [Bone and antler artefacts from Palaeolithic layers of the Biriysa site]. *Paleolit i neolit SSSR* [Paleolithic and Neolithic of the USSR]. Leningrad, Nauka, 1972, vol. 7, p. 150–156. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and researches about archaeology of the USSR]. No. 185)

Lisitsyn N. F. Mesoliticheskaya stoyanka Kurtak II na Enisee [Mesolithic site Kurtak 2 on the Yenisei River]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief notes of Institute of Archaeology]. Moscow, Nauka, 1983, no. 173, p. 97–102. (in Russ.)

Lisitsyn N. F. Nekotorye itogi izucheniya kamennogo veka na vysokikh terrasakh Eniseya [Some results of studying the Stone Age on high terraces of the Yenisei]. *Paleolit i neolit* [Paleolithic and Neolithic]. Leningrad, Nauka, 1986, p. 33–38. (in Russ.)

Lisitsyn N. F. Pozdnii paleolit Chulymo-Eniseiskogo mezhdurech'ya [Late Paleolithic in the Chulym-Enisei area]. *Trudy Instituta istorii material'noi kul'tury* [Proceeding of IHMC RAS]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2000, vol. 2, 230 p. (in Russ.)

Makarov N. P., Mandryka P. V., Yamskikh A. F., Zubareva G. Yu. Arkheologicheskii material i paleografiya mnogoslonoj stoyanki Shalunin Byk [Archaeological material and paleography of multilayer site Shalunin Byk]. *Paleografiya Srednei Sibiri* [Paleography of Middle Siberia]. Krasnoyarsk, 1995, vol. 2, p. 113–135. (in Russ.)

Makarov N. P., Martynovich N. V., Ovodov N. D. Peshchera Eleneva – Mnogoslonoj golotse-novyi pamyatnik na srednem Enisee. Kratkie itogi izucheniya [Eleneva Cave – a multilayer Holocene site on the Middle Yenisey. Brief results of studying]. *Peshchery: okhrana, istoriya issledovaniy, kul'tura, turizm, sovremennoe sostoyanie i perspektivy nauchnykh issledovaniy v peshcherakh na territorii byvshego SSSR* [Caves: protection, history of studying, culture, tourism, conditions and scientific prospects on the territory of the former USSR]. Krasnoyarsk, 2009, p. 81–105. (in Russ.)

Sinitsyna G. V., Kuzmina I. E. Palaeolithic layers of multilayer site Biriysa on the Middle Yenisey. *Topical issues of the Asian Paleolithic*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2014, p. 159–172.

Vdovin A. S., Yamskikh A. F., Yamskikh G. Yu., Ovodov N. D. Pozdnepaleoliticheskaya stoyanka Bol'shaya Slizneva [The Late Paleolithic site Bol'shaya Slizneva]. *Arkheologiya, geologiya i paleogeografiya paleoliticheskikh pamyatnikov yuga Srednei Sibiri* [Archaeology, Geology and Paleography of the Sites in the South of Middle Siberia]. Krasnoyarsk, Zodiak Publ., 1992, p. 22–34. (in Russ.)

For citation:

Akimova E. V., Kharevich V. M., Vashkov A. A., Stasyuk I. V. Stone Industry of Pleistocene – Holocen in the Middle Yenisey Valley (Based on Byuza II Materials). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 58–71. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-5-58-71

Е. П. Рыбин, В. С. Славинский, А. М. Хаценович, Н. Е. Белоусова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

rybep@yandex.ru

**ПРЕДНАМЕРЕННАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ ПЛАСТИН
КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В ТЕХНОЛОГИИ НАЧАЛЬНОГО
ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СТОЯНКИ КАРА-БОМ
(ГОРНЫЙ АЛТАЙ, РОССИЯ)**

Природа начального этапа верхнего палеолита в Евразии является дискуссионной научной проблемой. Традиционно это культурно-хронологическое определение относится к тем ассамбляжам, которые демонстрируют переходные черты от среднего палеолита к верхнему. Круг таких находок был выявлен на обширной территории – от Центральной Европы до Северного Китая. В азиатской части континента начальный этап верхнего палеолита выделяется на основе ряда специфических технологических приемов и орудий-маркеров. В рамках данной статьи ставится цель определить еще один прием, дополнив лист признаков, отличающих начальный этап верхнего палеолита от предыдущих и последующих фаз. На основе материалов памятника Кара-Бом (Горный Алтай) приводится детальный анализ приема преднамеренной фрагментации пластинчатых заготовок, выявленного на основе ремонта и атрибутивного анализа коллекций. Применение подобного приема выявлено также в ряде индустрий начального верхнего палеолита Забайкалья и Северной Монголии.

Ключевые слова: Алтай, начальный верхний палеолит, ассамбляж, ремонт, преднамеренная фрагментация пластин.

В хронологическом промежутке ~ 50 000–47 000 л. н. на обширной территории Сибири и Центральной Азии практически одновременно возникли крупнопластинчатые индустрии начального верхнего палеолита (далее НВП) (см. [Kuhn, Zwyns, 2014]). Стоянки, содержащие эти ассамбляжи, расположены в нескольких регионах, разделенных иногда сотнями и тысячами километров. Среди них, перечисляя с запада на восток регионы и опорные стоянки, Восточный Казахстан (Ушбулак), Горный Алтай (Кара-Бом), Северная Монголия (Толбор-4, Толбор-16), Забайкалье (Подзвонкая и Каменка), Северный Китай (Шуйдунгоу-1) [Шуныков и др., 2016; Derevianko et al., 2000; 2013; Zwyns et al., 2014; Ташак, 2016; Лбова, 2000; Li et al., 2013]. Хотя до сих пор неизвестно прямых антропологических свидетельств, связанных с ассамбляжами НВП, неожиданное появление этих комплексов совпадает с первыми свидетельствами присутствия современного человека в Сибири. Кроме хронологической квазисинхронности (с немного более ранними датировками на Алтае) эти комплексы демонстрируют и заметную технологическую, а также культурную близость. Принципиальными исследовательскими вопросами остаются определение истоков как сходства, так и различий, существующих между ними. Причиной первых может быть как общее генетическое происхождение, так и независимое конвергентное развитие технологии [Kuhn, Zwyns, 2014]. Определение технологического и культурного набора маркирующих признаков НВП Южной Си-

Рыбин Е. П., Славинский В. С., Хаценович А. М., Белоусова Н. Е. Преднамеренная фрагментация пластин как специфический прием в технологии начального верхнего палеолита стоянки Кара-Бом (Горный Алтай, Россия) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 5: Археология и этнография. С. 72–86.

бири является одной из основных задач нынешнего этапа исследований. В будущем это позволит провести детальное сравнение с комплексами времени НВП Леванта и Центральной Европы, что, в свою очередь, поможет определить степень межрегиональной вариабельности этой эпохи на территории Евразии.

Основным продуктом расщепления в технокомплексе НВП являются средние или крупные пластины, достигающие порой очень значительных размеров (длина до 35 см, ширина до 5–7 см); как правило, заметный удельный вес имеют пластинки (пластины шириной менее 12 мм). Для первичного расщепления характерна бипродольная редукция, попеременно осуществляемая с противолежащих ударных площадок. Благодаря применению бипродольного расщепления в данных индустриях заметны специфические остроконечные пластины. Объемная концепция нуклеусов могла быть объемной, подобъемной или плоскостной, что зависело от исходной формы сырья и (или) стадии редукции нуклеуса.

Специфическим методом расщепления НВП Южной Сибири и Центральной Азии (далее ЮС и ЦА) являлось применение технологии редукции нуклеусов-резцов, направленной на производство пластинок. Для оформления нуклеуса-резца использовалась толстая широкая пластина или краевой скол. На поперечных концах первой оформлялись ударные площадки, на латерали второго – реберчатое снятие, после которого на узкой стороне нуклеуса производилось однонаправленное или (чаще) бипродольное скалывание узких удлиненных пластинок с треугольным профилем. Таким образом, нуклеусы-резцы являлись не результатом редукции размеров крупных экземпляров, а отдельным *chaîne opératoire*. Необходимо отметить, что они появляются в самых ранних памятниках НВП, являясь частью его культурно-технологического набора [Zwyns et al., 2014].

Расщепление в НВП индустриях Сибири осуществлялось как с помощью твердого, так и с помощью мягкого минерального отбойника. Помимо сочетания фасетированных площадок и редуцированных с помощью абразии гладких, линейных и точечных площадок для НВП технологии характерно появление двух техник подправки внешнего угла ударной площадки нуклеуса: приемы обратной редукции (фиксирувавшейся уже в некоторых терминальных среднепалеолитических индустриях) [Нехорошев, 1999] и пикетажа.

НВП ЮС и ЦА обладает устойчивым набором типологических признаков. За исключением возможных девиаций, связанных с особенностями экономики литического производства, фиксируемых в таких НВП комплексах, как Каменка в Забайкалье и Толбор-21 в Северной Монголии, широкое распространение имели скребки, скребла и ретушированные ламинарные формы, изготовленные на крупных и средних пластинах. В индустриях НВП также присутствовали группы орудий-маркеров, имеющих отчетливо своеобразную типологию и морфологию, являющихся уникальными для НВП. В полном объеме эти орудия находят в НВП ассамбляжах Горного Алтая, Забайкалья и Северной Монголии, т. е. в тех регионах, где встречены наиболее ранние ассамбляжи НВП. Кроме того, известны и несколько типов украшений, распространенных на тех же территориях.

Преднамеренная фрагментация (далее ПФ) пластинчатых заготовок как технический метод вторичного расщепления, наряду с техникой реберчатого скола, редуцированием ударной площадки кромки нуклеуса и подпризматическим расщеплением с применением мягкого минерального отбойника является приемом, характеризующим новую стадию развития технологии процесса расщепления камня, – этап начального верхнего палеолита. Установление факта применения способа ПФ обязано фиксации в коллекции специфических коротких фрагментов пластинчатых сколов, отражающих на поперечной плоскости фрагментации почти полный профиль конуса Герца, раковистого излома, направляющих линий скалывания на негативах и позитивах торцевой плоскости «слома» пластинчатых сколов и точек ударов, нанесенных по дорсальным ребрам и боковым латеральным кромкам.

Цель статьи – выявление приема преднамеренной фрагментации в начальном верхнем палеолите на территории Южной Сибири, их серийной типологии и установлению с помощью ремонта конкретного контекста в расщепляемом теле. Актуальность темы обусловлена тем, что выявление и описание процесса преднамеренной фрагментации дополнит лист технологий и специфических приемов, характерных для НВП Южной Сибири и Центральной Азии, который является ключом к пониманию процесса смены культурных традиций на рубеже среднего и верхнего палеолита.

Уже в конце XIX в. было доказано существование приема преднамеренной фрагментации [Brezillon, 1968]. В 1930–1950-е гг. был выявлен прием фрагментации с помощью прямого удара по артефакту, размещенному на наковальне, показано существование конуса удара в верхней части пластины и выемки на нижней плоскости заготовки при производстве данных фрагментов [Bordes, 1953]. С тех пор приемам намеренной и ненамеренной фрагментации каменных артефактов, а также морфологическим признакам применения этих методов была посвящена значительная серия работ, большая часть которых написана в 1950–1990 гг. За редким исключением они посвящены типологическим и экспериментальным исследованиям среднепалеолитических и верхнепалеолитических индустрий Западной Европы, Америки и Леванта [Eloy, 1954; Delarue, Vignard, 1958; Любин, 1978; Odell, 1981; Del Ray, 1982; Cotterell, Kamminga, 1987; Bergman et al., 1987; Матюхин, 1994; Inizan et al., 1999; Anderson-Whymark, 2011; Weitzel, 2012]. Ни одно из исследований не основывалось на серии ремонтаций, и лишь однажды [Watanabe, 1964] анализировались приемы преднамеренной фрагментации в крупнопластинчатых индустриях НВП.

Для преднамеренного фракционирования артефактов на основе экспериментальных исследований выделяются несколько вариантов их производства.

Первый вариант – поперечный удар по поверхности скола (контактное фрагментирование). При этом на поверхности, по которой производилось ударное воздействие, читается точка удара, а на противоположной плоскости – точка контрудара; могут образовываться также промежуточные клиновидные сколы. Кроме выемки от удара на поперечных сечениях в месте сколов часто отмечается полный конус Герца. Карнизы на стороне скола, противоположной точке удара, образуются редко, углы на верхней и нижней частях скола равные. При этом более предсказуемый результат дает фрагментация, произведенная при поперечном ударе по дорсальным ребрам скола. Похожи по своей морфологии сколы, фрагментированные на деревянной наковальне, за исключением того, что точки удара на плоскости изделия, контактирующего с наковальней, образуются редко. При производстве фрагментов контактным способом возможно образование непреднамеренной ретуши на плоскостях облома.

Второй вариант – слом скола с помощью излома в руках мастера или при закреплении одного конца артефакта в специально предназначенной для этого роговой или деревянной основе. Возможность облома в руках, как правило, ограничивалась толщиной пластины (не более 10 мм), конус Герца отсутствовал. Для сколов, обломанных в зажиме, также существовал предел эффективности операции (наиболее надежно производство фрагментов при толщине 5–6 мм, максимум 10 мм). Точки воздействия на дорсальной и вентральной поверхностях сколов не образовывались, конус Герца отсутствовал, но появлялась волна скалывания, а направляющие ребра на плоскости скола, противоположной импульсу воздействия, приобретали карниз. При этой технике возможно образование промежуточных сколов. В целом использование метода излома для ПФ было возможно только для длинных и относительно тонких пластин [Bergman et al., 1987; Матюхин, 1994].

Многослойная палеолитическая стоянка Кара-Бом расположена в системе межгорных депрессий центральной части Российского Алтая. На основе материалов стоянки, исследовавшейся с 1980 по 1993 г., впервые была установлена принадлежность крупнопластинчатых индустрий ЮС и ЦА к широкому кругу похожих традиций, распространенных на значительной части Евразии [Derevianko et al., 2000]. Радиоуглеродные даты из горизонта ВП-2 стоянки показали синхронность с НВП Леванта. Наиболее сохранившаяся практически не потревоженная стратифицированная часть стоянки исследовалась в 1992–1993 гг. (раскоп 4). Археологические материалы были зафиксированы в пачке рыхлых отложений делювиального и склонового генезиса, прислоненной к вертикальной скальной стене. Для культурного горизонта ВП-2, относящегося к НВП, были получены радиоуглеродные даты (^{14}C) $43\,200 \pm 1\,500$ л. н. (GX-17597) и $43\,300 \pm 1\,600$ л. н. (GX-17596) [Goebel et al., 1993; Derevianko et al., 2000].

Первичное расщепление индустрий НВП Кара-Бомы в первую очередь было направлено на производство пластин в рамках утилизации двуплощадочных призматических, подпризматических и комбинаторных нуклеусов (фронт таких изделий локализован в смежных плоскостях – узкой торцовой и широкой). Производство мелких пластинчатых сколов было связано с редукцией комбинаторных нуклеусов на сколах и торцовых нуклеусов различных

модификаций – резцов, торцовых, сработанных до призматических, и торцовых клиновидной формы.

В орудийном наборе зафиксированы ретушированные пластины, концевые скребки на пластинах, ретушированные острия на пластинах, в том числе с вентральной подтеской основания, резцы, комбинированные орудия, тронкированно-фасетированные изделия, долотовидные орудия, проколки и острия на мелких пластинчатых сколах и пластинки с притупленным краем.

Для статьи были привлечены материалы НВП стоянки Кара-Бом: горизонты 1–3 раскопа № 1 (изучались в 1980, 1987 и 1991 гг.); верхнепалеолитические горизонты раскопа № 2 (исследованы в 1990 и 1991 гг.); ВП-2 раскопа № 4 (раскопаны в 1992 и 1993 гг.). Кроме того, для восстановления фрагментированных сколов из этих раскопов были использованы артефакты, не имеющие четкой стратиграфической привязки, обнаруженные в местах частичного обрушения высоких разрезов или на поверхности стоянки, нарушенной современной хозяйственной деятельностью (карьер, автомобильная грунтовая дорога) и природными процессами (размывы ручья и сезонных осадков).

Технология обработки каменного сырья рассматриваемого комплекса основана на расщеплении удлиненных брусковидных окатанных и редко неокатанных отдельностей мелковалунной (150–250 мм) и средневалунной (250–500 мм) размерности силицитов (осадочные кремнистые породы) кварцевого состава и, реже, туфов.

Индустрия НВП стоянки Кара-Бом содержит элементы полного цикла расщепления камня – от декортки принесенного на территорию субстрата стоянки до подправок и переоформления готовых орудий. Это обстоятельство, наряду с большой раскопанной площадью памятника, включающей полностью вскрытые места расщепления серий нуклеусов, а также цветовой и структурной пестротой силицитов, позволило успешно применить к коллекции стоянки метод ремонта. Метод включал два основных подхода: первый может быть назван ретроспективным (последовательным), когда склеивание материала происходило от первичных сколов первых стадий расщепления к нуклеусу или, если он отсутствовал, к сколам заключительной стадии расщепления. При втором, техническом, подходе склеивание материала производилось по уже известной технологической схеме: например, ремонт сколов, относящихся к оформлению ребра нуклеуса. В процессе ремонта коллекции стоянки Кара-Бом на торцовых поверхностях «слома» большой серии пластинчатых заготовок, как правило, крупного (более 30 мм в ширину) и среднего (от 12 до 30 мм в ширину) размера были обнаружены явные характеристики ПФ – раковистый излом, направляющие линии скалывания и точка удара. Чтобы исключить возможность случайного возникновения этих следов нами была предпринята попытка восстановления таких сколов путем аппликации ее фрагментов для точного определения точки приложения удара и его угла относительно расщепляемой заготовки.

Исследуемые материалы стоянки Кара-Бом являются разнородными по их пространственному расположению и стратиграфической позиции. Каменная индустрия уровней ВП-2 раскопа № 4, составляющая около четверти объема всего верхнепалеолитического материала стоянки и занимающая $\frac{1}{10}$ часть ее площади, имеет наиболее четкий стратиграфический контекст. Материалы соседних раскопов № 1 и 3 по мере удаления от раскопа № 4 обнаружены в условиях постепенного ослабления постседиментационных нарушений условий залегания, при постепенном уменьшении толщи рыхлых отложений вплоть до выхода артефактов на поверхность на нижних участках склона. Такая же ситуация относится и к раскопу № 2, где по мере удаления от небольшого четко стратифицированного участка в нескольких квадратах материал залегает во все более нарушенных условиях и смешивается с материалами среднего палеолита. Полное археологическое описание всех ассамбляжей стоянки до сих пор не опубликовано, имеющиеся публикации различаются как методикой анализа, так и степенью детализации данных. Все эти обстоятельства затрудняют полное статистическое описание комплекса фрагментированных предметов. На данном этапе исследования просмотренный материал на характеристики ПФ не подкреплен количественными данными соотношения предметов с ПФ – без них можно лишь предварительно отметить, что фрагменты с ПФ составляют не более 10 % от всей коллекции фрагментированных пластинчатых сколов Кара-Бом. В свою очередь, процент фрагментации пластинчатых сколов, например, уровней

обитания 1–6 раскопа № 4, составляет 75–80 % [Derevianko et al., 2000]. Из них подавляющее большинство сколов фрагментировано непреднамеренно, и торцевая поверхность их «сломов» не имеет следов ПФ, а зачастую и вовсе представлена поверхностями внутренних трещин каменного субстрата. Но, несмотря на сказанное, метод ремонта позволяет разделить комплексы среднего и верхнего палеолита даже на тех участках стоянки, где возможно смешение материала.

Показанная нами серия происходит из центральной части стоянки. В состав выборки входит 44 артефакта, включая 10 промежуточных («бабочковидных») сколов и 31 фрагмент с признаками преднамеренной фрагментации. На всех артефактах фиксируется удар в ребро скола на дорсальной поверхности. У 20 ПФ артефактов имеются признаки нанесения ударов с двух поперечных сторон. На 23 ПФ артефактах оформлены орудия, 20 из которых составляют ретушированные пластины. Средняя длина этих артефактов составляет 74 мм, средняя ширина 36 мм, средняя толщина 15 мм.

По причине отсутствия полной статистической обработки верхнепалеолитических асамбляжей в данной работе проиллюстрированы наиболее яркие примеры ПФ, относящиеся как к оформлению нуклеусов, так и к созданию заготовок для орудий.

Весь набор изделий, обсуждаемый здесь, представлен частично восстановленными до состояния ПФ нуклеусом-резцом на крупной массивной пластине (рис. 1, 1), краевым техническим сколом (рис. 1, 2), тремя крупными пластинами (рис. 2), а также без случаев аппликации, но идентичными частично восстановленным изделиям, бабочковидными фрагментами-отходами и пластинами со следами ПФ (рис. 3).

Нуклеус-резец (123 × 43 × 25 мм) изготовлен из крупного массивного удлиненного медиального фрагмента пластины, имевшей, скорее всего, двугранный дорсал (см. рис. 1, 1). Один продольный край сильно модифицирован и представлен поверхностью фронта расщепления, имеющей серию негативов встречно сколотых пластин и пластинок. Противоположный край содержит следы дорсальной чешуйчатой крупной полукрутой ретуши. Один более широкий торец представлен позитивной поверхностью «слома» с яркими следами ПФ в виде раковистого излома с «ныряющим» углублением в основании, а также направляющих линий скалывания и точки удара, расположенной на дорсальном ребре (см. рис. 1, 1в). Линия скалывающего удара ПФ срезала несколько негативов фронтальной поверхности, тем самым отделяя крупный фрагмент с одной из двух ударных площадок нуклеуса-резца. Противоположный торец заготовки представлен скошенной плоскостью маленькой ударной площадки нуклеуса, образованной поперечным ударом, нанесенным в боковое ребро.

Следы ПФ на широком торце технически одномоментны со схожими следами второго удара ПФ, разделившего описываемый предмет на три части (см. рис. 1, 1, 1а–в). После этого удара позитивные выпуклые поверхности ПФ остаются на торцах более крупных фрагментов нуклеуса-резца (см. рис. 1, 1а, 1в), а срединный, находящийся в эпицентре удара фрагмент, имеет торцевые негативные вогнутые «ныряющие» в основании поверхности (см. рис. 1, 1б). Этот фрагмент имеет те же характеристики плоскостей «слома» ПФ, за исключением того, что плоскости являются негативами, а точка удара наиболее выражена в виде разрушенного участка места приложения импульса, в данном случае это то же дорсальное ребро.

После фрагментации предмета один из фрагментов (см. рис. 1, 1, 1а) продолжал использоваться в качестве самостоятельного нуклеуса-резца – противоположный предыдущему фронту скалывания боковой край использовался в качестве нового фронта; он несет негатив мелкого резцового пластинчатого снятия.

Таким образом, мы наблюдаем эпизод ПФ нуклеуса-резца на крупной пластине на три больших фрагмента, два из которых присутствуют в коллекции и описаны здесь. Кроме того, в процессе фрагментации образовались два коротких экземпляра отходов этого действия, один из которых также присутствует в коллекции.

Краевой технический крупный скол (137 × 34 × 17 мм) представлен удлиненно медиальным фрагментом (см. рис. 1, 2, 2а–б) с поперечной дорсальной поверхностью, с негативами средних и мелких сколов подправки края нуклеуса. На плоскости края, противоположного обушку, фиксируется иррегулярная поверхность внутренней трещины субстрата сырья. Обушок несет негативы продольных пластинчатых встречных сколов. Предмет представлен двумя фрагментами, один из которых является отходом ПФ – коротким пластинчатым ско-

лом с торцевыми негативами ПФ (см. рис. 1, 2а). Описание торцевых плоскостей «сломов» ПФ полностью соответствует первому предмету, за исключением точки удара, расположенной в этом случае на ребре сопряжения плоскостей бокового обушка и вентрала заготовки (см. рис. 1, 2).

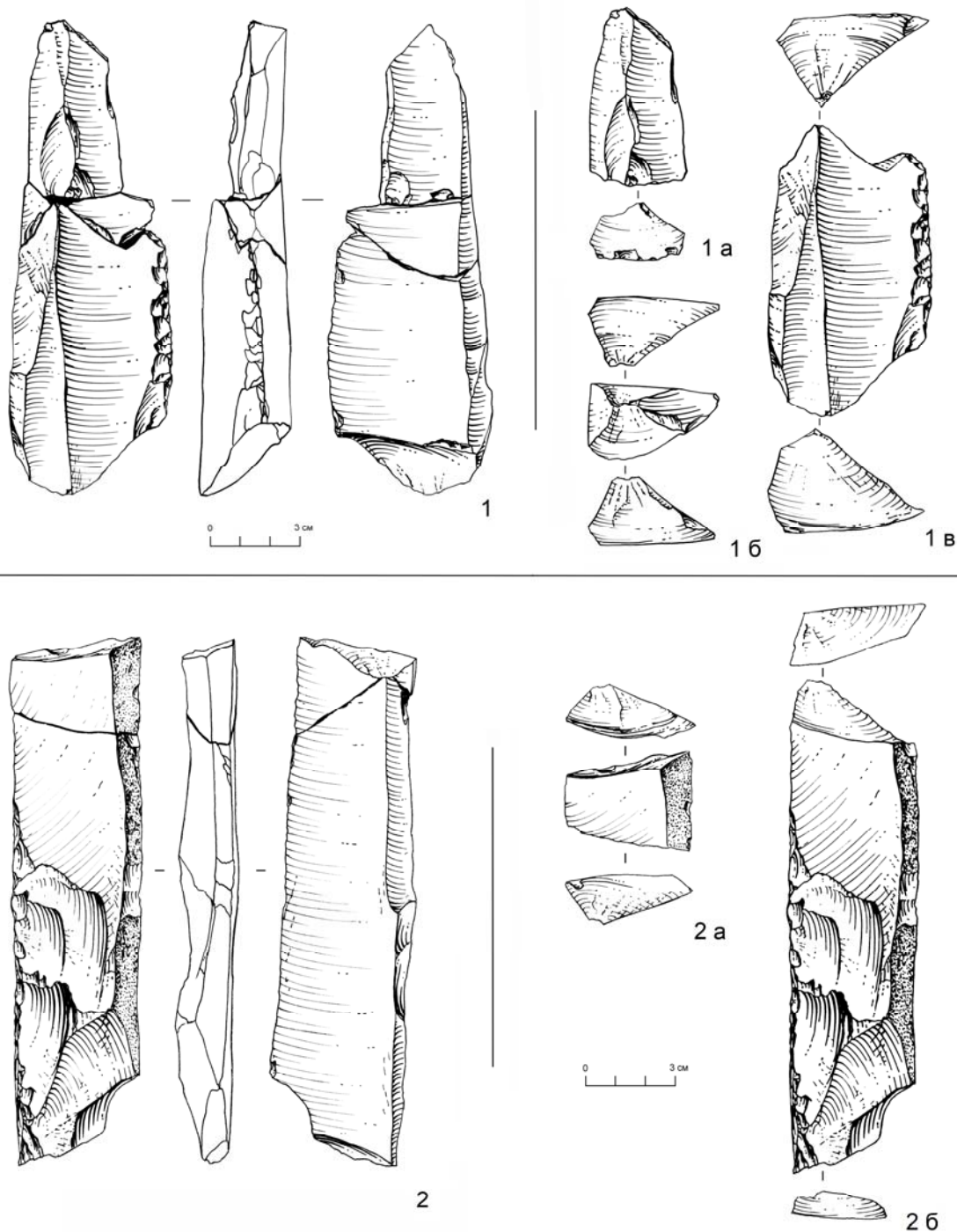

Рис. 1. Изделия со следами преднамеренной фрагментации из археологических комплексов начала верхнего палеолита стоянки Кара-Бом: 1 – нуклеус на массивной пластине, восстановленный после ПФ посредством удара в высокое межнегативное ребро дорсальной поверхности заготовки; 1а – фрагмент нуклеуса со следами вторичного использования после ПФ; 1б – промежуточный «бабочковидный» фрагмент; 1в – фрагмент нуклеуса со следами ПФ на двух торцах; 2 – краевой технический скол, восстановленный после ПФ посредством прямого удара по продольному краю; 2а – промежуточный «бабочковидный» фрагмент; 2б – фрагмент технического скола со следами ПФ на двух торцах

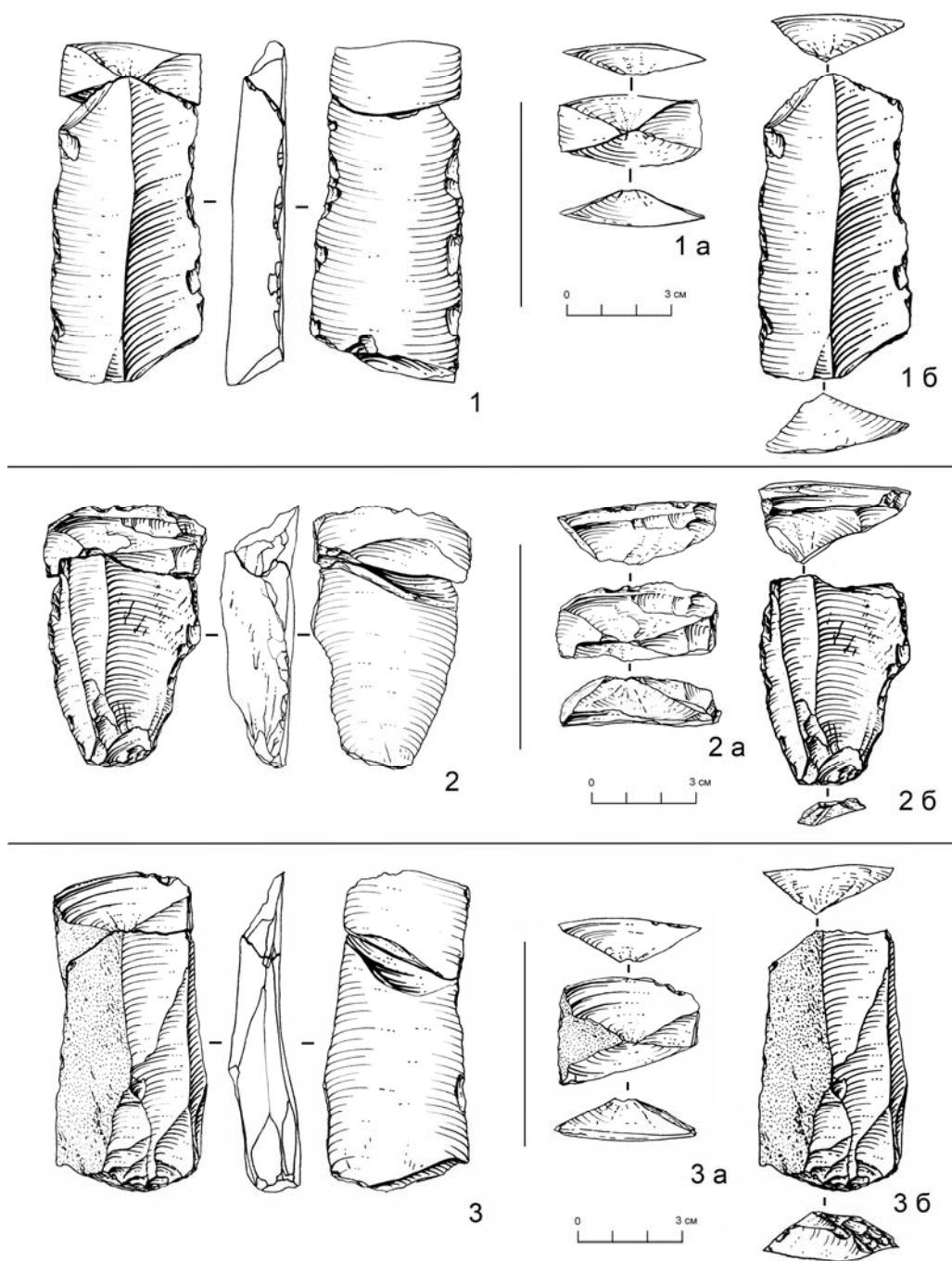

Рис. 2. Изделия со следами преднамеренной фрагментации из археологических комплексов начала верхнего палеолита стоянки Кара-Бом: 1 – пластина, восстановленная после ПФ посредством удара в высокое межногательное ребро дорсальной поверхности; 1а – промежуточный «бабочковидный» фрагмент; 1б – фрагмент пластины со следами ПФ на двух торцах; 2 – пластина, восстановленная после ПФ посредством удара в высокое межногательное ребро дорсальной поверхности; 2а – промежуточный «бабочковидный» фрагмент; 2б – фрагмент пластины со следами ПФ на торце

Первая крупная частично восстановленная пластина ($75 \times 33 \times 12$ мм) представлена удлиненным медиальным фрагментом (см. рис. 2, 1, 1а–б). Огранка дорсала двугранная, боковые кромки заготовки имеют следы ретуши утилизации. Пластина несет следы двух ударов ПФ, один торец апплицируется с коротким фрагментом-отходом с описанными выше характеристиками.

Остальные крупные частично восстановленные пластины ($70 \times 44 \times 19$ и $68 \times 31 \times 11$ мм) представлены удлиненными проксимальными фрагментами (см. рис. 2, 2, 2а–б, 3, 3а–б). Дорсалы заготовок в сечении имеются в четырехгранном и трехгранном вариантах (одна грань представлена поверхностью трещины субстрата). Удары ПФ наносились на центральное «высокое» ребро пересечения граней. К торцам заготовок апплицируются короткие фрагменты-отходы (см. рис. 2, 2а; 3а). Описание фрагментов и их торцовых плоскостей «сломов» аналогично вышеописанным.

Предметы без случаев аппликации представлены крупными пластинами в виде удлиненных фрагментов (см. рис. 3, 1, 2, 5). В двух случаях ($88 \times 39 \times 14$ и $64 \times 38 \times 10$ мм) на торцах заготовок фиксируются по два эпизода ПФ, удар наносился по «высоким» дорсальным ребрам (см. рис. 3, 2, 5). В одном случае ($75 \times 31 \times 18$ мм) фиксируется один удар, нанесенный по продольному краю заготовки (см. рис. 3, 1).

Кроме этого, рассмотрены два коротких фрагмента-отхода крупных пластин ($13 \times 53 \times 10$ и $20 \times 43 \times 14$ мм) с сильно разрушенной точкой удара ПФ (см. рис. 3, 3, 4). Характеристика всех случаев ПФ предметов без аппликации аналогична характеристике описанных выше артефактов.

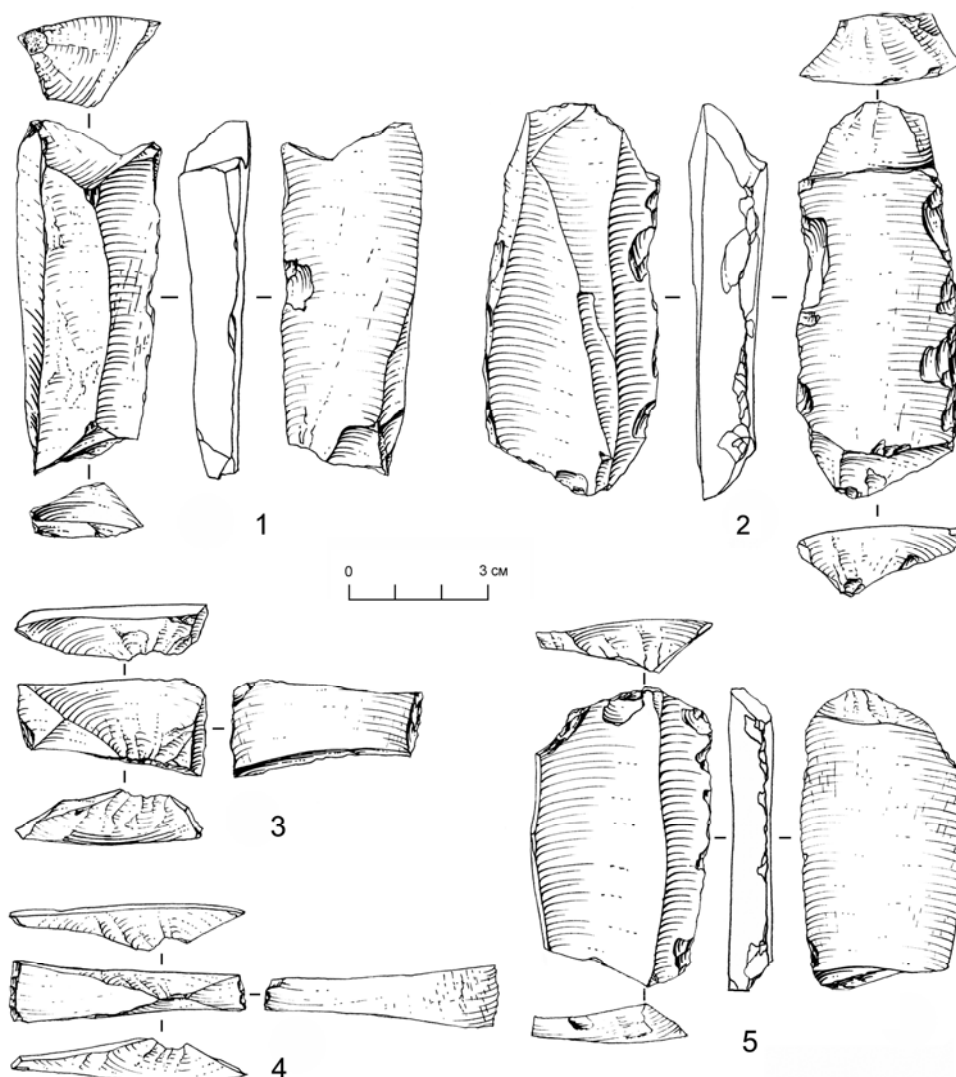

Рис. 3. Изделия со следами преднамеренной фрагментации из археологических комплексов начала верхнего палеолита стоянки Кара-Бом: 1 – пластина, фрагментированная посредством прямого удара по продольному краю; 2, 5 – пластины, фрагментированные посредством удара в высокое межграновое ребро дорсальной поверхности; 3, 4 – промежуточные бабочковидные фрагменты

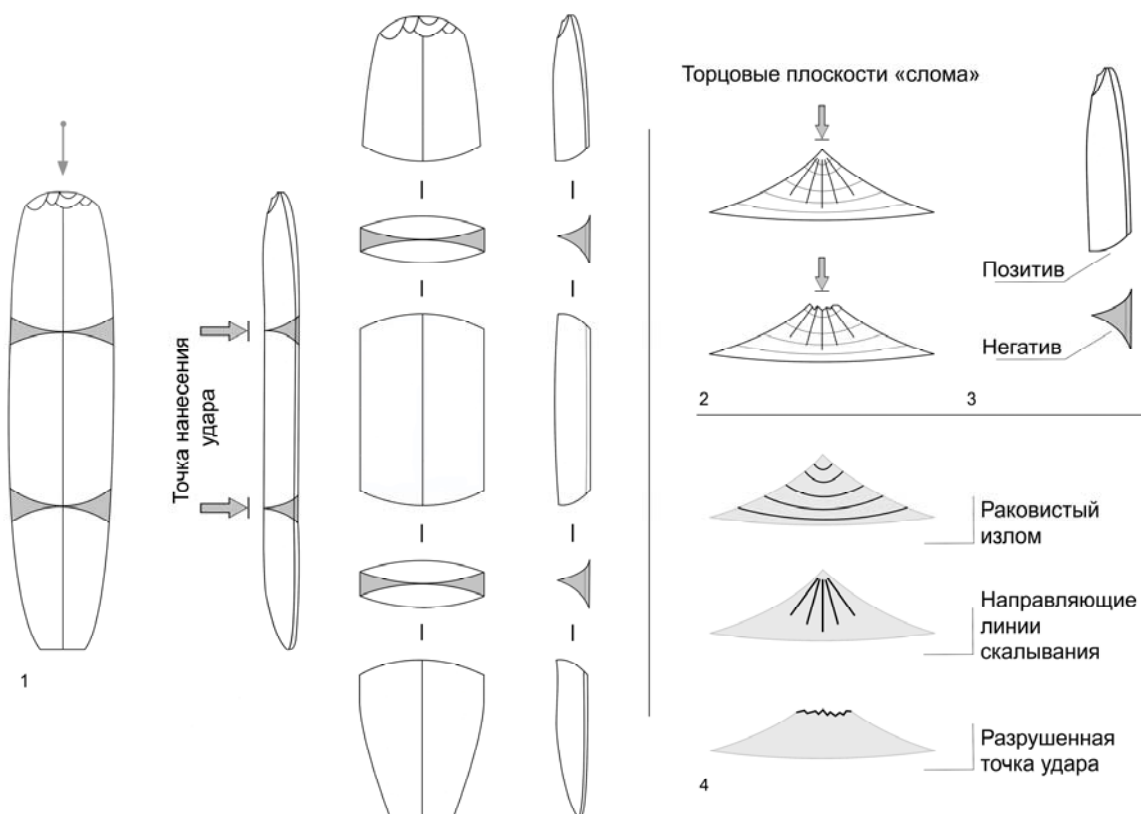

Рис. 4. Техническая схема преднамеренной фрагментации пластины посредством прямого удара в высокое межнегативное ребро дорсальной поверхности: 1 – схематичное изображение пластины, фрагментированной посредством прямого удара; 2 – типы следов ПФ на торцевых частях пластины – с разрушенной точкой удара и целой; 3 – схематичное изображение позитива и негатива усечения, образованных в результате ПФ; 4 – условные обозначения

На стоянке Кара-Бом в комплексе начального верхнего палеолита впервые для Южной Сибири охарактеризован один из способов ПФ пластинчатых заготовок крупного и среднего размера. Морфология этих предметов достаточно стандартна (рис. 4). Нами установлено, что одним-двумя ударами производилось сечение предмета на две-три относительно равные части. Удар производился строго под прямым углом в приподнятое «высокое» межнегативное ребро заготовки жестким отбойником, возможно, по деревянной наковальне, так как следы выемки от контакта с наковальней на торцах заготовок не зафиксированы. Вероятен также вариант, когда удар наносился об округлый край жесткой наковальни, при этом мастер должен был удерживать предмет в руке. Побочным материалом этой техники всегда являлись специфические короткие (ширина иногда значительно больше длины) промежуточные медиальные «бабочковидные» фрагменты-отходы пластин. Они имеют особые очертания (отдаленно напоминающие форму бабочки) в виде противоположащих негативных наклонных поперечных плоскостей фрагментации (см. рис. 4). Вершиной сходящихся граней этих сколов является точка приложения удара ПФ. Как правило, она разрушена. На данный момент мы не можем найти полных аналогий ни с одним описанным в результате применения экспериментов по ПФ набором морфологических признаков (см. выше). В результате проведенных манипуляций фрагментации подвергались крупные и средние пластины, подавляющее большинство которых были обработаны ретушью. На многих пластинах ПФ производилось уже после оформления орудия, о чем свидетельствует наличие фрагментированных пополам фасеток ретуши на продольных краях преднамеренно фрагментированных ретушированных пластин. Примером сочетания на Кара-Боме двух специфических приемов оформления артефактов является применение ПФ толстой краевой ретушированной пластины для оформле-

ния нуклеуса-резца. Технология нуклеусов-резцов, направленная на производство пластинок, является интегральной частью наиболее древних комплексов НВП Южной Сибири и Центральной Азии [Zwyns et al., 2014].

Нельзя исключать, что существование в НВП памятника Кара-Бом приемов ПФ определялось особенностями мобильности и доставки сырья обитателями стоянки. Значительная часть каменного субстрата приносилась на территорию стоянки с первичных выходов силицитов, расположенных в 4–5 км от нее. Нами отмечается факт доставки на стоянку большой серии массивных, очень длинных и крупных пластин в качестве заготовок для изготовления орудий. Производство подобных изделий в границах стоянки имеет единичные случаи. В тех случаях, когда мы можем достоверно говорить о получении пластин на территории стоянки, целевые артефакты сопровождаются большим количеством ремонтжируемых с макропластинами технических сколов. Этого нельзя сказать о принесенных на стоянку готовых крупных пластинах, для которых возможен ремонт (крайне редко) только между двумя «импортными» заготовками, принесенными вместе.

Для более полной картины описанного в статье феномена ПФ необходимо дальнейшее сопоставление его с близкими стоянке Кара-Бом культурно-хронологическими комплексами, что позволит значительно расширить наши знания о вариативности технических приемов человека начального верхнего палеолита. Так как способ ПФ, описываемый здесь, был выделен на основании ремонта из ассамбляжа Кара-Бом только недавно, мы не можем определенно утверждать, существовал ли он в таком же виде и в других крупнопластинчатых индустриях НВП. Вместе с тем на основании анализа морфологии артефактов применение приемов ПФ, основанных на прямом ударе отбойником по сколу, размещенному на каменной наковальне, фиксировалось авторами во всех изученных ими комплексах НВП Южной Сибири. Для двух ассамбляжей НВП из Забайкалья (слой 4 стоянки Толбага) и Северной Монголии (горизонты 5–6 стоянки Толбор-4) мы имеем статистические данные, позволяющие предположить большое значение ПФ при изготовлении орудий. Оба этих ассамбляжа, согласно основному массиву радиоуглеродных определений, датируются возрастом от 43 000 до 38 000 л. н. (или, возможно, несколько моложе, как позволяют предположить некоторые даты) и относятся к более позднему, по сравнению с Кара-Бомом, периоду.

На примере Толбаги впервые в Сибири было показано существование и широкое применение приема ПФ [Базаров и др., 1982; Константинов, 1994; Мещерин, 1998]. В ассамбляже слоя 4 стоянки исключительно велика степень ПФ орудий, которая прослеживается на 45,5 % (278 экз.) всех орудий. Она выделяется на основе четко читаемых следов на поперечных сечениях фрагментов орудий – на одной из плоскостей фрагментированной заготовки имеется след от нанесения поперечного удара, на другой плоскости прослеживается выемка от контрударного воздействия наковальни, на которой происходила фрагментация. В ряде случаев (15 предметов) участок фрагментации имеет следы непреднамеренной отвесной ретуши. Скребла на пластинах (14,9 % всех орудий) являются наиболее интенсивно обработанным и своеобразным типом орудий комплекса. Это длинные и широкие сколы, которые могут быть отделены от группы ретушированных пластин только на основе более модифицирующей обработки крутой ступенчатой и чешуйчатой ретушью (средняя длина 59 мм, средняя ширина 40 мм, средняя толщина 13 мм). По всей видимости, сначала орудия подвергались вторичной обработке, после чего с целью максимизации количества пригодных для работы орудий они фрагментировались. Об этом, как и на Кара-Боме, говорит наличие на многих орудиях фасеток ретуши, разорванной пополам при нанесении сильного поперечного удара. Из 96 скребел на пластинах 71 предмет несет следы преднамеренной фрагментации, при которой достигалась высокая степень стандартизации изделий. Особенно выделяются медиальные фрагменты скребел – для них характерна высокая степень единообразия вторичной обработки и выдержанные размеры без заметных отклонений. Столь высокие показатели фрагментации могут свидетельствовать о высокой степени переоформления орудий на памятнике в ходе трудовых процессов, а также о стремлении к максимизации количества готовых орудий.

В крупнопластинчатом НВП ассамбляжа горизонтов 5–6 стоянки Толбор в Северной Монголии отсутствует такой массовый тип, как скребла на пластинах; наиболее многочисленными разновидностями орудий на пластинах являются ретушированные пластины,

скребки на пластинах, перфораторы и комбинированные орудия [Derevianko et al., 2013]. В составе ансамбля орудий 18,5 % всех изделий (211 экз., средняя длина 58 мм, средняя ширина 28 мм, средняя толщина 9 мм) несут следы поперечной фрагментации ударом отбойника по пластине, помещенной на каменную наковальню, аналогичные тем, которые были выявлены в индустрии Толбаги.

В целом к специфическим типологическим и технологическим признакам, вероятно связанным с особенностями жизнеобеспечения палеолитического населения, относится один характерный прием, выявленный нами в ряде ассамблежей НВП, где обнаружены свидетельства использования древними мастерами способа преднамеренного фрагментирования пластинчатых сколов. Ему подвергались крупные и средние пластины. Целью проведения этого технического действия было последующее употребление фрагментов в качестве заготовок для оформления на них орудий и нуклеусов. В ряде случаев фасетирование продольных краев производилось перед фрагментацией. Ее результатом становились несколько ретушированных фрагментов, которые могли использоваться либо как орудия, либо для изготовления специфических нуклеусов-резцов, предназначенных для снятия пластинок [Zwyns et al., 2012]. Вероятно, использование фрагментации пластин в ряде случаев было связано с особенностями мобильности человека и транспортировки сырья. Необходимость получения максимального количества длинных и массивных фрагментов пластин, пригодных как для использования в виде орудий, так и для оформления нуклеусов, позволяет рассматривать длинные крупные пластины НВП как своего рода «универсальную заготовку», пригодную и для транспортировки, и для самого разнообразного (универсального) использования. Широкое распространение приема фрагментации в индустриях близкого возраста, предположительно созданных человеком современного типа, позволяет отнести его к типичным, маркирующим признакам начального верхнего палеолита Южной Сибири и Центральной Азии.

Список литературы

- Базаров Д.-Д. Б., Константинов М. В., Иметхенов А. Б., Базарова Л. Д., Савинова В. В. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1982. 162 с.
- Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии: К Всемирному археологическому интерконгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ; Чита: Изд-во Ин-та общественных наук БНЦ СО РАН; Изд-во Чит. пед. ин-та, 1994. 264 с.
- Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 240 с.
- Любин В. П. К методике изучения фрагментированных сколов и орудий в палеолите // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978. С. 23–32.
- Матюхин А. Е. Технология фрагментации сколов // Экспериментально-трассологические исследования в археологии. СПб.: Наука, 1994. С. 62–84.
- Мещерин М. Н. О намеренной фрагментации пластинчатых орудий в палеолите Толбаги // Проблемы археологии Северной Азии: Тез. докл. XXVIII РАЭС. Чита: Чит. обл. типография, 1998. С. 106–107.
- Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.: Европейский Дом, 1999. 173 с.
- Ташиак В. И. Восточный комплекс палеолитического поселения Подзвонкая в Западном Забайкалье. Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2016. 185 с.
- Шуныков М. В., Таймагамбетов Ж. К., Анойкин А. А., Павленок К. К., Харевич В. М., Козликин М. Б., Павленок Г. Д. Новая многослойная верхнепалеолитическая стоянка Ушбулак-1 в Восточном Казахстане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 22. С. 208–213.
- Anderson-Whymark H. Intentional breakage in the British Neolithic: some comments and examples // Lithics: the Journal of the Lithic Studies Society. 2011. Vol. 32. P. 17–22.

Bergman C. A., Barton R. N. E., Colcutt S. N., Morris G. Intentional Breakage in a Late Upper Palaeolithic assemblage from Southern England // The human uses of flint and chert: proceedings of the Fourth International Flint Symposium held at Brighton Polytechnic, 10–15 April 1983 / Newcomer M. H., Sieveking G. de G. (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 21–32.

Bordes F. Notules de typologie Palaeolithique: I. Outils moustériens a fracture volontaire // Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise. 1953. Vol. 50. P. 224–226.

Brezillon M. La denomination des objets de pierre taillee. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1968. 427 p.

Cotterell B., Kamminga J. The Formation of Flakes // American Antiquity. 1987. Vol. 52 (4). P. 675–708.

Delarue B., Vignard E. Intention et fractures moustériennes sectionnant des racloirs // Bulletin de la Société préhistorique de France. 1958. Vol. 55. Iss. 7–8. P. 370–374.

Del Ray B. L'Outils fractures intentionnellement dans le Mousterien de la grotte de Las Grajas, a Archidona (Malaga Espagne) // Bulletin de la Société préhistorique française. 1982. Vol. 79. No. 8. P. 231–239.

Derevianko A. P., Petrin V. T., Rybin E. P. The Kara-Bom Site and Characteristics of the Middle-Upper Paleolithic Transition in the Altai // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2000. Iss. 2 (2). P. 33–51.

Derevianko A. P., Rybin E. P., Gladyshev S. A., Gunchinsuren B., Tsybankov A. A., Olsen J. W. Developments of technological traditions of lithic tool manufacture in the lithic industries of the Early Upper Paleolithic in Northern Mongolia (on the materials from the sites of Tolbor-4 and -15) // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2013. Iss. 4 (56). P. 21–37.

Eloy L. Fractures intentionnelles observées sur des outils moustériens // Bulletin de la Société préhistorique de France. 1954. Vol. 1–2. P. 29–30.

Goebel T., Derevianko A. P., Petrin V. T. Dating the middle-to-upper Paleolithic transition at Kara-Bom // Current Anthropology. 1993. Vol. 34. P. 452–458.

Inizan M.-L., Reduron-Ballinger M., Roche H., Tixier J. Technology and Terminology of Knapped Stone. Nanterre: C.R.E.P., 1999. 191 p.

Kuhn S., Zwyns N. Rethinking the initial Upper Paleolithic // Quaternary International. 2014. Vol. 347. P. 29–38.

Li F., Gao X., Chen F.-Y., Pei S.-W., Zhang Y., Zhang X.-L., Liu D.-C., Zhang S.-Q., Guan Y., Wang H.-M., Kuhn S. L. The development of Upper Paleolithic China: new results from the Shuidonggou site // Antiquity. 2013. Vol. 87. P. 368–383.

Odell G. H. The Mechanics of Use-Breakage of Stone Tools: Some Testable Hypotheses // Journal of Field Archaeology. 1981. Vol. 8. P. 197–209.

Watanabé H. Les «éclats et lames à Chanfrein» et la technique de fracturation transversale dans un horizon paléolithique en Palestine // Bulletin de la Société préhistorique française. Comptes rendus des séances mensuelles. 1964. Vol. 61. Iss. 4. P. 84–88.

Weitzel C. Broken stone tools from Cerro El Sombrero Cima (Tandilia Range, Argentina) // Southbound: Late Pleistocene Peopling of Latin America / L. Miotti, M. Salemme, N. Flegenheimer, T. Goebel (eds.). College Station: Center for the Study of the First Americans, Texas A&M University, 2012. P. 111–116.

Zwyns N., Gladyshev S. A., Gunchinsuren B., Bolorbat T., Flas D., Tabarev A. V., Dogandzic T., Gillam G. C., Khatsenovich A.M., Odsuren D., Purevjal K.-E., Richards M., Stewart J., Talamo S. The open-air site of Tolbor-16 (Northern Mongolia): preliminary results and perspectives // Quaternary International. 2014. Vol. 347. P. 53–65.

E. P. Rybin, V. S. Slavinsky, A. M. Khatsenovich, N. E. Belousova

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

rybep@yandex.ru

INTENTIONAL FRAGMENTATION AS A SPECIFIC INITIAL UPPER PALEOLITHIC TECHNOLOGY AT THE KARA-BOM SITE (MOUNTAIN ALTAI, RUSSIA)

Purpose. Recent investigations have highlighted an Asian variant of the so-called Initial Upper Paleolithic (IUP) broadly comparable in age and material culture to techno-complexes further to the west, but also showing distinct derived features. Several principal common technological features characterize the IUP in East Asia. The main targeted products of flaking were medium or large blades, the latter sometimes of very significant size, and the number of bladelets is also large. Primary flaking is characterized by alternate bidirectional reduction of cores in which spalls, alternately detached from opposing platforms along the long axis of the core, determined the shape of targeted blank: pointed blades. Reduced cores were prismatic, sub-prismatic and flat. Burin-core reduction for bladelet and small blade production was the specific knapping technology employed in the IUP of southern Siberia and Central Asia. Here, we describe and provide corroborating evidence for another distinct technological method employed in the Initial Upper Paleolithic – intentional fragmentation (IF). The most effective means of understanding knapping technology are refitting studies of archaeological collections. This article examines several examples of refitted fragmented cores and blades, as well as debitage as the by-product of blank breakage.

Results. Our refitting study includes assemblages from all excavation units and partially divided, relatively homogenous raw material types, representing a diachronic assemblage of Middle and Upper Paleolithic materials, even in very disturbed excavation areas. The present study illustrates the best examples of directional reduction associated with core preparation and tool blank production because of the lack of statistical information for some Upper Paleolithic assemblages from this site. We reconstructed the process of intentional fragmentation for burin-cores and a few large and medium blades. Often, blank breakage produced butterfly-like debitage. Pieces of fragmented blades could have been used as tools. Typical attributes of IF consistently appearing on two transverse edges of blanks and present in the assemblage of artifacts prove the anthropogenic character of these flaking traces.

Conclusions. It is probable that intentional fragmentation was used in the Initial Upper Paleolithic assemblage at Kara-Bom because of the influences of mobility and transportation of stone raw material by local settlers. They transported a significant proportion of raw material from primary chert outcrops situated 4–5 km from the Kara-Bom site

Keywords: Altai, Initial Upper Paleolithic, assemblage, replair, preliminary fragmentation of blades.

References

Anderson-Whymark H. Intentional breakage in the British Neolithic: some comments and examples. *Lithics: the Journal of the Lithic Studies Society*, 2011, vol. 32, p. 17–22.

Bazarov D. B., Konstantinov M. V., Imetkhenov A. B., Bazarova L. D., Savinova V. V. *Geologiya i kul'tura drevnikh poselenii Zapadnogo Zabaikal'ya* [Geology and culture of early settlements of Western Transbaikalia]. Novosibirsk, Nauka, 1982, 162 p. (in Russ.)

Bergman C. A., Barton R. N. E., Colcutt S. N., Morris G. Intentional Breakage in a Late Upper Palaeolithic assemblage from Southern England. *The human uses of flint and chert: proceedings of the Fourth International Flint Symposium held at Brighton Polytechnic, 10–15 April 1983*. Eds. M. H. Newcomer, G. de G. Sieveking. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1987, p. 21–32.

Bordes F. Notules de typologie Palaeolithique: I. Outils mousteriens a fracture volontaire. *Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise*, 1953, vol. 50, p. 224–226. (in French)

- Breizillon M. *La denomination des objets de pierre taillée*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1968, 427 p. (in French)
- Cotterell, B., Kamminga J. The Formation of Flakes. *American Antiquity*, 1987, vol. 52 (4), p. 675–708.
- Del Ray B. L'Outils fractures intentionnellement dans le Mousterien de la grotte de Las Grajas, a Archidona (Malaga Espagne). *Bulletin de la Société préhistorique française*, 1982, vol. 79, iss. 8, p. 231–239. (in French)
- Delarue B., Vignard E. Intention et fractures moustériennes sectionnant des racloirs. *Bulletin de la Société préhistorique de France*, 1958, vol. 55, iss. 7–8, p. 370–374. (in French)
- Derevianko A. P., Petrin V. T., Rybin E. P. The Kara-Bom Site and Characteristics of the Middle-Upper Paleolithic Transition in the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2000, iss. 2 (2), p. 33–51.
- Derevyanko A. P., Rybin E. P., Gladyshev S. A., Gunchinsuren B., Tsybankov A. A., Olsen J. W. Developments of technological traditions of lithic tool manufacture in the lithic industries of the Early Upper Paleolithic in Northern Mongolia (on the materials from the sites of Tolbor-4 and -15). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, iss. 4 (56), p. 21–37.
- Eloy L. Fractures intentionnelles observées sur des outils moustériens. *Bulletin de la Société préhistorique de France*, 1954, vol. 1–2, p. 29–30 (in French)
- Goebel T., Derevyanko A. P., Petrin V. T. Dating the middle-to-upper Paleolithic transition at Kara-Bom. *Current Anthropology*, 1993, vol. 34, p. 452–458.
- Inizan M.-L., Reduron-Ballinger M., Roche H., Tixier J. Technology and Terminology of Knapped Stone. Nanterre, C.R.E.P. Publ., 1999, 191 p.
- Konstantinov M. V. Drevnie pamyatniki kamennogo veka Baikalskoi Azii: k Vsemirnomu arkheologicheskomu inter-kongressu (Zabaikalie, 1992) [The Stone Age Archaeological Sites of the Baikal Asia: to International archaeological inter-congress (Transbaikial region, 1992)]. Ulan-Ude, Chita, BSC SB RAS, Chita Pedagogical Institute Publ., 1994, 264 p. (in Russ.)
- Kuhn S., Zwyns N. Rethinking the initial Upper Paleolithic. *Quaternary International*, 2014, vol. 347, p. 29–38.
- Lbova L. V. Paleolit severo-zapadnoi chasti Zabaikal'ya [Paleolithic of the North-Western Part of the Transbaikial region]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2000, 220 p. (in Russ.)
- Li F., Gao X., Chen F.-Y., Pei S.-W., Zhang Y., Zhang X.-L., Liu D.-C., Zhang S.-Q., Guan Y., Wang H.-M., Kuhn S. L. The development of Upper Palaeolithic China: new results from the Shuidonggou site. *Antiquity*, 2013, vol. 8, p. 368–383.
- Lyubin V. P. K metodike izucheniya fragmentirovannykh skolov i orudii v paleolite [To the method of studying fragmented chips and tools in the Paleolithic]. *Problemy sovetskoi arkheologii* [Problems of Soviet Archaeology]. Moscow, Nauka, 1978, p. 23–32. (in Russ.)
- Matyukhin A. E. Tekhnologiya fragmentatsii skolov [Technology of fragmentation of chips]. *Eksperimental'no-trasologicheskie issledovaniya v arkheologii* [Experimental trasological studies in archaeology]. St. Petersburg, Nauka, 1994, p. 62–84. (in Russ.)
- Meshcherin M. N. O namerennoi fragmentatsii plastinchatykh orudii v paleolite Tolbagi [On the intentional fragmentation of lamellar tools in the Tolbaga Paleolithic]. *Problemy arkheologii Severnoi Azii. Tez. dokl. XXVIII RAESK* [Problems of Archaeology of North Asia. Abstracts of the XXVIII Russian Archaeological and Ethnographic Student Conference]. Chita, Chitinskaya obl. tipografiya Publ., 1988, p. 106–107. (in Russ.)
- Nekhoroshev P. E. Tekhnologicheskii metod izucheniya pervichnogo rasshchepleniya kamnya srednego paleolita [Technological method of studying the primary splitting of the stone of the Middle Paleolithic]. St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 1999, 173 p. (in Russ.)
- Odell G. H. The Mechanics of Use-Breakage of Stone Tools: Some Testable Hypotheses. *Journal of Field Archaeology*, 1981, vol. 8, p. 197–209.
- Shunkov M. V., Taimagambetov J. K., Anoikin A. A., Pavlenok K. K., Kharevich V. M., Kozlikin M. B., Pavlenok G. D. Novaya mnogosloinaya verkhnepaleoliticheskaya stoyanka Ushbulak-1 v Vostochnom Kazakhstane [A new multilayer Upper Palaeolithic site Ushbulak-1 in eastern Kazakhstan]. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2016, vol. 22, p. 208–213 (in Russ.)

Tashak V. I. Vostochnyi kompleks paleoliticheskogo poseleniya Podzvonkaya v Zapadnom Zabaikal'e [Eastern Settlement of the Paleolithic Settlement Podvozkaya in the Western Transbaikalia]. Irkutsk, Izd-vo In-ta geografii im V. B. Sochavy SB RAS Publ., 2016, 185 p. (in Russ.)

Watanabé H. Les «éclats et lames à Chanfrein» et la technique de fracturation transversale dans un horizon paléolithique en Palestine. *Bulletin de la Société préhistorique française. Comptes rendus des séances mensuelles*, 1964, vol. 61, iss. 4, p. 84–88. (in French)

Weitzel C. Broken stone tools from Cerro El Sombrero Cima (Tandilia Range, Argentina). *Southbound: Late Pleistocene Peopling of Latin America*. L. Miotti, M. Salemme, N. Flegenheimer, T. Goebel (eds.). College Station, Center for the Study of the First Americans, Texas A&M University Publ., 2012, p. 111–116.

Zwyns N., Gladyshev S. A., Gunchinsuren B., Bolorbat T., Flas D., Tabarev A. V., Dogandzic T., Gillam G. C., Khatsenovich A. M., Odsuren D., Purevjal K.-E., Richards M., Stewart J., Talamo S. The open-air site of Tolbor 16 (Northern Mongolia): preliminary results and perspectives. *Quaternary International*, 2014, vol. 347, p. 53–65.

For citation:

Rybin E. P., Slavinsky V. S., Khatsenovich A. M., Belousova N. E. Intentional Fragmentation as a Specific Initial Upper Paleolithic Technology at the Kara-Bom Site (Mountain Altai, Russia). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 72–86. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-5-72-86

И. А. Кукушкин

*Сарыаркинский археологический институт при КарГУ им. Е. А. Букетова
ул. Университетская, 28, Караганда, 100028, Казахстан*

sai@ksu.kz

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ТРАДИЦИИ
НАСЕЛЕНИЯ АНДРОНОВСКОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ
(ПО ДАННЫМ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ) ***

Отсутствие прямых письменных источников и зоо-антропоморфной изобразительной традиции в предметном мире ритуально-обрядовой практики населения андроновской историко-культурной общности выдвигают погребальный обряд на первый план в качестве основной информативной базы. Любопытны находки каменных и бронзовых булав, которые, очевидно, маркировали родовую военную аристократию, тесно связанную с культом военного божества. Большой интерес представляют парные и двойные разнополюсные погребения. Можно предположить, что подобный погребальный обряд является практической реализацией священного брака, участниками которого являются мифические разнополюсные близнецы. Существовал и другой, более редкий обряд тройного захоронения, который символизировал распространенный в индоевропейской мифологии триединый образ Великой богини и близнецов. В погребальном обряде наблюдается ряд сакральных действий, указывающих на развитые культы различных божеств, их основополагающую роль в религиозно-мифологических представлениях древнего общества.

Ключевые слова: андроновская историко-культурная общность, мировоззрение, культ, обряд, парное погребение, триада, близнецы.

В эпоху бронзы в андроновском обществе сформировалась развитая и устойчивая политеистическая система верований, близкая к индоиранской модели. Об этом могут свидетельствовать многочисленные петроглифы этого периода с изображениями целого ряда повторяющихся божеств и отправителей культа, например солнцеголовых персонажей, ряженных жрецов-шаманов с грибовидными головными уборами, адорантов с поднятыми вверх руками, видимо, произносящих сакральные гимны, героев-палиценосцев и других выразительных образов [Самашев, 1992; Рогожинский, 2001; Новоженев, 2002; Кадырбаев, Марьяшев, 2007; Shvets, 2012; Бедельбаева и др., 2015].

Многочисленные наскальные рисунки, свидетельствующие о ярких и насыщенных религиозно-мифологических представлениях древнего общества, занимают отдельную нишу. Парадокс заключается в том, что персонажи петроглифов в виде зоо-антропоморфных изображений совершенно отсутствуют в предметном мире ритуально-обрядовой практики андроновского населения.

* Работа выполнена в рамках гранта МОН РК (проект № AP05131774 «Исследование этнокультурных процессов на территории Сарыарки и сопредельных регионов в эпоху бронзы»).

Научная новизна исследований заключается в анализе погребального обряда, рассматриваемого через призму близнечного феномена, являющегося ключом к пониманию андроновской и, шире, индоиранской религиозно-мифологической системы.

Основной целью работы является исследование традиций и мировоззрения андроновского населения по данным погребального обряда.

Для достижения поставленной цели решались задачи по выявлению атрибутики индоиранских божеств, интерпретации парных и тройных захоронений, социальной ранжированности погребенных, выявлению отправителей культа.

В сложившейся ситуации основную информативную роль играет погребальный обряд, детализация которого указывает на глубокие мифоритуальные традиции, сформировавшиеся в мировоззренческой сфере общества. В то же время до исследователей доходит исключительно невербальная часть обряда в виде тех или иных материальных остатков, а соответственно, все вербальные действия, о которых можно только догадываться, остаются за рамками наших знаний.

Наиболее ранние свидетельства, конкретизирующие отдельные аспекты мировоззренческой сферы древнего общества, появились на заре андроновской эпохи. Большой интерес вызывают находки каменных и бронзовых булав. Большинство экземпляров обнаружено в погребениях более ранней синташтинской культуры, но они встречаются в петровских и раннеалакульских комплексах. Погребальный обряд этих культур характеризуется устойчивыми милитаристическими чертами. В мужских захоронениях присутствует оружие дистанционного и ближнего боя, боевые колесницы или их имитация.

Традиционно погребения эпохи бронзы с наконечниками булав рассматриваются как захоронения военных вождей. Изготовленные из мягкого камня булавы нередко имеют довольно хрупкую структуру, что предполагает их использование в рамках социальной ранжированности или ритуальной сферы, возможно, указывая на жреческий статус их обладателей [Нелин, 1995. С. 133].

Идеологической основой населения этого периода становится война, которая вызвала к жизни божество, наделенное ярко выраженными военными функциями. В индоарийской мифологии таким символом войны является Индра, грозное божество ведийского пантеона, основным атрибутом которого считается ваджра – булава.

Черты культа этого божества в наибольшей степени присутствуют в погребениях с наконечниками булав, наконечниками стрел и давящими камнями для приготовления галлюциногенного напитка [Мельников, 1999. С. 77]. Определенным подтверждением данного предположения стала находка в раннеалакульском могильнике Тундык в Центральном Казахстане (погребение 4, курган 4) округлого бронзового наконечника булавы, ножа, наконечников стрел и давящего галечного камня [Кукушкин и др., 2015. С. 136. Рис. 2].

Наряду с бронзовым наконечником булавы большой интерес вызывает представительный колчаный набор стрел с индивидуальными характеристиками. Каждый из восьми найденных наконечников имел особую, отличную от других форму. Отсутствие серийных экземпляров предполагает их использование в ритуальных целях при проведении каких-либо обрядовых действий. Символика лука и стрел нередко выступает в качестве одного из наиболее древних атрибутов, связанных с сакральной практикой [Михайлов, 2001. С. 135].

Всего на территории Казахстана зафиксировано 14 каменных и металлических наконечников булав, однако в контексте тундыкского захоронения их предназначение приобретает более конкретизированный характер, поскольку дополняется и другим вещевым инвентарем, имеющим сакральную окраску.

Значимость культа бога войны в первой четверти II тыс. до н. э. выразилась в распространении элитных погребений, сопровождающихся булавами. Предметная сакрализация воинской власти была реализована в проведении пышных и сложных погребальных обрядов, наличии богатого инвентаря в могилах вождей-колесничих, куда стали помещать и булавы, что нашло отражение в петровских и раннеалакульских захоронениях родовой военной аристократии.

Видимо, загробный мир, по аналогии с земным, также мыслился в состоянии милитаристического возбуждения, охваченным военными конфликтами и грабительскими набегами,

на что определенно указывает погребальный инвентарь, насыщенный разноплановым оружием, а также наличие боевых колесниц.

В петровской и алакульской погребальной практике за редким исключением господствует обряд ингумации. Умершего, как правило, укладывали в скорченном положении на левом боку, головой в западном направлении. Можно считать установленным, что в андроновскую эпоху представления о загробном мире в общественном сознании были весьма развитыми. Умерших обязательно сопровождала керамическая посуда, наполненная едой и напитками, которые необходимы во время сакрального перехода в царство мертвых.

В качестве погребального инвентаря мужчин могли сопровождать уже немногочисленные предметы вооружения, а также редкие бытовые орудия. Другими словами, с умершим помещали те вещи, которыми он владел при жизни и будет ими пользоваться в ином мире. Причем если он был вождем на земле, то оставался им и в царстве мертвых.

Женщин нередко погребали в пышных праздничных одеждах, наличие которых обычно фиксируется по остаткам металлических украшений, нередко плакированных золотой фольгой. Можно констатировать, что чем «богаче» был посмертный набор украшений, тем выше роль женщины в жизни родовой общины и, соответственно, ее последующее место в мире ином.

Живые заботились о мертвых, готовя их к существованию в другой реальности. Высокая или низкая статусность умерших, их место в социальной иерархии, отношение к той или иной половозрастной группе обязательно подчеркивались спецификой погребального обряда, который по основным параметрам не выходил за рамки устоявшихся традиций.

Эти данные свидетельствуют о существенном месте загробного мира в мировоззренческой сфере андроновского общества. Однако он был расположен на значительном расстоянии, на что указывает наличие пищи в захоронениях, предполагающей длительное путешествие (дорогу) и исключающей мгновенный переход в иное состояние.

Большой интерес представляют парные и двойные погребения, в которых захоранивались мужчина и женщина. Предполагается, что такие погребения демонстрируют парный брак, где при патриархальных отношениях доминировал мужчина, а женщина ввиду своего подчиненного положения помещалась в могилу после ритуального умерщвления. На подобные ритуальные жертвоприношения могут указывать исторические и этнографические источники [Кузьмина, 1986. С. 90–91]. В последнее время данные захоронения рассматриваются не только в плане реального, но и в плане ритуального брака, символизирующего божественный близнецный союз [Сотникова, 2012. С. 192].

В парных разнополых погребениях умершие нередко лежат в позе так называемых «объятий», причем, как правило, мужчина на левом, а женщина на правом боку. Можно предположить, что подобный погребальный обряд действительно является практической реализацией священного брака, участниками которого являются разнополые близнецы, близкие по содержанию к Яма-Ями, или Йима-Йимак. Конечно, совершенно не обязательно, что умершие при жизни являлись близнецами. Они просто играют роли этих божеств в данном обряде, проведение которого было необходимо исходя из мировоззренческих потребностей социума.

Количество парных и двойных разнополых захоронений на погребальном поле насчитывает 5–10 %, достигая 15–20 % на отдельных памятниках, но бывает и выше [Сорокин, 1962. С. 34; Ткачев, 2013. С. 89; Рафикова, Савельев, 2015. С. 152]. С учетом парности средневзвешенное количество погребенных составляет 10–20 % от всех условно захороненных на могильнике. Повышенная сложность проведения погребального обряда, связанная с необходимостью обеспечить скорченное положение умерших, соответствующее полу размещение в погребальной камере, придание позы взаимных «объятий», предполагает в большей мере ритуальное значение этой церемонии. Такая интерпретация подтверждается и относительно «богатыми» детскими и подростковыми парными разнополыми погребениями, где возрастная планка не позволяет считать умерших супругами по физиологическим причинам.

Женский сопроводительный инвентарь в виде украшений существенно «богаче» мужского, при котором, кроме керамики, других вещей зачастую нет [Кузьмина, 2008. С. 115, 117], что косвенно также ставит под сомнение абсолютизацию патриархальных отношений в андроновском обществе.

В ведийской мифологии Яма-Ями являлись супругами еще во чреве матери. Супружеские отношения связывали египетских близнецов Осириса и Изиду. Вероятно, в ранних близнецных связках супруг гибнет и возрождается, иногда с помощью своей жены. Он, как правило, становится царем мертвых и может интерпретироваться как сезонное божество умирающей и возрождающейся природы, а сама смерть-жизнь отражает смену времен года. Ему не чужды и функции солярного божества. Однако важнейшим фактором является возрастное соотношение близнецов – старший, родившийся первым, и младший, появившийся на свет позднее. Например, в близнецной тематике греческой мифологии раньше рождалась Артемида, которая затем помогала принять роды своего младшего брата-близнеца, солнечного бога Аполлона [Тахо-Годи, 2000. С. 107].

Предполагается, что при помещении в парном погребении женщины на правом боку подразумевалось ее относительное старшинство по отношению к мужчине, положенному на левом боку, который по аналогии с руками человека был слабее и моложе, т. е. младше. Данное соотношение предполагает четкое ритуальное возрастное разграничение в разнополом парном захоронении, причем реальный возраст умерших мог и не учитываться, а важен был сам принцип сакрального действия как предметного овеществления известного мифологического сюжета – смерть и возрождение солнечного божества. На это могут указывать парные захоронения мужчины с ребенком или женщины с ребенком, где пол ребенка чаще всего был противоположным.

Видимо, регулярное воспроизводство в погребальной практике ритуала парных захоронений свидетельствует, что разнополым парным близнецам отводилось существенное место в религиозно-мифологической системе древнего общества. Интересно, что в ритуальном наряде на руках женщин нередко отмечаются браслеты с коническими, спиралевидными окончаниями – «рожками», символически подразумевающими двух тельцов, двух баранов (козлов) или тельца и овна, расположенных по обе стороны «хозяйки». Об этом может свидетельствовать парность браслетов, а на сам ритуальный зоо-орнитоморфный облик женщины, как правило, должен указывать головной убор, имеющий характерные черты того или иного животного, птицы или солярно-астральную символику. Вместе они образуют хорошо узнаваемую сакральную триаду – женщина и близнецы или животные возле мирового дерева, эквивалентом которого выступает женщина [Иванов, 1974. С. 92–93]. Очевидно, женщины играли заметную роль в культовой сфере.

Какие-либо перемены в стандартном расположении умерших могут указывать на социальные подвижки, происходящие в обществе, в частности на передний план может выйти старший близнец мужского пола, означающий завершение эры полного господства материнского права и структурную перестройку социальных отношений. Особенно это становится заметно в тех случаях, когда в парных разнополых погребениях женщину укладывают на левый бок или за спиной мужчины. Вероятно, сочетание на одном погребальном поле различающихся обрядов может свидетельствовать об определенном противоборстве культов, адептами которых выступают заинтересованные социальные группировки.

Определенное место в системе религиозных приоритетов занимали и близнецы одного пола, в частности мужского, как, например, ведийские Ашвины или греческие Диоскуры.

Во многих религиозных политеистических системах древности мужские близнецные божества играли заметную роль. Более всего их культ известен в мифологической традиции индоевропейских народов. Характерны также и представления о двух мифических царях – родоначальниках всего племени, что отмечается в обычаях целого ряда племен, прославляющих одновременно двух царей, двух предводителей племени или рода [Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 776]. Наиболее ярким примером являются два царя в Спарте.

Так, при исследовании могильника Лисаковский I (Северный Казахстан) в одной из погребальных конструкций было выявлено двойное погребение, совершенное в двух грунтовых ямах. В каждой из могил зафиксировано по одному костяку, которые были уложены на левом боку в скорченном положении, головой в западный сектор. Антропологическими опре-

делениями установлено, что оба умерших являлись мужчинами ¹ [Усманова, 2005. С. 37, 225. Табл. 43].

Двойное погребение умерших одного пола в двух специально подготовленных погребальных камерах, где обычно расположены разнополюсы костяки, исключает их брачные отношения и заставляет видеть в рассматриваемой ограде близнецное, возможно, ритуальное захоронение. Видимо, двойственное единство близнецов при рождении требовало аналогичного состояния и после смерти, что и нашло отражение в двойных однополюсных захоронениях.

При выборке погребальных камер в заполнении верхнего слоя каждой из могил зафиксировано по одному сосуду, установленному вверх дном [Там же. С. 37, 95. Рис. 56, 4, 6]. Считается, что поставленные подобным образом сосуды маркировали погребения близнецов [Итина, 1979. С. 16–18].

Вероятно, семантика этого обряда связана с широко распространенными представлениями, согласно которым магической властью над природой, особенно над дождем и вообще над погодой, обладают близнецы. Известно также, что в случае засухи могилы близнецов, наделенных могучей способностью влиять на погоду, поливались водой [Фрэзер, 1980. С. 80; Штернберг, 1936. С. 155–157]. В данном случае, очевидно, перевернутые вверх дном сосуды символизируют выливание жидкости, воды. Возлияние – один из распространенных и естественных по законам симпатической магии способов вызывания дождя, падающего сверху из сосудов или каких-либо вместилищ, которые, по бытовавшим представлениям, находились на небе [Антонова, 1990. С. 237].

Показательно исследованное на могильнике Лисаковский IV (Северный Казахстан) детское захоронение. В ограде 8, было расчищено погребение 3, состоявшее из двух детских черепов, уложенных на левую сторону друг за другом. Возраст умерших, вероятно, мальчиков составлял 4–5 лет. Исходя из одинакового возраста и погребения в одной могильной камере предполагается, что они были братьями-близнецами [Усманова и др., 2006. С. 71–75].

Существовал и другой, более сложный и редкий обряд тройного захоронения, при котором трех умерших помещали в одну погребальную камеру, где, как правило, отмечались три костяка, уложенных в могилу определенным образом. Первым лежал мужской скелет в скорченном положении на левом боку, рядом с ним, на правом боку, в позе, характерной для парных разнополюсных погребений, – женский, а за его спиной уложен дополнительный мужской костяк на левом боку. Таким образом, захоронение объединяет женщину, занимающую центральное место и двух мужчин, расположенных по бокам. Участниками этой триады могли быть как взрослые, так и дети. Причем женщину отличало исключительное «богатство» погребального инвентаря в виде разнообразных украшений.

Подобные тройные погребения зафиксированы в синташтинских могильниках Каменный Амбар [Епимахов, 2005. С. 36], Синташта, в петровских и алакульских некрополях Нуртай [Ткачев, 2002. С. 162–165], Кулевчи VI [Виноградов, 1984], Алакуль [Сальников, 1952. С. 57], Лисаковский I [Усманова, 2005. С. 40–42], Ермак IV [Сотникова, 2012. С. 187–189]. Отмечается некая статусная ранжированность умерших, фиксируемая как в расположении, так и в сопровождающем инвентаре. Безусловно, в этом обряде женщина играла основную роль, за ней следовал первый умерший, расположенный к ней лицом, которому отдавалось предпочтение, и замыкал ряд мужской костяк за спиной женщины, указывавший на незначительную роль последнего.

Аналогичным образом могли размещать и жертвенных лошадей, запряженных в символическую повозку. Из двух лошадей, уложенных вплотную друг к другу, создавали разнополюную пару (кобыла и жеребец) ², которую размещали на поверхности вдоль длинной стороны могильной ямы, а на противоположном краю камеры дополнительно укладывали еще одну лошадь. Данный ритуал зафиксирован, например, в раннеандроновских курганах на могильнике Ащису в Центральном Казахстане. Разнополюсность жертвенных пар лошадей отмечается в синташтинских и петровских погребальных комплексах [Гайдученко, 2011. С. 52–53]. Видимо, в более древней доведийской мифологии парная запряжка была представлена разнопо-

¹ Антропологические определения были проведены заведующим кабинетом антропологии Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ, канд. ист. наук В. А. Дремовым.

² Палеозоологические определения проведены канд. биол. наук Л. Л. Гайдученко.

лыми особями. На это могут указывать петроглифы с изображением так называемых «чудесных» упряжек, в которых отражаются не только разнополость животных, но и относительное разнообразие их видов [Шер, 1980. С. 283, 284].

Тройные захоронения символизировали широко распространенный в индоевропейской мифологии триединый образ богини и двух близнецов, очевидно, старшего и младшего. В разных случаях, вероятно, связанных с социально-экономическими процессами, протекающими в обществе, богиня могла занимать место матери близнецов, сестры или даже жены, а символика «дрейфовать» от лунной к солнечной. Эта триада может принимать самые неожиданные и, на первый взгляд, трудно совместимые изобразительные формы, используемые в передаче триединой сущности этого божества – Великой богини и близнецов [Кукушкин, 2007. С. 135–140].

Известны светлая и темная стороны триады, например, в виде женщины и двух птиц или коней (хозяйка коней) либо в образе фантастического существа с хтоническими чертами, имеющего одно туловище и три головы. Аналогичные метаморфозы могли происходить и при зоо-орнитоморфном изображении близнецов, где например, одно туловище могло иметь две головы или два туловища – одну голову [Зданович, Куприянова, 2010. С. 147. Рис. 8; Сарианиди, 2001. С. 140. Табл. 5, 1].

Обряд тройного захоронения зафиксирован в могильниках федоровской культуры Южной и Западной Сибири, например в Кытманово [Уманский и др., 2007. С. 15. Рис. 30], Фирсово XIV [Киришин и др., 2015б. Рис. 6, 1–3], Сухое Озеро I [Максименков, 1978. С. 23]. При этом в данных погребениях женский костяк лежал на левом боку лицом к мужскому, расположенному на правом боку, а за спиной женщины на левом боку находился еще один костяк мужского пола. Подобное расположение умерших в могиле фактически повторяет с точностью до наоборот алакульские погребальные каноны и служит своеобразным индикатором процессов внутренних трансформаций в социальной структуре федоровского общества.

Многочисленные некрополи федоровской культуры в плане погребального инвентаря менее информативны. При трупоположении умерший, как и в алакульской традиции, укладывался в скорченном положении на левом боку, головой в западном направлении. Какие-либо предметы погребального инвентаря, за исключением керамики, в мужских захоронениях встречались крайне редко. В женских погребениях сопроводительный инвентарь в виде бронзовых украшений, нередко плакированных золотым листом, сравнительно более представительный.

В некрополях федоровской культуры парные разнополые погребения могут составлять от 2 [Кузьмина, 1986. С. 90] до 25 % [Уманский и др., 2007. С. 25]. Умершие традиционно размещены лицом друг к другу, но в большинстве случаев женщина уложена на левом, а мужчина – на правом боку [Ткачева, Ткачев, 2008. С. 243]. Известны захоронения, где женский костяк расположен за спиной мужского [Максименков, 1978. С. 60], который соответственно «рождается» первым. Возможно, наблюдается смещение акцентов с младшего близнеца на старшего, что предполагает повышение социального статуса мужчины, если не до лидирующего, то, по крайней мере, до равного. Интересно, что маркировкой половой принадлежности, видимо, мог выступать и погребальный костюм. Так, в целом ряде высокостатусных захоронений зафиксированы мужские костяки в сопровождении типичных женских украшений, представленных височными кольцами, браслетами, нашивными бляшками и золотыми серьгами с растробом³ [Уманский и др., 2007. С. 9–10; Киришин и др., 2015а. С. 10–11, 13–14; Кукушкин, Дмитриев, 2016. С. 146]. Очевидно, наблюдался процесс проникновения определенной элитной части представителей мужского пола в жреческую среду, которая традиционно считалась женской. Вытеснение женского божества предполагает определенную победу «мужского права» в культовой сфере, а следовательно, и в области социальных отношений, что подтверждается и изменением месторасположения костяков в парных погребениях.

³ Палеоантропологические определения центрально-казахстанских краниологических материалов провел канд. ист. наук К. Н. Солодовников.

В этой связи отметим женоподобных мужчин-энареев, относящихся к царскому дому и выполнявших у скифов жреческие функции. Они составляли обособленную привилегированную касту, закрытую для других слоев общества [Хазанов, 1975. С. 168–169]. Устоявшиеся традиции этого института указывают на более ранний период его формирования, очевидно, связанный с бронзовым веком.

Видимо, смена приоритетов в культовой сфере проходила без резких и кардинальных преобразований, на что может указывать преобладание левосторонних захоронений. В период финальной бронзы переход к правосторонним погребениям фактически завершился. Они стали обрядово-нормативным канонem, преобладающим в погребальной практике.

Проведение различного рода обрядово-культовых действий невозможно без специально подготовленных людей, обладающих сакральными знаниями, – отправителей или служителей культа. Например, жречество в период Ригведы являлось уже сформировавшимся и разветвленным институтом [Елизаренкова, 1989. С. 453]. Жрецы руководили организацией и устройством всего комплекса мероприятий погребального характера, следили за соблюдением норм традиционного права и являлись хранителями сложившихся обычаев и ритуалов, без которых невозможно посмертное восстановление социального статуса умершего, а значит, и продолжение бесконечного движения по «кругу жизни». Однако унификация погребального обряда делает достоверное выявление на некрополе подобных захоронений весьма затруднительным [Усманова, 2005. С. 103]. В то же время отмечается определенный круг погребений, которые можно отнести к категории, имеющей особый социальный статус, прежде всего женских.

К этому ограниченному кругу лиц можно отнести женщин, захороненных в парных погребениях, снабженных ярко выраженной ритуально-культовой атрибутикой, представленной сакральными украшениями. Найденные женские украшения не производят впечатления утилитарной, бытовой гарнитуры, предназначенной для повседневного пользования. Отсутствие царапин, следов потертости, сколов, неизбежных при длительной эксплуатации, свидетельствуют, что данными наборами очень дорожили и пользовались ими редко.

На основании мифологичности погребальной обрядности, воспроизводимой в ритуале, можно предположить, что андроновский пантеон состоял из целого ряда известных индоиранских богов. Например, Индра вычленяется благодаря характерным признакам, как, например, булава-ваджра, и общему милитаристическому содержанию погребального инвентаря. Разнополюе парные захоронения характеризуют божественных близнецов, причем в связке Яма-Ями – Йима-Йимак на фоне бледного женского мужской персонаж выглядит более яркой и самостоятельной фигурой. Они, видимо, стоят ближе к федоровской традиции. Для алакульцев, вероятно, характерны более ранние формы близнечного союза. Однополюе парные мужские захоронения свидетельствуют о близнечных Ашвинах. Тройные погребения ассоциируются с триадой – Великой богиней и близнецами, символикой которых в мифологической традиции является трехколесная повозка и триединство в целом.

Таким образом, в андроновской погребальной обрядности наблюдается целый ряд ритуальных действий, указывающих на развитые культы различных божеств, играющих основополагающую роль в религиозно-мифологических представлениях древнего населения. Однако следует учитывать, что политеизм древности – это не статичная, «окаменевшая» структура, а динамично изменяющаяся мировоззренческая система, наглядно демонстрирующая последовательные этапы социально-экономического развития общества.

Список литературы

- Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.: Наука, 1990. 288 с.
- Бедельбаева М. В., Новоженев В. А., Новоженева Н. В. Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. Караганда: САИ при КарГУ, 2015. 252 с.
- Виноградов Н. Б. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. 1984. № 3. С. 136–153.

Гайдученко Л. Л. Лошадь в погребальных памятниках эпохи бронзы и раннего металла из степной зоны Казахстана и Южного Зауралья // Маргулановские чтения – 2011. Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2011. С. 52–54.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1984. 1409 с.

Елизаренкова Т. Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М.: Наука, 1989. С. 426–762.

Епимахов А. В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск: ОАО «Челябинский дом печати», 2005. Кн. 1. 192 с.

Зданович Д. Г., Куприянова Е. В. Лошади и близнецы: к «археологии ритуала» Центральной Евразии эпохи бронзы // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2010. Ч. 1. С. 130–161.

Иванов В. В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *asva* – «конь» (жертвоприношение коня и дерево *asvattina* в Древней Индии) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М.: Наука, 1974. С. 75–138.

Итина М. А. Реконструкция некоторых первобытных обрядов методом аналогий // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 15–19.

Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Петроглифы хребта Каратау. Алматы: Наука, 2007. 147 с.

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Тур С. С., Пилипенко А. С., Федорук А. С., Федорук О. А., Фролов Я. В. Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья: материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово XIV. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015а. 208 с.

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федорук О. А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015б. 108 с.

Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1986. 134 с.

Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности: монография. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.

Кукушкин И. А. Мировоззренческие аспекты культуры населения финальной бронзы Центрального Казахстана // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда: ИП Е. А. Сытин, 2007. С. 133–150.

Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А., Кукушкин А. И. Могильник Тундык: предварительные результаты исследований // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: ЧГКМ, 2015. С. 136–143.

Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А. Полевые исследования на могильнике Бесоба (Казахстан) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. Вып. 22. С. 142–147.

Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 190 с.

Мельников Е. Н. Погребения с навершиями булавы эпохи бронзы // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк: Изд-во ЛГПУ, 1999. С. 77–80.

Михайлов Ю. И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 363 с.

Нелин Д. В. Погребения эпохи бронзы с булавами в Южном Зауралье и Северном Казахстане // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. Ч. 5, кн. 1. С. 132–136.

Новоженков В. А. Петроглифы Сары Арки. Алматы: ИА НАН РК, 2002. 125 с.

Рафикова Я. В., Савельев Н. С. Парные погребения могильника эпохи поздней бронзы Ташла-1 в Башкирском Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: ЧГКМ, 2015. С. 151–159.

Рогожинский А. Е. Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы // История и археология Семиречья. Алматы: Фонд «Родничок»; Фонд «XXI век», 2001. Вып. 2. С. 7–44.

Сальников К. В. Курганы на оз. Алакуль // МИА. 1952. № 24. С. 51–71.

- Самашев З. С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 288 с.
- Сарианиди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Worldmedia, 2001. 246 с.
- Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
- Сотникова С. В. К вопросу о парных разнополых погребениях андроновской эпохи // VIII Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: Амфора, 2012. С. 187–193.
- Тахо-Годи А. А. Артемида // Мифы народов мира. М.: Олимп, 2000. Т. 1. С. 107–108.
- Ткачев А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.
- Ткачев А. А. Мужской вещевого комплекс и возможности реконструкции костюма андроновской эпохи // Археологические исследования степной Евразии. Караганда: TENGRI Ltd, 2013. С. 89–93.
- Ткачева Н. А., Ткачев А. А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.
- Уманский А. П., Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. 132 с.
- Усманова Э. Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда; Лисаковск: TENGRI Ltd, 2005. 232 с.
- Усманова Э. Р., Мерц В. К., Колбина А. В., Вентреска А. О некоторых сюжетах в «тексте» погребального обряда эпохи бронзы // Изучение памятников археологии павлодарского Прииртышья. Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. С. 70–80.
- Фрэзер Д. Д. «Золотая ветвь». М.: Политиздат, 1980. 831 с.
- Хазанов А. М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 343 с.
- Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1936. 573 с.
- Shvets I. Studien zur felsbildkunst Kasachstans // Materialien zu Kasachstan Archäologie. Darmstadt; Mainz: Philipp von Zabern, 2012. Bd. 1. 267 S.

Материал поступил в редколлегию 22.01.2018

I. A. Kukushkin

Saryarka Archaeological Institute of the Buketov Karaganda State University
28 Universitetskaya Str., Karaganda, 100028, Kazakhstan

sai@ksu.kz

WORLD VIEW AND TRADITIONS OF THE POPULATION OF THE ANDRONOVO HISTORICAL AND CULTURAL COMMUNITY (ACCORDING TO THE FUNERAL RITES)

Purpose. We aimed at studying the traditions and world views of the Andronovo population of the steppe bronze. Due to the absence of direct written sources and zoo-anthropomorphic pictorial tradition on the subject, the burial practice of the Andronovo population, whose detailing presupposes the existence of extensive mythological ritual knowledge concentrated in the worldview sphere, is the foreground of research as the main informative base.

Results. The earliest evidence that specifies certain aspects of the worldview of the ancient society appears at the dawn of the Andronovo era. The finds of stone and bronze maces are curious, which, obviously, marked the patrimonial military aristocracy, closely connected with the cult of the military deity. Of great interest are paired and double burials in which a man and woman were buried. It can be assumed that such a burial rite is a practical realization of the sacred marriage, the participants of which are heterosexual twins, close in content to Yama-Yami or Yima-Yimak. Regular reproduction in the funeral practice of the ritual of twin burials indicates that the heterosexual

twins were given a significant place in the religious and mythological system of the ancient society. A certain place in the system of religious priorities was occupied by twins of the same sex, in particular males, such as, for example, the Vedic Ashvins. Double burials of the deceased of the same sex in specially prepared burial chambers, where skeletons of different sexes are usually located, are excluded, which excludes their marriage relations and makes us see in the ritual contemplated a twin, possibly, a ritual burial. There was another, more complex and rare rite of the triple burial, which includes a woman occupying the central place and two men located on each side. Such triple burials symbolize the triune image of the goddess and two twins, obviously the elder and younger, widespread in Indo-European mythology.

Conclusion. Based on the well-known mythology of the funeral rite reproduced in the ritual, a whole series of sacred actions are observed pointing to the developed cults of various deities close to the Indo-Iranian pantheon and playing a fundamental role in the religious mythological representations of the ancient society. However, it should be borne in mind that the polytheism of antiquity is a dynamically changing system rather than a static, «petrified» structure, which visually demonstrates the successive stages of the social and economic development of the society itself.

Keywords: Andronovo historical and cultural unity, worldview, cult, rite, twin burial, triad, twins.

References

Antonova E. V. Obryady i verovaniya pervobytnykh zemledel'tsev Vostoka [Rituals and beliefs of primitive farmers of the East]. Moscow, Nauka, 1990, 288 p. (in Russ.)

Bedelbaeva M. V., Novozhenov V. A., Novozhenova N. V. Izobrazitel'nye pamyatniki Kazakhskogo melkosopochnika [Fine art sites of the Kazakh hillock landscape]. Karaganda, SAI KarGU Publ., 2015, 252 p. (in Russ.)

Vinogradov N. B. Kulevchi VI – novyi alakul'skii mogil'nik v lesostepyakh Yuzhnogo Zaural'ya [Kulevchi VI – a new Alakul burial ground in the forest-steppe of the Southern Trans-Ural region]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1984, no. 3, p. 136–153. (in Russ.)

Gaiduchenko L. L. Loshad' v pogrebal'nykh pamyatnikakh epokhi bronzy i rannego metalla iz stepnoi zony Kazakhstana i Yuzhnogo Zaural'ya [The horse in the funerary sites of the Bronze Age and Early Metal from the steppe zone of Kazakhstan and the Southern Trans-Urals]. *Margulanovskie chteniya – 2011* [Margulan Readings – 2011]. Astana, ENU im. L. N. Gumileva Publ., 2011, p. 52–54. (in Russ.)

Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. Indoevropeskii yazyk i indoevropeitsy [Indo-European language and the Indo-Europeans]. Tbilisi, TSU Publ., 1984, 1409 p. (in Russ.)

Elizarenkova T. Ya. «Rigveda» – velikoe nachalo indiiskoi literatury i kul'tury [«Rigveda» – the great beginning of Indian literature and culture]. *Rigveda. Mandaly I–IV* [Rigveda. Mandalas I–IV], Moscow, Nauka, 1989, p. 426–762. (in Russ.)

Epimakhov A. V. Rannie kompleksnye obshchestva severa Tsentral'noi Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyi Ambar-5) [Early complex societies of the north of Central Eurasia (based on the materials of the burial ground of Kamennyi Ambar-5)]. Cheliabinsk, OAO «Cheliabinskii dom pečhati» Publ., 2005, vol. 1, 192 p. (in Russ.)

Zdanovich D. G., Kupriyanova E. V. Loshadi i bliznetsy: k «arkheologii rituala» Tsentral'noi Evrazii epokhi bronzy [Horses and twins: to the «archaeology of the ritual» of the Central Eurasia of the Bronze Age]. *Arkaim – Sintashta: drevnee nasledie Yuzhnogo Urala* [Arkaim – Sintashta: ancient heritage of the Southern Urals]. Cheliabinsk, ChelSU Publ., 2010, vol. 1, p. 130–161. (in Russ.)

Ivanov V. V. Opyt istolkovaniya drevneindiiskikh ritual'nykh i mifologicheskikh terminov, obrazovannykh ot asva – «kon» (zhertvoprinoshenie konya i derevo asvattina v Drevnei Indii) [Experience of interpretation of ancient Indian ritual and mythological terms derived from Asva – «kon» (sacrifice and double Asvatina in ancient India)]. *Problemy istorii yazykov i kul'tur u narodov Indii* [Problems of the History of Languages and Culture of the Peoples of India]. Moscow, Nauka, 1974, p. 75–138. (in Russ.)

Itina M. A. Rekonstruktsiya nekotorykh pervobytnykh obryadov metodom analogii [Reconstruction of some primitive rites by analogy]. *Etnografiya i arkheologiya Srednei Azii* [Ethnography and archaeology of Middle Asia]. Moscow, Nauka, 1979, p. 15–19. (in Russ.)

Kadyrbaev M. K., Mar'yashev A. N. Petroglify khrebta Karatau [Petroglyphs of the Karatau Range]. Almaty, Nauka, 2007, 147 p. (in Russ.)

Kiriushin Yu. F., Papin D. V., Tur S. S., Pilipenko A. S., Fedoruk A. S., Fedoruk O. A., Frolov Ia. V. Pogrebal'nyi obryad drevnego naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya: materialy iz raskopok 2010–2011 gg. gruntovogo mogil'nika Firsovo-XIV [Funeral rite of the ancient population of the Barnaul Ob area: materials from excavations 2010–2011 burial ground Firsovo-XIV]. Barnaul, AltSU Publ., 2015a, 208 p. (in Russ.)

Kiriushin Yu. F., Papin D. V., Fedoruk O. A. Andronovskaya kul'tura na Altae (po materialam pogrebal'nykh kompleksov) [Andronovo culture in Altai (based on the materials of the funerary complexes)]. Barnaul, AltSU Publ., 2015b, 108 p. (in Russ.)

Kuz'mina E. E. Drevneishie skotovody ot Urala do Tyan'-Shanya [The oldest cattlemen from the Urals to the Tien-Shan]. Frunze, «Ilim» Publ., 1986, 134 p. (in Russ.)

Kuz'mina E. E. Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoi kul'turnoi obshchnosti: monografiya [Classification and periodization of sites of the Andronovo cultural community: monograph]. Aktobe, PrintA Publ., 2008, 358 p. (in Russ.)

Kukushkin I. A. Mirovozzrencheskie aspekty kul'tury naseleniya final'noi bronzy Tsentral'nogo Kazakhstana [World outlook aspects of culture of the population of the final bronze of Central Kazakhstan]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Saryarki* [Historical and cultural heritage of Saryarka]. Karaganda, IP E. A. Sytin Publ., 2007, p. 133–150. (in Russ.)

Kukushkin I. A., Dmitriev E. A., Kukushkin A. I. Mogil'nik Tundyk: predvaritel'nye rezul'taty issledovaniy [Tundyk burial ground: preliminary research results]. *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic interactions in the Southern Urals], Cheliabinsk, ChGKM Publ., 2015, p. 136–143. (in Russ.)

Kukushkin I. A., Dmitriev E. A. Polevye issledovaniya na mogil'nike Besoba (Kazakhstan) [Field research at the Besoba burial ground (Kazakhstan)]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya* [Conservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul, AltSU Publ., 2016, iss. 22, p. 142–147. (in Russ.)

Maksimenkov G. A. Andronovskaya kul'tura na Enisee [Andronovo culture on the Yenisei]. Leningrad, Nauka, 1978, 190 p. (in Russ.)

Melnikov E. N. Pogrebeniya s navershiyami bulav epokhi bronzy [Burials with the Bronze Age mace pommels]. *Arkheologiya Tsentral'nogo Chernozem'ya i sopredel'nykh territorii* [Archaeology of the Central Black Earth Belt and adjacent territories]. Lipetsk, LSPU Publ., 1999, p. 77–80. (in Russ.)

Mikhailov Yu. I. Mirovozzrenie drevnikh obshchestv yuga Zapadnoi Sibiri (epokha bronzy) [World outlook of ancient societies of the south of Western Siberia (the Bronze Age)]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2001, 363 p. (in Russ.)

Nelin D. V. Pogrebeniya epokhi bronzy s bulavami v Yuzhnom Zaural'e i Severnom Kazakhstane [Burials of the Bronze Age with clubs in the Southern Trans-Urals and Northern Kazakhstan]. *Rossiya i Vostok: problemy vzaimodeistviya* [Russia and the East: the problems of interaction]. Chelyabinsk, 1995, vol. 5, p. 132–136. (in Russ.)

Novozhenov V. A. Petroglify Sary-Arki [Petroglyphs of Sary-Arka]. Almaty, IA NAS RK Publ., 2002, 125 p. (in Russ.)

Rafikova Ya. V., Saveliev N. S. Parnye pogrebeniya mogil'nika epokhi pozdnei bronzy Tashla-1 v Bashkirskom Zaural'e [Paired burials of the Tashla-1 late bronze burial ground in the Bashkir Trans-Urals]. *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic interactions in the Southern Urals]. Cheliabinsk, ChelGKM Publ., 2015, p. 151–159. (in Russ.)

Rogozhinskii A. E. Izobrazitel'nyi ryad petroglifov epokhi bronzy svyatilishcha Tamgaly [Pictorial series of petroglyphs of the Bronze Age of the Tamgaly sanctuary]. *Istoriya i arkheologiya Semirech'ya* [History and archaeology of the Semirechie]. Almaty, Fond «Rodnichok», Fond «XXI vek» Publ., 2001, vol. 2, p. 7–44. (in Russ.)

Salnikov K. V. Kurgany na oz. Alakul' [Kurgans on Lake Alakul']. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on archaeology of the USSR], 1952, no. 24, p. 51–71. (in Russ.)

Samashev Z. S. Naskal'nye izobrazheniya Verkhnego Priirtysh'ya [Rock carvings of the Upper Irtysh region]. Alma-Ata, Gylm Publ., 1992, 288 p. (in Russ.)

Sarianidi V. I. Nekropol' Gonura i iranskoe yazychestvo [Gonur Necropolis and Iranian Paganism]. Moscow, World media Publ., 2001, 246 p. (in Russ.)

Sorokin V. S. Mogil'nik bronzovoi epokhi Tasty-Butak I v Zapadnom Kazakhstane [The burial ground of the bronze age Tasty-Butak I in Western Kazakhstan]. Moscow, Leningrad, AN USSR Publ., 1962, 206 p. (in Russ.)

Sotnikova S. V. K voprosu o parnykh raznopolykh pogrebeniyakh andronovskoi epokhi [On the issue of paired heterogeneous burials of the Andronovo era]. *VIII istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [Historical readings of the memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Omsk, Amfora Publ., 2012, p. 187–193. (in Russ.)

Takho-Godi A. A. Artemida [Artemida]. *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Moscow, Olimp Publ., 2000, vol. 1, p. 107–108. (in Russ.)

Tkachev A. A. Tsentral'nyi Kazakhstan v epokhu bronzy [Central Kazakhstan in the Bronze Age]. Tyumen', TyumGNGU Publ., 2002, vol. 1, 289 p. (in Russ.)

Tkachev A. A. Muzhskoi veshchevoi kompleks i vozmozhnosti rekonstruktsii kostiuma andronovskoi epokhi [Male clothing complex and the possibilities of reconstruction of the costume of the Andronovo era]. *Arkheologicheskie issledovaniya stepnoi Evrazii* [Archaeological research of the steppe Eurasia]. Karaganda, TENGRI Ltd Publ., 2013, p. 89–93. (in Russ.)

Tkacheva N. A., Tkachev A. A. Epokha bronzy Verkhnego Priirtysh'ya [The Bronze Age of the Upper Irtysh]. Novosibirsk, Nauka, 2008, 304 p. (in Russ.)

Umanskii A. P., Kiriushin Iu. F., Grushin S. P. Pogrebal'nyi obryad naseleniya andronovskoi kul'tury Prichumysh'ya (po materialam mogil'nika Kytmanovo) [Funeral rite of the population of the Andronovo culture of Prichumyshye (based on the materials of the Kytmanovo cemetery)]. Barnaul, AltSU Publ., 2007, 132 p. (in Russ.)

Usmanova E. R. Mogil'nik Lisakovskii I: fakty i paralleli [Burial ground Lisakovskiy I: facts and parallels]. Karaganda, Lisakovsk, TENGRI Ltd. Publ., 2005, 232 p. (in Russ.)

Usmanova E. R., Merts V. K., Kolbina A. V., Ventreska A. O nekotorykh syuzhetakh v «tekste» pogrebal'nogo obryada epokhi bronzy [On some aspects in the «text» of the funeral rite of the Bronze Age]. *Izuchenie pamyatnikov arkheologii pavlodarskogo Priirtysh'ya* [Study of archaeological sites of Pavlodar Priirtyshye]. Pavlodar, NPF «EKO» Publ., 2006, p. 70–80. (in Russ.)

Frezer D. D. «Zolotaya vetv'» [«The Golden Branch»]. Moscow, Politizdat Publ., 1980, 831 p. (in Russ.)

Khazanov A. M. Sotsial'naya istoriya skifov [The Social History of the Scythians]. Moscow, Nauka, 1975, 343 p. (in Russ.)

Sher Ya. A. Petroglify Srednei i Tsentral'noi Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow, Nauka, 1980, 328 p. (in Russ.)

Shternberg L. Ya. Pervobytnaya religiya v svete etnografii [Primitive religion in terms of ethnography]. Leningrad, IPN Publ., 1936, 573 p. (in Russ.)

Shvets I. Studien zur felsbildkunst Kasachstans. *Materialien zur archaologie Kasachstans*. Darmstadt, Mainz, Philipp von Zabern, 2012, vol. 1, 267 S. (in Germ.)

For citation:

Kukushkin I. A. World View and Traditions of the Population of the Andronovo Historical and Cultural Community (According to the Funeral Rites). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 87–98. (in Russ.)

**В. И. Молодин^{1,2}, Л. Н. Мыльникова¹,
М. С. Нестерова¹, Е. С. Швецова²**

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

Molodin@archaeology.nsc.ru

МАТЕРИАЛЫ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ НА ПОСЕЛЕНИИ ВЕНГЕРОВО-2 (БАРАБИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ)

В 2016 г. при раскопках поселения кротовской культуры Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) обнаружено одиночное грунтовое погребение раннего Средневековья. Между левой бедренной костью и костями кисти руки погребенного находился железный нож, а в районе таза – две роговые пряжки. По классификации В. И. Молодина для костяных пряжек Барабы полный экземпляр обнаруженного предмета следует датировать VII–VIII вв. Он относится к четырехугольным с закругленной рамкой, однотавровым Т-образным изделиям, у которых прорезь для подвижного язычка отделена от концевой прорези перешейком. Такие пряжки были распространены в средневековых культурах Сибири VIII–X вв. Ближайшие аналогии можно найти на элитном могильнике древнетюркской эпохи Тартас-1, находящемся в непосредственной близости от поселения Венгерово-2, и памятнике Туруновка-3А, где на краю высокой береговой террасы были обнаружены три неглубокие грунтовые могилы. Они похожи на изучаемое погребение расположением и составом погребального инвентаря. С древнетюркскими захоронениями Барабинской лесостепи погребение памятника Венгерово-2 объединяет также отсутствие керамических сосудов.

Ключевые слова: Центральная Бараба, Венгерово-2, Тартас-1, тюркское время, погребальный обряд, однотавровые пряжки.

Тюркоязычные племена появились в Центральной Азии в VI в. н. э., расселившись на широких территориях степей и образовав мощное культурное сообщество. В Барабинскую лесостепь тюркоязычное население начало проникать в VIII в., принося сюда свою материальную культуру и смешиваясь с местными жителями. Следует подчеркнуть, что раскопки средневековых памятников региона в XX–XXI вв. проводились силами Института археологии и этнографии СО РАН (см., например: [Бараба в тюркское время, 1988; Молодин, Соловьев, 2004; Молодин и др., 2011]). На данный момент в Барабе зафиксированы два поселения этого времени: Ложка-4 и Садовка. Наиболее изученными являются погребальные комплексы Чулым-2, Большие Луки-1, -3, Владимирова-3, Третье Отделение-1, -2, Базово-1, -2, Венгерово-1, Венгерово VII, Преображенка-3, Сопка-2, Туруновка-3А, Ходунеково, Аул-Кошкуль, Олтарь-1, Осинцево IV [Исмагулов, 1969; Конилов, 1978; 1993; Копытова, 1974; Могильников, 1965; 1981а; 1981б; Савинов, 1983; Савинов, Полосьмак, 1985; Сидоров, Соболев, 1977; Бараба в тюркское время, 1988]. Могильники представлены тремя типами: одиночные курганы, курганные группы, грунтовые погребения [Бараба в тюркское время, 1988. С. 77]. За по-

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Швецова Е. С. Материалы тюркского времени на памятнике Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 5: Археология и этнография. С. 99–108.

следнее десятилетие в процессе ведения раскопок на некрополе Тартас-1 было обнаружено еще несколько погребений древнетюркского времени. Сложно сказать, к какому типу погребальных комплексов относятся захоронения, так как могильник долгое время подвергался распашке, но есть основания предполагать, что это были курганные сооружения.

Еще один памятник найден в полевом сезоне 2016 г. в ходе плановых раскопок поселения кротовской культуры Венгерово-2 (Венгеровский район Новосибирской обл.) (рис. 1). Погребение на памятнике Венгерово-2 является одиночным грунтовым захоронением, достаточно редким для данной территории, в связи с чем и представляет интерес для изучения средневековой эпохи региона. Цель настоящей публикации – введение в научных оборот новых материалов, полученных при его исследовании.

На уровне материка захоронение читалось как пятно прямоугольной формы, ориентированное по линии юго-восток – северо-запад, имеющее насыщенный темно-серый цвет, из которого выступал череп (рис. 2; 3). Заполнение могильной ямы представлено гумусированной супесью черного цвета с включениями пятен желтого суглинка. В нижней части выявлена

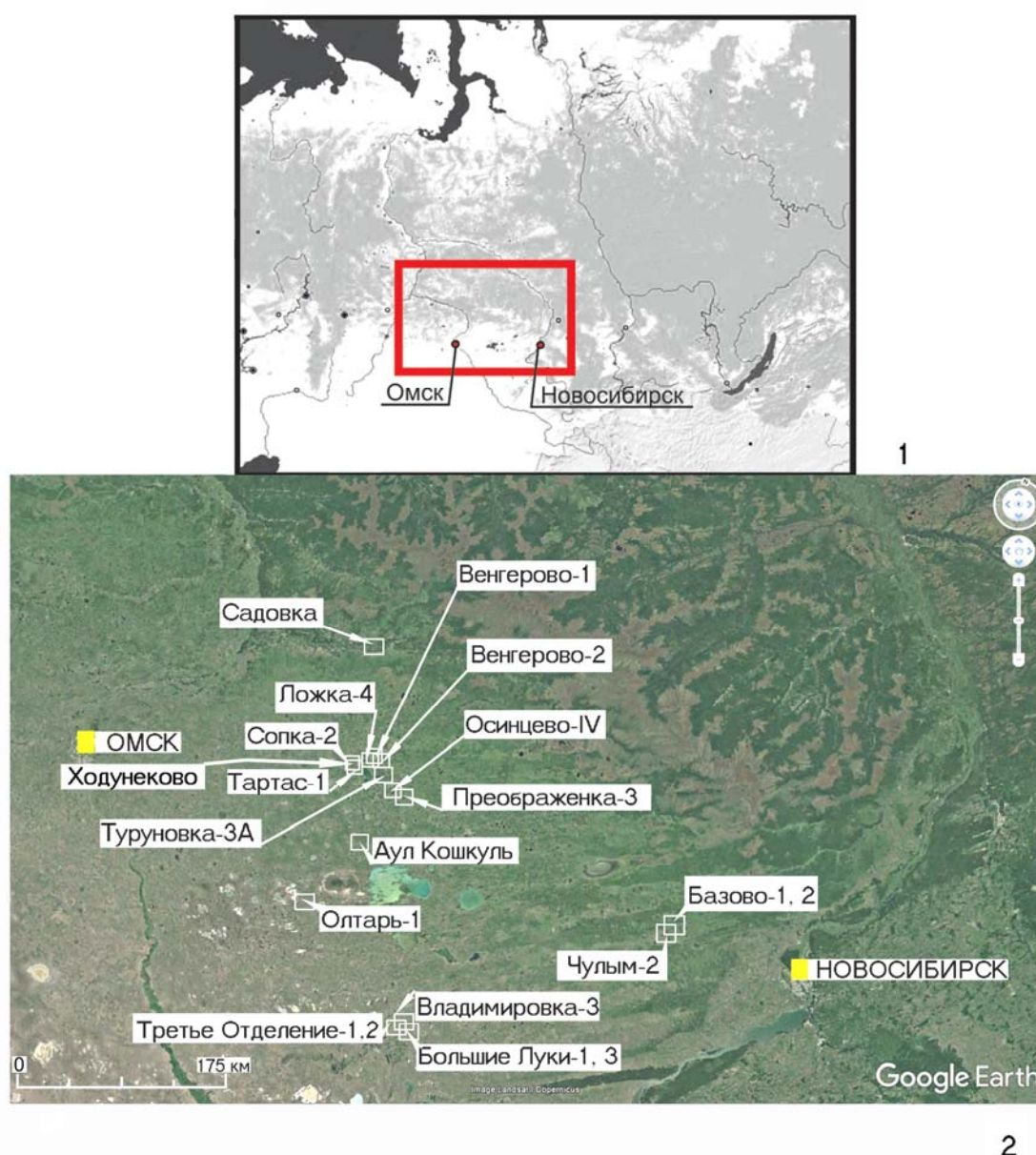

Рис. 1. Карта расположения памятников древнетюркской эпохи на территории Барабы:
1 – Барабинская лесостепь на карте Западной Сибири; 2 – памятники тюркской эпохи Барабинской лесостепи (Google Earth, дата обращения 21.01.2018)

Рис. 2 (фото). Могильное пятно погребения древнетюркского времени на памятнике Венгерово-2 (снято с ЮЗ)

Рис. 3 (фото). Погребение древнетюркского времени на памятнике Венгерово-2 до выборки заполнения (снято с ЮВ)

тонкая линза мешаной почвы серо-желтого цвета (рис. 4). Могильная яма имела вытянутую подпрямоугольную форму. В западной и юго-западной части она нарушена траншеей оптоволоконной связи, которая проходит по краю террасы, разрушая участок памятника. Параметры могильной ямы после выборки заполнения: $1,60 \times 0,78\text{--}0,8$ м. Глубина могилы от 0,09 до 0,35 м.

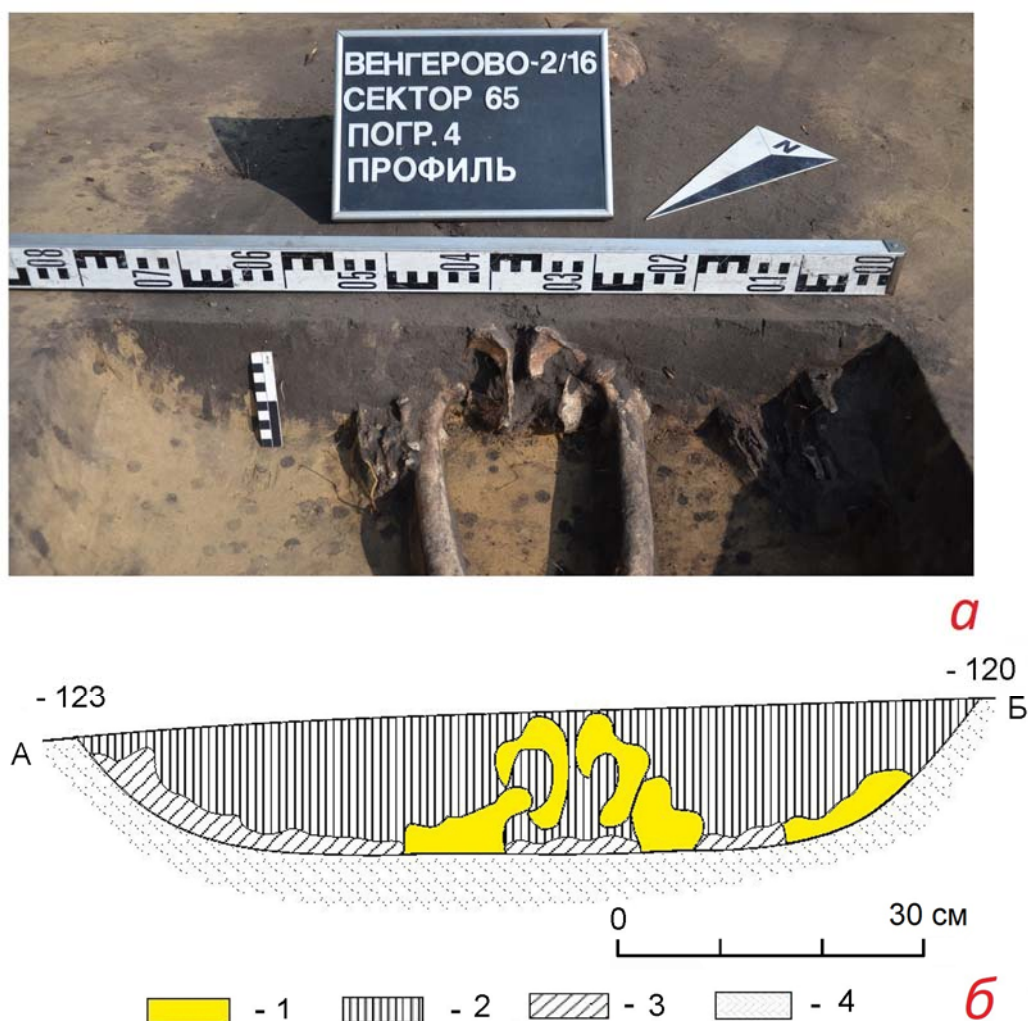

Рис. 4. Погребение древнетюркского времени на памятнике Венгерово-2:
 а – вид на часть вскрытого погребения (фото, снято с СЗ); б – профиль погребения (1 – уровень залегания костей человека; 2 – черная гумусированная супесь; 3 – желто-черная пестрая супесь; 4 – плотный желтый суглинок, материк)

Погребенный был уложен в вытянутом положении на спине (рис. 5; 6). Правая рука немного согнута в локте, располагалась вдоль туловища так, что фаланги пальцев находились на верхней части правой бедренной кости. Левая отодвинута от корпуса, но лежала параллельно ему. Череп погребенного теменной частью «упирался» в восточную стенку могильной ямы. Подобное положение головы встречалось в погребениях древнетюркского времени на памятниках Преображенка-3 и Сопка-2 [Бараба в тюркское время, 1988. С. 78]. При этом северо-западная часть могилы оказалась свободной, за исключением скопления костей в западном углу (фрагменты малой берцовой, пяточные, таранные кости, несколько фаланг). Часть костей отсутствовала (большие и малая берцовые и кости ступней). Возможно, скелет был поврежден при прокладке кабеля оптоволоконной связи.

Между левой бедренной костью и левой кистью погребенного обнаружен железный нож плохой сохранности (рис. 6, 1). Зафиксирован небольшой фрагмент сильно коррозированного лезвия, на котором имеются следы дерева – остатки деревянных ножен. Следует отметить, что находки железных ножей в древнетюркских погребениях Барабинской лесостепи довольно типичны. Располагались они у пояса погребенного или (реже) у колена. Широкое распространение таких изделий вплоть до этнографической современности не дает возможности определить узкий хронологический диапазон их бытования [Бараба в тюркское время, 1988. С. 59].

Рис. 5 (фото). Погребение древнетюркского времени на памятнике Венгерово-2 после зачистки (снято с СЗ)

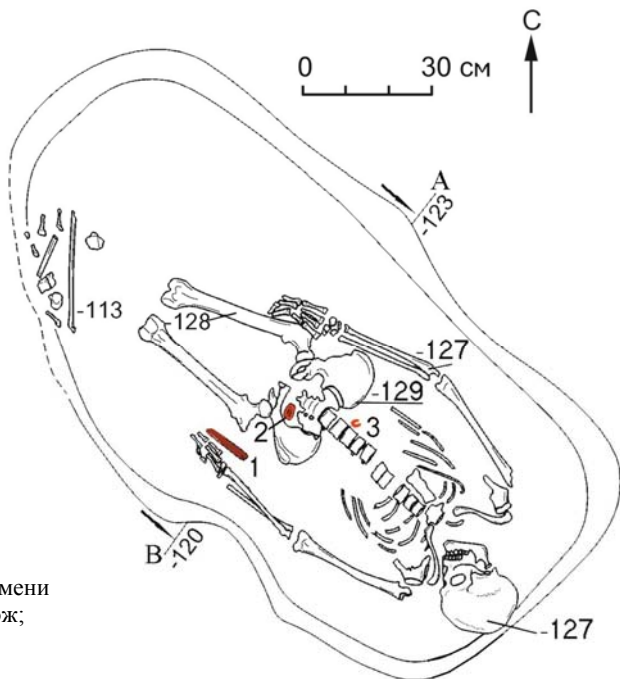

Рис. 6. План погребения древнетюркского времени на памятнике Венгерово-2: 1 – железный нож; 2–3 – роговые пряжки

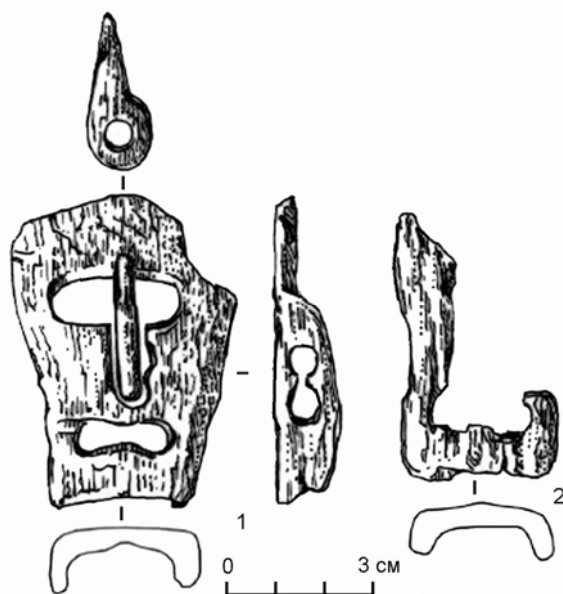

Рис. 7. Роговые пряжки:
1 – пряжка трапецевидной формы;
2 – фрагмент пряжки

щитке перешейком, с подвижным язычком (рис. 7, 1). Длина изделия составляет 4,5 см, ширина рамки – 3,1 см, ширина щитка у основания – 2 см. Сохранность пряжки хорошая, несмотря на обломленный правый угол рамки. По классификации, сделанной для костяных пряжек из погребений Барабы, ее можно отнести к типу I, подтипу 2 [Бараба в тюркское время, 1988. С. 65]. С. В. Неверов подобные изделия сrostкинской культуры относил к группе 1: костяные, с костяным язычком (разряд 1), однотавровые Т-образные изделия, у которых прорезь для язычка отделена от концевой прорези перешейком (раздел 1), невыделенно-рамчатые (отдел 1), четырехугольные (тип 1) – овальные с закругленной рамкой (подтип «в») пряжки с подвижным язычком [1985. С. 194–196]. Аналогичные изделия из памятников Горного Алтая, по классификации подпружных пряжек древнетюркского времени В. Д. и Г. В. Кубаревых, относятся к типу 2 (вариант 2а) [Кубарев, 2005. С. 133].

От другой пряжки (рис. 7, 2) сохранились лишь часть рамки (левая сторона) и щиток. Из-за плохой сохранности сложно говорить к какому типу она относится – к однотавровым или двухтавровым. Однако общее морфологическое сходство сохранившейся части с первой пряжкой позволяет предположить, что изделия однотипны.

Время существования подобных пряжек определяется в довольно широких пределах: от VI до X в. н. э. [Неверов, 1985. С. 198; Васютин, Онищенко, 2010. С. 106]. Некоторые исследователи склонны датировать подобные изделия VII–VIII вв. [Бараба в тюркское время, 1988. С. 65]. Аналогии с материалами из Венгерово-2 известны из кургана 21–22 памятника Черный Мыс, расположенного в Колыванском районе Новосибирской области. Это роговая пряжка, двухтавровая, с язычком, которую Т. Н. Троицкая датировала VII–X вв. н. э. [Троицкая, Новиков, 1998. С. 52]. На Алтае подобная пряжка найдена на памятнике Шибэ, в малом кургане 5; время ее бытования определили VII–XII вв. н. э. [Могильников, 1981а. С. 42]. В Казахстане, в материалах Бобровского могильника, имеется однотавровая пряжка, датируемая второй половиной VIII – IX в. н. э. [Там же. С. 35].

Территориально ближайшие аналогии с публикуемым захоронением можно найти в материалах разновременного и разнокультурного могильника Тартас-1, который находится в непосредственной близости от поселения Венгерово-2. В 2008, 2009 и 2011 гг. на этом некрополе обнаружены погребения, по особенностям погребального обряда и характеристике инвентаря отнесенные исследователями к древнетюркской эпохе [Молодин и др., 2011. С. 210]. Памятник Тартас-1, вероятно, являлся элитным могильником данного времени на территории Барабинской лесостепи: относился, скорее всего, к курганным комплек-

В районе крестца с левой стороны и справа у поясничного отдела позвоночника находились две роговые пряжки, одна из которых сохранилась лишь фрагментарно (см. рис. 5; 6, 2–3). Подобные предметы широко распространены в средневековых сибирских культурах. Они имели многофункциональное назначение: использовались для крепления подпружных, поясных ремней и других деталей конского снаряжения [Киселев, 1949. С. 205; Коников, 1993; Грязнов, 1956. С. 98; Амброз, 1971. С. 121; Чиндина, 1977. С. 35; Могильников, 1981а. С. 37; Кубарев, 1984. С. 37; Бараба в тюркское время, 1988. С. 64–65]. Расположение подобных изделий в районе тазовых костей в погребениях – характерная черта погребального обряда тюркского времени.

Почти полностью сохранившаяся пряжка подтрапецевидная, расширяющаяся в верхней части, с округлой рамкой, без выделенного перехода от рамки к щитку, с Т-образной прорезью, отделенной от прорези в

сам, на что указывает присутствие в захоронениях чучел коней и достаточно представительного инвентарного комплекса, в состав которого входили оружие, украшения, предметы искусства и конской упряжи, изготовленные из кости, рога, металла (железо и бронза). Немаловажным фактом, подтверждающим высокий социальный статус погребенных, является то, что все захоронения были ограблены, но, несмотря на это, они имели на момент раскопок еще много инвентаря. Сравнение анализируемых комплексов позволяет отнести погребение на памятнике Венгерово-2 к рядовым, на что указывает и характер сопроводительного инвентаря.

Среди грунтовых могильников древнетюркской эпохи Барабы аналогии имеются и на памятнике Туруновка-3А, где были обнаружены три неглубокие грунтовые могилы (также на краю высокой береговой террасы) [Бараба в тюркское время, 1988. С. 78, 79]. Помимо геоморфологического сходства, эти объекты сближают особенности расположения и состав погребального инвентаря: поясные пряжки находились в районе тазовых костей, железный предмет размещался слева от погребенного.

С древнетюркскими захоронениями Барабинской лесостепи погребение памятника Венгерово-2 объединяет и отсутствие керамических сосудов (за исключением памятника Преображенка-3, где отдельные фрагменты и развалы сосудов обнаружены около могил и представляют собой следы поминальной тризны) [Бараба в тюркское время, 1988. С. 79].

Таким образом, исходя из особенностей погребального обряда и инвентаря можно говорить, что исследуемое захоронение оставлено носителями древнетюркской культуры. Следы их смешения с автохтонным населением потчевашской культуры, которое обычно хоронило умерших в скорченной позе и обладало развитой традицией помещения с усопшим характерной керамики, в данном погребении отсутствуют. Но в целом, ежегодное увеличение корпуса источников по древнетюркскому времени в рассматриваемом регионе западносибирской лесостепи свидетельствует об интенсивных процессах интеграции носителей автохтонной культуры и пришельцев с юга. Последние оказывали активное воздействие на этногенез населения степной и лесостепной части Западносибирской равнины.

Время существования аналогичных памятников в Барабинской лесостепи определяется второй половиной VIII – началом IX в. Сравнение погребального инвентаря с элитными комплексами могильника Тартас-1 позволяет сделать вывод о рядовом статусе погребенного.

Список литературы

- Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. 1971. Ч. 2. № 3. С. 106–134.
- Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.
- Васютин А. С., Онищенко С. С. Кочевнические компоненты в материальной культуре населения верхнеобской культуры Кузнецкой котловины (VII–X вв. н. э.) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2010. С. 104–117.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка // МИА. 1956. № 48. 163 с.
- Исмагулов О. Антропологические данные о тюрках Прииртышья // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 80–90.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. № 9. 364 с.
- Конигов Б. А. Новые материалы I тыс. н. э. из лесостепного и таежного Прииртышья (Омская область) // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. С. 51–69.
- Конигов Б. А. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н. э. Омск: Изд-во ОмГПИ, 1993. 224 с.
- Копытова Л. И. Раскопки у с. Старая Преображенка // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1974. Вып. 15. С. 66–71.
- Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 232 с.
- Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- Могильников В. А. Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья и Барабы // СА. 1965. № 1. С. 275–282.

Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981а. С. 29–43.

Могильников В. А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981б. С. 45–46.

Молодин В. И., Соловьев А. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. 184 с.

Молодин В. И., Хансен С., Мыльникова Л. Н., Наглер А., Кобелева Л. С., Дураков И. А., Ефремова Н. С., Новикова О. И., Нестерова М. С., Ненахов Д. А., Ковыришина Ю. Н., Мосечкина Н. Н., Васильева Ю. А. Археологические исследования могильника Тартас-1 в 2011 году: основные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. 27. С. 206–211.

Неверов С. В. Костяные пряжки сросткинской культуры (VIII–X вв. н. э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1985. С. 192–206.

Савинов Д. Г. Раскопки могильника Венгерова VII // АО 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 228.

Савинов Д. Г., Полосьмак Н. В. Новые материалы по эпохам бронзы и раннего железа в Центральной Барабе // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 103–130.

Сидоров Е. А., Соболев В. И. Раскопки могильника Чулым-2 // АО 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 243.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 192 с.

Материал поступил в редколлегию 10.01.2018

V. I. Molodin^{1,2}, L. N. Mylnikova¹, M. S. Nesterova¹, E. S. Shvetsova²

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

Molodin@archaeology.nsc.ru

NEW MATERIALS OF THE ANCIENT TURKIC EPOCH ON SETTLEMENT OF VENGEROVO-2 (BARABA FOREST-STEPPE)

Purpose. Turkic peoples started to spread in the Baraba forest-steppe in the 8th century AD, bringing in their material culture and mixing with local population. At present, there have been recorded two settlements: Lozhka-4 and Sadovka in the Baraba forest-steppe. More commonly studied burial complexes include Chulym-2, Bolshie Luki-1, -3, Vladimirovka-3, Tretie Otdelenie-1, -2, Bazovo-1, Bazovo-2, Vengerovo-1, Vengerovo VII, Preobrazhenka-3, Sopka-2, Turunovka-3A, Hodunekovo, Aul-Koshkul, Oltary-1, Osintsevo-IV. Burial grounds are represented in three types: single mounds, groups of mounds and ground burials. We described the content of the ground burial found in 2016, which belongs to the Early Middle Age and was situated on the settlement of the Krotovo culture Vengerovo-2.

Results. It was a single ground burial, located in the South-East – North-West direction. The skeleton was placed in an elongated position, arms along the body, the skull turned to the left and tilted to the shoulder. There was an iron knife in a poor condition near the diseased man's left hand. There were found two horn buckles to the left of the sacrum and to the right of the lumbar spine. According to the classification by V. I. Molodin of the bone buckles of the Baraba forest-steppe, the full buckle can be referred to the type I, subtype 2, and it can be dated to the 7–8th centuries. By analogy with the buckles of the Srastkinskaya culture, the buckle from Vengerovo-2 is rectangu-

lar with a rounded frame, has a T-shape, and the slot for rolling the tongue is separated from the end of the slot isthmus. Such products were widely spread in the Middle Age cultures of Siberia and are dated in a broad range to the 8–10th centuries. The closest analogues to these items can be found in materials of the site Tartas-1, where burials of different times and cultures are represented, and which is situated near Vengerovo-2 settlement. Similar ground burials had been found at the Tartas-1 cemetery in 2008, 2009 and 2011. By the traits of their burial rite and inventory, they were referred to the ancient Turkic culture. Tartas-1 is an elite cemetery of the Turkic epoch on the territory of the Baraba forest-steppe as the site contained stuffed horses and a wide set of accessories such as weapons, jewelry, art objects and horse harness in its burials. There is another similar site, Turunovka-3A, where three shallow-dug soil graves were uncovered at the edge of the high shore terrace. The ancient graves of the Baraba burial ground Vengerovo-2 also do not include ceramic vessels.

Conclusion. On the basis of the specific features of the burial rite and inventory, the burial on the site Vengerovo-2 is referred to a common type which was left by the population of the ancient Turkic culture of the Baraba.

Keywords: Central Baraba, Vengerovo-2, Tartas-1, Ancient Turkic epoch, burial rite, T-shaped belt buckle.

References

Ambroz A. K. Problemy rannesrednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy [Problems of early medieval archaeology in Eastern Europe]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1971, pt. 2, no. 3, p. 106–134. (in Russ.)

Baraba v tyurkskoe vremya [Baraba Turkic time]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 176 p. (in Russ.)

Chindina L. A. *Mogil'nik Relka na Srednei Obi* [Burial Relka on the Middle Ob']. Tomsk, TSU Publ., 1977, 192 p. (in Russ.)

Gryaznov M. P. Istoriya drevnikh plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz sela Bol'shaya Rechka [The ancient history of southern Siberia]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and researches on archaeology of the USSR], 1956, no. 48, 163 p. (in Russ.)

Ismagulov O. Antropologicheskie dannye o tyurkah Priirtysh'ya [Anthropological data about the Turks on Irtysh]. *Kul'tura drevnikh skotovodov i zemledel'tsev Kazakhstana* [Culture of ancient pastoralists and farmers of Kazakhstan]. Alma-Ata, Nauka, 1969, p. 80–90. (in Russ.)

Kiselev S. V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoi Sibiri [The ancient history of southern Siberia]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and researches on archaeology of the USSR], 1949, no. 9, 364 p. (in Russ.)

Konikov B. A. Novye materialy I tys. n. e. iz lesostepnogo i taezhnogo Priirtysh'ya (Omskaya oblast') [New materials the I Millennium BC forest-steppe and taiga of the Irtysh (Omsk oblast)]. *Etnokul'turnye yavleniya v Zapadnoi Sibiri* [Ethno-cultural phenomenon in Western Siberia]. Tomsk, TSU Publ., 1978, p. 51–69. (in Russ.)

Konikov B. A. Taezhnoe Priirtysh'e v X–XIII vv. n. e. [Taiga Irtysh region in X–XIII centuries of our era]. Omsk, OmGPI Publ., 1993, 224 p. (in Russ.)

Kopytova L. I. Raskopki u s. Staraya Preobrazhenka [Excavations at the village of Staraya Preobrazhenka]. *Iz istorii Sibiri. Tomsk* [From the history of Siberia]. Tomsk, TSU Publ., 1974, iss. 15, p. 66–71. (in Russ.)

Kubarev V. D. Drevnetyurkskie izvayaniya Altaya [Ancient Turkic statues of Altai]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 232 p. (in Russ.)

Kubarev G. V. Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov [The culture of the ancient Turks of the Altai (on the materials of funerary sites)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2005, 400 p. (in Russ.)

Mogilnikov V. A. Anan'evskoe gorodishche i vopros o vremeni tyurkizatsii Srednego Priirtysh'ya i Baraby [Anan'evskoe settlement and the turkification of the Middle Irtysh region and Baraba]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1965, no. 1, p. 275–282. (in Russ.)

Mogilnikov V. A. Tyurki [Turks]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow, Nauka, 1981a, p. 29–43. (in Russ.)

Mogilnikov V. A. Srostkinskaya kul'tura [The Srostkinskaya culture]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow, Nauka, 1981b, p. 45–46. (in Russ.)

Molodin V. I., Solov'ev A. I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Om'. [Site Sopka-2 on river Om']. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2004, vol. 2: The cultural-chronological analysis of funerary complexes of the Middle Ages, 184 p. (in Russ.)

Molodin V. I., Khansen S., Mylnikova L. N., Nagler A., Kobeleva L. S., Durakov I. A., Efremova N. S., Novikova O. I., Nesterova M. S., Nenakhov D. A., Kovyrshina Yu. N., Mosechkina N. N., Vasileva Yu. A. Arkheologicheskie issledovaniya mogil'nika Tartas-1 v 2011 godu: osnovnye rezul'taty [Archaeological research of the burial ground of Tartas-1 in 2011: main results]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS, 2011, vol. 27, p. 206–211. (in Russ.)

Neverov S. V. Kostyanye pryazhki srostkinskoi kul'tury (VIII–X vv. n. e.) [Bone buckle of the Srostkinskaya culture (VIII–X centuries AD)]. *Altai v epokhu kamnya i rannego metalla* [Altai in the Stone Age and early metal]. Barnaul, AltSU Publ., 1985, p. 192–206. (in Russ.)

Savinov D. G. Raskopki mogil'nika Vengerovo VII [Excavations of the burial ground Vengerovo VII]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1981 goda* [Archaeological discoveries 1981]. Moscow, Nauka, 1983, 228 p. (in Russ.)

Savinov D. G., Polos'mak N. V. Novye materialy po epokham bronzy i rannego zheleza v Tsentral'noi Barabe [New materials of the era of Bronze and Early Iron Age in Central Baraba]. *Arkheologicheskie issledovaniya v raionakh novostroek Sibiri* [Archaeological research in the areas of new buildings of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1985, p. 103–130. (in Russ.)

Sidorov E. A., Sobolev V. I. Raskopki mogil'nika Chulym 2 [Excavations of a burial ground Chulym 2]. *AO 1976 goda* [Archaeological discoveries 1976]. Moscow, Nauka, 1977, 243 p. (in Russ.)

Troitskaya T. N., Novikov A. V. Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e [The Verkhneobskaya culture in the Novosibirsk Ob region]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1998, 152 p. (in Russ.)

Vasyutin A. S., Onishchenko S. S. Kochevnicheskie komponenty v material'noi kul'ture naseleniya verkhneobskoi kul'tury Kuznetskoi kotloviny (VII–X vv. n. e.) [Nomadic components in the material culture of the population Verkhneobskaya culture of the Kuznetsk basin (VII–X centuries AD)]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Gorno-Altaysk, GASU Publ., 2010, p. 104–117. (in Russ.)

For citation:

Molodin V. I., Mylnikova L. N., Nesterova M. S., Shvetsova E. S. New Materials of the Ancient Turkic Epoch on Settlement of Vengerovo-2 (Baraba Forest-Steppe). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 99–108. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-5-99-108

Н. Г. Артемьева

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690650, Россия*

artemieva_tg@list.ru

НОВЫЙ ЧЖУРЧЖЭНСКИЙ МОГИЛЬНИК В ПРИМОРЬЕ

Исследование нового могильника в с. Новицком дало возможность проследить чжурчжэньский обряд захоронения, выявить его особенности и определить топографию расположения памятников данного типа. Могильник находился в глухом, закрытом с трех сторон распадке. Захоронения имели вид небольших курганообразных насыпей. Обнаружено 15 могил, сооруженных на платформах. Во всех погребениях применялся обряд кремации. Прах помещали в керамическую или деревянную урну, которую устанавливали на плоский камень в яме. Сверху их также покрывали плоским камнем. Затем погребальную урну обкладывали деревом. Над захоронением сооружали могильный домик из речных галек, диких камней или черепицы в виде бутона лотоса. После дерево, поставленное вокруг урны, поджигали. В конце надмогильное оформление засыпалось землей. При сравнении обряда захоронения и деталей погребальных сооружений могильника Новицкого с подобными памятниками, исследованными ранее, обнаруживается сходство в обряде кремации и различие в деталях погребальных сооружений.

Ключевые слова: Приморье, империя Цзинь, Средневековье, чжурчжэни, обряд захоронения, кремация.

Чжурчжэни (предки маньчжуров), создав на Дальнем Востоке империю Цзинь (1115–1234 гг.) и государство Восточное Ся (1215–1233 гг.), оставили большое количество памятников своей истории и культуры на территории Приморья, в основном городищ, поселений и культовых сооружений [Артемьева, 2005; Шавкунов, 1990]. Вопрос о существовании могильников этого времени всегда стоял достаточно актуально. Исследователи до последнего времени не имели четкого представления о характере этого рода памятников, хотя не раз подчеркивалось, что именно здесь можно ожидать выявления самобытных захоронений [Воробьев, 1983. С. 146]. Некрополи дают возможность изучать материальную и духовную культуру чжурчжэней, аутентичность которой сейчас можно проследить только на памятниках в Приморье, поскольку они обладают чистотой культурного содержания и ярко выраженными локальными особенностями. В данной статье приводятся материалы изучения нового чжурчжэньского могильника, обнаруженного на территории Приморья. Целью исследования является введение в научный оборот новых данных об обряде захоронения чжурчжэней, выявление их характерных особенностей для реконструкции погребальной традиции XII–XIII вв.

В конце XIX в. в г. Уссурийске были обнаружены два могильных комплекса, состоящих из надмогильных постаментов в виде черепашек, на которые ставились вертикальные стелы, сверху укрепленные навершиями в виде двух сцепившихся драконов¹. Такие памятники устанавливали на невысоких холмах близ погребений знатных лиц, прославленных деятелей императорского рода. Рядом с черепашками находились скульптуры воинов-охранителей, ба-

¹ Архив ПФГО. Ф. 13. Оп. 6. Д. 16.

ранов, львов, обезьян. Один комплекс принадлежал выдающемуся военному деятелю вань-яньского рода – Дигунаю (Эсыкую), который был ключевой исторической фигурой того времени в бассейне р. Суйфун [Ларичев, 1966; 1974]. Второй, по-нашему мнению, был подготовлен для погребения Пусяна Ваньну – основателя чжурчжэньского государства Восточное Ся. Вокруг этих родовых мавзолеев обнаружены курганы с захоронениями. В погребальную яму помещали деревянный ящик со сгоревшими остатками и сосуд с прахом, возможно, животного.

Если чжурчжэньский обряд захоронения в мавзолеях знатных людей восстановлен, и его можно сравнить с танскими погребениями, то вопрос о погребениях рядовых чжурчжэней, об обряде захоронения и особенностях внутри- и надмогильных сооружений, а также о месте расположения могильников долго оставался не решенным.

На территории Приморья курганообразные насыпи, отнесенные к средневековым захоронениям, зафиксированы давно [Буссе, Кропоткин, 1908. С. 10–11, 13, 26, 27, 31, 50]. Значительная часть из них представляла собой малые каменные курганы, но отмечались и курганы больших размеров в селах Загородном (Уссурийский район), Кокшаровке, Павловке (Чугуевский район), насыпанные из земли. Последние исследования у сел Загородного и Кокшаровки показали, что они не связаны с захоронениями. Нельзя также отнести к чжурчжэньскому периоду курганный могильник в долине р. Петровки [Дьяков и др., 2001; Дьяков, Дьякова, 2012; 2016].

Краскинский могильник с земляными курганными насыпями был датирован чжурчжэньским временем [Болдин, Ивлиев, 1993]. Исследовался один курган, располагавшийся в центральной части могильника. Обнаружено 12 могил, сооруженных разновременно, что дало основание исследователям отнести их к захоронениям членов одного рода. Здесь был прослежен обряд кремации покойного с дальнейшим погребением праха в могиле. Форма могильных ям округлая, диаметром около 2 м, глубиной до 0,3 м. Стенки и дно ям прямые, покрыты слоем белой глины. По углам могилы вкапывались четыре крупных гальки, на которые укладывался деревянный настил или решетка прямоугольной формы (0,95 × 1,15 м). Иногда по контуру могильной ямы прослеживалась каменная кладка. Над некоторыми погребениями находилось большое количество камней, под которыми и вокруг почва была прокалена до красно-малинового цвета. Исследователи предположили, что после разрушения могильного комплекса здесь был проведен обряд обезвреживания. В кургане обнаружены кольцевидные сооружения из крупных камней (1,7 × 2,2 м), уложенных в два ряда (высотой 15 см), заполненные прокаленной почвой – место кремации умерших [Болдин, Ивлиев, 1993. С. 265]. Углистые слои содержали много находок, большая часть которых приходилась на керамику, кости животных, фрагменты обугленного дерева и бересты, железных предметов, относящихся к XII в.

Приведенных выше данных оказалось недостаточно для полной реконструкции обряда захоронения чжурчжэней. Перспективным представлялось исследование не потревоженного могильника с хорошо сохранившимися деталями погребальных сооружений, благодаря которым, можно было бы по-новому рассмотреть чжурчжэньские материалы.

Такой могильник был обнаружен в 2 км к юго-востоку от с. Новицкого Партизанского района Приморского края.

Памятник расположен в глухом, закрытом с трех сторон распадке шириной около 600 м, вытянутом по направлению В-З. Северная и южная стороны защищены крутыми склонами, западная прикрыта высокой сопкой. По дну протекает ручей. Местонахождение памятника имеет наклон в южном направлении, северный склон сопки плавно переходит в почти ровное плато.

На площади чуть более 300 кв. м располагались семь курганообразных насыпей, возведенных на платформах (рис. 1). Основное захоронение (М-11)² находилось в западной части могильника, на платформе (9 × 6 м, высотой 0,6 м), вытянутой длинной стороной по направлению В-З. Погребение построено на возвышенной части платформы. Разрушено несанкционированными раскопками, во время которых в платформе была сделана яма (рис. 2).

² М – нумерация могил происходила по мере исследований.

Рис. 1 (фото). Могильник Новицкий (вид с востока)

Рис. 2 (фото). Могила 11 (вид с юго-востока)

На дневной поверхности прослежено небольшое скопление скальных камней, поверх которых лежали зубы коня, рог животного и два железных гвоздя. Ниже находились две плоские гальки – основание для установки урны, которые с восточной стороны подпирали вертикально поставленный большой камень (80 × 90 см), впущенный в платформу. Рядом был найден же-

лезный гвоздь. По краю грабительской ямы располагались скальные камни, укрепляющие верхнюю часть платформы. Камни шли полукругом, оконтуривая площадь диаметром около двух метров. В 60 см от них обнаружена еще одна линия камней диаметром около трех метров, расположенная параллельно первому ряду. Плиты являлись нижним краем платформы. С северной стороны между второй линией камней и ее краем обнаружены фрагменты обмазки и следы слоя горения. Камни, утрамбованные в основание платформы, были засыпаны серо-коричневым суглинком мощностью до 20 см. На ее юго-восточном краю, сразу под дерном, была обнаружена каменная база размерами $0,6 \times 0,5 \times 0,15$ м. Рядом с платформой найдены два фрагмента дна и стенки сосуда, нижняя часть которого и дно покрыты красной краской.

На этой платформе обнаружено еще три захоронения, которые располагались восточнее могилы М-11. Одно из них (М-9) зафиксировано в центральной части платформы. Надмогильный домик сооружен из скальных

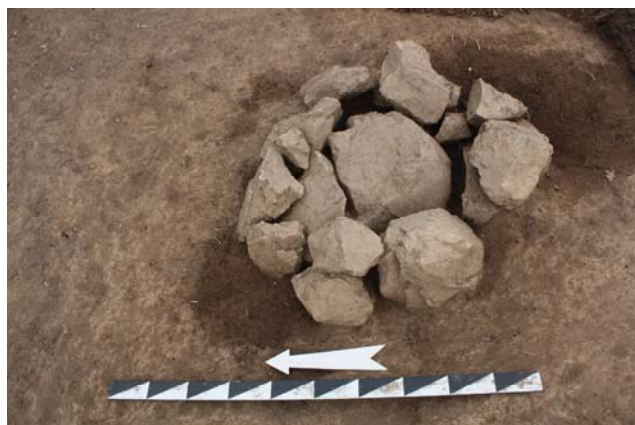

Рис. 3 (фото). Надмогильный домик на могиле 9 (вид с запада)

Рис. 4 (фото). Надмогильный домик на могиле 8 (вид с севера)

камней, выложенных по кругу диаметром 1,3 м, высотой 0,7 м (рис. 3). Верхние камни просели в центральную часть, где были найдены два фрагмента черепицы. Поверх камней со смещением в северную сторону зачищен плоский камень, который был установлен в виде крышки, прикрывающей внутреннюю часть надмогильного домика. Под ним обнаружен черный жирный слой с фрагментами пережженных косточек, углей и трех железных гвоздиков. После снятия верхних камней в центральной части найдена большая плоская каменная плита размерами $0,85 \times 0,6 \times 0,15$ м – подставка под деревянный ящик-урну. Плита по кругу была обложена камнями и установлена на поверхность платформы без углубления.

Следующая могила (М-10) диаметром около метра расположена в восточной части платформы. Верхняя часть надмогильного домика не сохранилась. Нижняя была построена из плоских галек. В северной и южной сторонах гальки поставлены вертикально, а между ними уложены гальки меньших размеров. Последние образовывали пол и боковые стороны могильного сооружения, куда должна была помещаться урна. Во внутренней части прослежен слой темного суглинка с мелкими косточками, древесным углем; там же найдены

три железных гвоздя. В 30 см юго-западнее этой могилы зачищены фрагменты четырех нижних черепиц, которые могли являться верхней частью надмогильного домика. Юго-восточнее могилы найден банковидной формы сосуд мохэского типа, который мог использоваться в качестве урны.

Между могилами М-11 и М-9 обнаружено еще одно захоронение (М-8). Оно отличалось от вышеописанных надмогильным домиком, сделанным из восьми черепиц, поставленных шалашом (рис. 4). Со временем черепицы немного сместились по нижнему краю, заняв собой площадь диаметром около 0,7 м, высотой 0,35 м. Ниже был обнаружен черный жирный слой с фрагментами пережженных косточек, помещенных, скорее всего, в деревянный ящик

размерами $0,85 \times 0,5 \times 0,12$ м, поставленный на плоскую плиту. Под ней зафиксированы мелкие фрагменты угольков. Могила возводилась на уже существующей платформе.

С юго-восточной стороны платформы с могилами М-8–М-11 на расстоянии 4 м был обнаружен железный однолезвийный прямой меч, согнутый пополам («умерщвленный») (рис. 5). Общая длина изделия 86 см, длина клинка 75 см, ширина лезвия у рукояти 3,5 см, у конца – 2,7 см, толщина 0,3–0,4 см. По состоянию изделия хорошо видно, что он побывал в огне (во многих местах лезвие приобрело темно-малиновый цвет). Под ним зачищено 11 наконечников стрел, лежавших близко друг к другу. Возможно, они находились в колчане. С южной стороны от них зафиксированы пережженные трубчатые косточки, концентрировавшиеся в кучках пережженной жирной земли. Рядом найден фрагмент днища вазовидного сосуда (урна?) со следами обгорания. Вполне возможно, что это остатки еще одной могилы.

Рис. 5 (фото). Железный меч и наконечники стрел (вид с запада)

На расстоянии около 10 м к западу от описанной платформы обнаружены еще пять площадок, расположенных по линии В-3.

На западной платформе раскопано три захоронения. У могилы, находящейся с восточной стороны (М-13), верхняя часть надмогильного домика не сохранилась. Под дерном находилось жженое пятно диаметром около метра. Ниже обнаружены гальки и скальные камни, впущенные в яму диаметром 0,6, глубиной 0,2 м, заполненную древесным углем в виде круглых плашек. Большая часть углей концентрировалась в северной части ямы. Края ямы оформлены камнями. В центре ямы найден плоский камень, который закрывал верхнюю часть вазовидного сосуда, заполненного пережженным жирным содержимым. Остатки сосуда находились на плоском камне, установленном на дне ямы. Похоже, что после установки урны на каменную подставку ее обкладывали деревянными плахами и поджигали после возведения надмогильного домика в виде шалаша. Не дав догореть дереву, захоронение засыпало землей, и горелое дерево без доступа кислорода превращалось в древесный уголь.

Западнее могилы М-13 находилась еще одна могила (М-14) с полностью разрушенным надмогильным домиком. Под дерном сразу же проявилась яма диаметром 0,7 м, глубиной 0,13 м, заполненная большим количеством древесного угля. По ее краям были зачищены скальные камни, а в центральной части – большая плоская плита – основание урны. С южной стороны от могилы обнаружены девять стенок станкового сосуда – остатки погребальной урны.

На этой платформе располагалось еще одно погребение (М-15) с надмогильным домиком, сделанным из больших скальных камней и гальки, просевших в яму диаметром 1,1 м, глубиной 0,2 м, с большим количеством древесного угля. В верхней ее части обнаружен плоский камень, лежащий на темном жирном слое мощностью до 7 см. Этот камень должен был прикрывать деревянную урну с прахом. На дне ямы зачищен плоский камень – подставка под урну.

На расстоянии около 2 м от этого объекта найдена следующая платформа. Ее размеры $1,8 \times 1,5$ м, высота около 0,2 м. Здесь находилась одна могила (М-1). В центре насыпи обнаружены камни, занимающие площадь диаметром около 0,7 м, высотой 0,25 м, поставленные шалашом, напоминающим бутон лотоса. В центральной части между камнями зачищено дно горшковидного сосуда. Под ними встречены фрагменты мелких углей, под сосудом – плоская галька размерами $0,2 \times 0,3$ м.

Следующая группа могил (М-2, М-3) располагалась в 1,5 м восточнее предыдущей платформы на возвышении размерами $3,7 \times 2,1$ м и высотой 0,15–0,2 м. При зачистке поверхности было зафиксировано, что она имеет светло-красный цвет – следы высокой температуры

Рис. 6 (фото). Надмогильный домик на могиле 4
(вид запада)

Рис. 7 (фото). Керамический горшок-урна на могиле 4
(вид с запада)

от костра, разведенного над могилами. Надмогильный домик первой могилы (М-2) сооружен из гальки, поставленной в виде бутона лотоса. Диаметр каменной кладки около 0,75 м, высота 0,3 м. Нижний край галек опущен в яму диаметром 0,9 м, глубиной 0,1 м. В яме обнаружена плоская галька диаметром 0,2 м, под которой находился жирный (горелый) слой мощностью до 0,1 м. Ниже найден плоский камень размерами 0,4 × 0,25 м, высотой 0,06 м. Всё углубление под надмогильным домиком заполнено древесным углем вперемешку с жирным горелым слоем (остатки пережженных костей). В этой могиле отсутствовала керамическая погребальная урна, которая, скорее всего, была заменена деревянным ящичком.

Надмогильный домик погребения М-3 также был сделан из поставленных в виде бутона лотоса плоских галек. Камни выставлены по кругу диаметром 0,7 м и высотой 0,35 м. В центре находилась вертикально поставленная галька, ставшая опорой для всех остальных камней. Во внутренней части погребального домика найдены фрагменты пяти железных гвоздиков длиной 3–4 см, шириной 0,5 см. После снятия камней проявилась яма-углубление диаметром около одного метра и глубиной 0,1 м, заполненная древесным углем. На дне ямы зачищены две плоские гальки: нижняя размерами 0,3 × 0,3 × 0,13 м, верхняя – 0,2 × 0,12 × 0,07 м. Между ними прослежен черный жирный слой

(прах умершего) с фрагментами мелких косточек и углей, мощностью до 5 см. В этой могиле, как и в предыдущей, керамическая урна была заменена деревянным ящичком.

Следующая группа могил (М-4–М-6) построена на платформе, располагающейся восточнее предыдущей группы. На дневной поверхности она представляла собой три примыкающих друг другу возвышения. Размеры платформы после зачистки 5,5 × 2,5 м, высота 0,35 м. Платформа состояла как бы из двух частей. Могилы 4 и 5 были сооружены одновременно, а затем платформу досыпали и в этом месте устроили могилу 6, подхоронив прах умершего к уже существующим могилам.

Могила М-4 находилась в северо-западной части платформы. Сразу под дерном фиксировался слой темной супеси и древесных углей мощностью до 0,1 м, под которым обнаружены плоские гальки, поставленные под углом, внешне напоминая бутон лотоса (рис. 6). Диаметр каменной кладки 0,8 м, высота 0,5 м. Под камнями обнаружен слой древесного угля, плоская галька, напоминающая терочник, диаметром 0,2 м; под ней зафиксирован горшковидный сосуд с ручками (рис. 7). В заполнении сосуда найдены костные остатки после кремации. Урна-сосуд была установлена на плоский камень размерами 0,5 × 0,4 × 0,2 м, помещенный в яму диаметром 0,7 м.

Еще одна могила (М-5) располагалась в юго-восточной части платформы на расстоянии 1,4 м от могилы 4. Под дерном находились плоские гальки, поставленные под углом, внешне

напоминая бутон лотоса. Верхняя часть надмогильного домика сделана из небольших по размеру скальных камней. Под ними найдено большое количество горелых плах, уходивших в яму диаметром 1 м и глубиной 0,1 м. В ее верхней части был обнаружен плоский камень, прикрывавший раздавленную чашу. В заполнении чаши находился черный жирный слой с фрагментами горелых косточек вперемешку с углями. Сосуд был поставлен на плоскую гальку, опущенную на дно ямы. Снизу края чаши укреплены мелкими камешками, удерживающими ее от рассыпания.

Могила М-6 находилась юго-восточнее могилы М-5 на расстоянии 1,4 м от нее. Надмогильный домик был построен из больших скальных камней, уложенных по кругу диаметром один метр и высотой 0,6 м (рис. 8). В северо-восточной стороне находились две поставленные под углом плоские гальки. Несколько камней «съехало» в южном направлении, верхняя часть надмогильного домика разрушена. В середине каменной кладки находился горшковидный сосуд, установленный на две плоские гальки. Они помещены в углубление диаметром 0,6 м и глубиной 0,1 м, заполненное древесным углем. В сосуде обнаружено черное жирное содержимое с фрагментами пережженных косточек и остатками черепной коробки человека. Плоская галька, которая должна была прикрывать сосуд-урну сверху, из-за разрушения верхней части надмогильного домика обнаружена южнее погребения. Там же найдены железная пряжка, два железных наконечника стрел, два железных гвоздя, фрагменты керамического сосуда (дно, венчик, стенки). Вполне возможно, что они являются инвентарем именно из этой могилы.

Рис. 8 (фото). Могила 6 (вид с юга)

На расстоянии 3 м к северо-востоку от могилы М-6 обнаружены остатки разрушенного погребения (М-7) очень плохой сохранности. От него сохранился плоский камень (терочник) размерами $0,45 \times 0,3 \times 0,1$ см – подставка под погребальную урну. Вокруг камня найдены фрагменты черепицы оранжевого цвета – остатки надмогильного домика. Камень и черепица располагались на невысокой платформе диаметром около метра и высотой 10 см. Южнее могилы найдены два железных гвоздя – остатки от деревянной погребальной урны, а также два фрагмента станкового сосуда, восемь стенок сосуда, два фрагмента венчиков лепных (мохэ-ских) сосудов, фрагмент сланцевого наконечника стрелы.

Рис. 9 (фото). Надмогильный домик на могиле 12

На расстоянии 8 м юго-восточнее могилы М-6 выявлена концентрация фрагментов черепицы серого и оранжевого цветов, которая в первом слое представляла собой черепичное крошево. Постепенными зачистками и снятием битой черепицы удалось зафиксировать, что здесь находились ее фрагменты, повернутые внутренней стороной вверх, «рассыпанные веером». Они являлись остатками надмогильного домика могилы М-12 (рис. 9). После разбора черепицы надмогильного домика обнаружен плоский камень, под которым зачищен черный жирный слой с остатками пережженных косточек, найдены пять железных гвоздиков – остатки от деревянной погребальной урны с прахом умершего. Урна устанавливалась на черепичный настил площадью $1,1 \times 0,9$ м. Над ней возвели надмогильный домик также из черепицы. Юго-восточнее от этой могилы найдены железный наконечник стрелы, железное кресало, два фрагмента лепного сосуда, фрагменты обмазки и обсидиановый ретушированный наконечник стрелы. Кроме того, на территории раскопа обнаружены три фрагмента стенок от керамического сосуда, фрагмент чугунного лемеха, четыре железных гвоздя.

Таким образом, при исследовании могильника Новицкое были обнаружены чжурчжэньские захоронения с обрядом кремации на стороне. Большая часть могил сооружалась на искусственно сделанных платформах, вытянутых по направлению В-З.

Самое высокое место по расположению занимает могила М-11, построенная на круглой в плане платформе высотой около 1 м. Ее досыпали с восточной стороны для последующих захоронений (М-8–М-10).

С западной стороны от могилы 11 сооружены еще пять платформ. На двух из них находилось по три могилы (М-13–М-15 и М-4–М-6). Между ними располагались платформа с одной могилой (М-1) и платформа с двумя могилами (М-2–3). Здесь также хорошо видно, что могила М-6 была построена позже. Северо-западнее и юго-западнее от могилы М-11 обнаружены еще два захоронения – М-7 и М-12.

Во всех погребениях прослежен обряд кремации, после чего прах умерших собирали в керамические (М-1, М-4, М-5, М-6, М-13) или деревянные (М-2, М-3, М-7–М-12, М-14, М-15) урны. На платформах выкапывались неглубокие ямы (0,1–0,2 м), на дно которых помещались

галька или плоский камень. На каменное основание ставилась урна с прахом умершего. Сверху ее закрывали камнем или галькой. Погребальную урну обкладывали деревом. Над погребением сооружали надмогильный домик из речных галек, диких камней или черепицы в виде бутона лотоса. Затем дерево, поставленное вокруг урны, поджигали. После этого надмогильное оформление засыпалось землей в виде невысоких курганов.

Обряд захоронений на исследованном могильнике одинаков: умерших кремировали и помещали прах в урны, используя при этом чжурчжэньскую кухонную посуду, сосуды более ранних периодов и деревянные ящички. Разница прослеживается лишь в деталях погребальных сооружений. В трех случаях (М-7, М-8, М-12) надмогильный домик сооружался из черепицы. Вполне возможно, что наличие именно этого признака позволяет говорить о существовании здесь не разового захоронения, а родового могильника. Внутри надмогильных конструкций вещевой инвентарь отсутствовал (обнаруженные гвоздики являются скрепляющими деталями деревянных урн). Он был зафиксирован с юго-восточной стороны от захоронений М-6 (два наконечника стрел, пряжка), М-10 (меч, 11 наконечников стрел) и М-12 (наконечник стрелы, кресало).

Сравнивая характерные особенности обряда, детали погребальных сооружений могильника Новицкое с ранее исследованными подобными памятниками на территории Приморья, за исключением могил знатных людей на родовых кладбищах в Уссурийске, можно найти как сходство, так и различия. Общим является обряд кремации на стороне с помещением костных остатков в урны (керамические сосуды или деревянные ящички). Но конструкция надмогильных сооружений отличалась.

Таким образом, могильник Новицкое, где прослежен обряд захоронения и его характерные особенности, выявлены детали погребальных сооружений, дает возможность расширить представления о погребальной традиции чжурчжэней XII–XIII вв., связав их с буддийским обрядом захоронения, во время которого тело умершего сжигали, что должно было обеспечить успешный переход покойного в загробный мир. Но если в буддизме принято развеивать прах умершего, то у чжурчжэней мы прослеживаем обряд захоронения праха умершего [Воробьев, 1983. С. 144]. Возможно, это связано со спецификой чжурчжэньского буддизма, с которым уживались более древние религии.

Список литературы

Артемова Н. Г. Городища чжурчжэней Приморья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 542–590.

Болдин В. И., Ивлиев А. Л. Отчет о полевых исследованиях на Краскинском могильнике в Хасанском районе Приморского края в 1993 году // Раскопки памятников бохайской культуры Приморья. Россия. Сеул: Ин-т азиатских исследований, 1993. 450 с.

Буссе Ф. Ф., Кропоткин Л. А. Остатки древностей в Амурском крае // Зап. Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1908. Т. 12. 66 с.

Воробьев М. В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г). М.: Наука, 1983. 367 с.

Дьяков В. И., Дьякова О. В. Курганный комплекс Петровка-9 (Приморье) // Дальневосточно-Сибирские древности: Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рождения В. Е. Медведева. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 33–40.

Дьяков В. И., Дьякова О. В. Курганы Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2016. 256 с.

Дьяков В. И., Леонова Н. Б., Сакмаров С. А. Курганы Приморья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2001. С. 103–107.

Ларичев В. Е. Тайна каменной черепахи. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 254 с.

Ларичев В. Е. Навершие памятника князю Золотой империи // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск: Наука, 1974. Вып. 4. С. 205–224.

Шавкунов Э. В. Культура чжурчжэней-удиге XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 284 с.

Список источников

Архив ПФГО. Ф. 13. Оп. 6. Д. 16. Рукопись доклада Ф. Ф. Буссе «Раскопки древностей в Южно-Уссурийском крае», прочитанного в ОИАК 10, 17 декабря 1893 г.

Материал поступил в редколлегию 15.01.2018

N. G. Artemieva

*Institute of History, Archaeology, and Ethnography
of Peoples of the Far East FEB RAS
89 Pushkinskaya Str., Vladivostok, 690650, Russian Federation*

artemieva_tg@list.ru

**A RECENTLY DISCOVERED JURCHEN BURIAL GROUND
IN PRIMORYE**

Purpose. The Manchus' ancestors, the Jurchen people who established the Jin Dynasty (1115-1234) and the Eastern Xia State (1215-1233) on the territory of the Far East, constructed many sites dated back to those periods in Primorye. Mostly, the sites are walled town, settlements and religious buildings. Up to the present day, the Jurchen burial grounds have remained a highly disputable issue and require more detailed descriptions and more accurate dating. Such a burial ground was found 2 km southeast from the village of Novitskoye in the Partizansky District of Primorye. In the article, we analyze and date the artifacts discovered.

Results. The archaeological site is located on the creek valley that is 600 m wide extending from the east to the west. The burial ground is located in a deep mountain glen closed on three sides. Fifteen platform-based graves were excavated there. We have determined that all the bodies buried there had been cremated. The ash was put into a ceramic or wooden urn and then placed onto a flat stone on the bottom of the burial pit. After that, the urn was covered with another flat stone and some wooden pieces. One of the graves was constructed on a high basement decorated with two rows of stones. A «devitalized» (embowed) sword was put over the quiver with eleven arrowheads and some remains of bone dust found on the southwestern side of the basement. A grave house made of river gravels, stones or roofing tiles was erected over the grave. Then the pieces of wood were burnt, all the graveside decorations were covered up with soil. As a result, the grave turned into a small mound. We compared the funeral rites and the constructive features of the burial ground in Novitskoye to those of the previously excavated sites and discovered certain similarities in the cremation rituals and some differences in details of the burial constructions.

Conclusion. The burial ground of Novitskoye gives archaeologists an opportunity to outline a more comprehensive concept of the Jurchen funeral traditions of the XII–XIII centuries and associate them with the Buddhist funeral ceremony. It was done by determining the ceremonial features, researching the burial constructions excavated and analyzing their chronological and social contexts.

Keywords: Primorye, Middle Age, the Jurchen, funerary ceremony, cremation.

References

Artem'eva N. G. Gorodishcha chzhurchzhenei Primor'ya [The Jurchen walled town in Primorye]. *Rossiiskii Dal'nii Vostok v Drevnosti i Srednevekov'e. Otkrytiya, problemy, gipotezy* [Russian Far East in ancient times and the Middle Ages. Discoveries, issues and hypothesis]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2005, p. 542-590. (in Russ.)

Boldin V. I., Ivliev A. L. Otchet o polevykh issledovaniyakh na Kraskinskom mogil'nike v Khasanskom raione Primorskogo kraia v 1993 godu [The report on the field research conducted on the territory of the burial ground of Kraskino in Khasansky district of Primorye in 1993]. *Raskopki*

pamyatnikov bokhaiskoi kul'tury Primor'ya. Rossiya [Excavations of the Bohajskaya culture monuments in Primorye]. Seoul, Institut aziatskikh issledovanii Publ., 1993, 450 p. (in Russ.)

Busse F. F., Kropotkin L. A. Ostatki drevnostei v Amurskom krae [The remains of antiquities in the Amur region]. *Zapiski Obschestva izucheniya Amurskogo kraja* [Notes of the society for researching the Amur Krai]. Vladivostok, 1908, vol. 12, 66 p. (in Russ.)

D'yakov V. I., D'yakova O. V. Kurgannyi kompleks Petrovka-9 (Primor'e) [The complex of burial mounds of Petrovka-9 (Primorye)]. *Dal'nevostochno-Sibirskie drevnosti. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi 70-letiyu so dnya rozhdeniya V. E. Medvedeva* [Far East-Siberian antiquities. Collection of articles devoted to the 70th anniversary of V. E. Medvedev]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2012, p. 33–40. (in Russ.)

D'yakov V. I., D'yakova O. V. Kurgany Primor'ya [Burial mounds of Primorye]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2016, 256 p. (in Russ.)

D'yakov V. I., Leonova N. B., Sakmarov S. A. Kurgany Primor'ya [Burial mounds of Primorye]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Nalchik, Omsk, Omsk State Uni. Publ., 2001, p. 103–107. (in Russ.)

Larichev V. E. Taina kamennoi cherepakhi [The secret of the stone turtle]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1966, 254 p. (in Russ.)

Larichev V. E. Navershie pamyatnika knyazyu Zolotoi imperii [Top part of the monument of a duke of the Golden Empire]. *Bronzovyi i zheleznyi vek Sibiri. Drevnyaya Sibir'* [The Bronze and Iron Age in Siberia. Ancient Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1974, iss. 4, p. 205–224. (in Russ.)

Shavkunov E. V. Kul'tura chzhurchzhenei-udige XII–XIII vv. i problema proishozhdeniya tungusskikh narodov Dal'nego Vostoka [Culture of the Jurchens-Udige in XII–XIII centuries and the origin of the Tungus peoples of the Far East]. Moscow, Nauka, 1990, 284 p. (in Russ.)

Vorob'ev M. V. Kul'tura chzhurchzh'enei i gosudarstva Tszin' (X v. – 1234 g.) [Culture of the Jurchen people and the Jin Dynasty (X – 1234)]. Moscow, Nauka, 1983, 367 p. (in Russ.)

For citation:

Artemieva N. G. A Recently Discovered Jurchen Burial Ground in Primorye. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 109–119. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-5-109-119

И. В. Балюнов

*Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
Красная пл., 1, стр. 4, Тобольск, 626152, Россия*

balyunoff@mail.ru

ТОБОЛЬСКАЯ КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА КОНЦА XVI – XVII ВЕКА: ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ

Классификация керамической посуды конца XVI – XVII в. имеет большое значение для изучения археологических материалов русских поселений Сибири. В Тобольске при раскопках был выделен культурный слой этого времени, где самыми массовыми находками являются обломки керамической посуды. Классификация этой коллекции сделана с привлечением системы статистического учета керамики русского Средневековья, разработанной В. Ю. Ковалем. Основная часть тобольской керамики является серо-коричневой и изготовлена с применением восстановительного обжига. Более качественную темно-серую лощеную и поливную посуду можно считать привозной. Выделяется значительное многообразие форм керамических сосудов, наиболее распространенной формой является горшок. Для этой формы выделяются четыре типа, каждый из которых делится на два варианта. Предварительно можно сделать вывод о том, что местное гончарное производство формировалось под влиянием традиций, возникших в центральной части страны. Тобольская посуда конца XVI – XVII в. имеет много общих черт с находками из других русских поселений в Сибири, но использование подробной типологии горшков показывает, что материалы этих памятников обладают заметными отличиями.

Ключевые слова: Тобольск, конец XVI – XVII в., посуда, керамика, горшок, тип, классификация.

Вопросы классификации русской керамики конца XVI – XVII в. в Сибири являются достаточно актуальными в археологических исследованиях. В настоящее время накоплен значительный материал, характеризующий гончарное производство за Уралом с конца XVI по XIX в. Эти коллекции с большей или меньшей полнотой введены в научный оборот, но зачастую описываются общим массивом (без выделения узко датированных комплексов). Кроме того, авторами используются различные классификационные и типологические схемы, и, следовательно, достаточно сложно создать общую хронологическую шкалу для русской керамики Сибири.

Эта проблема может быть решена через обращение к коллекциям находок, происходящих, как правило, из закрытых, точно датированных археологических комплексов или слоев, использование которых позволяет разработать типологию и хронологию различных категорий археологического материала. Приняв такие признаки, как четкие временные и географические показатели, стоит выделить некоторые исследованные археологические памятники за Уралом, материалы которых можно условно отнести к разряду эталонных. Это Лозвинский Городок (конец XVI в.) [Пархимович, 1986], Мангазея (XVII в.) [Белов и др., 1981; Визгалов, Пархимович, 2008], Албазинский острог (конец XVII в.) [Артемьев, Артемьева, 1994], Березово (XVII в.) [Пархимович, 2008]. Раскопки указанных объектов позволили получить узко датированные коллекции, прежде всего с помощью письменных источников. На Березовском городище слой XVII в. был выделен на основе стратиграфических наблюдений.

Балюнов И. В. Тобольская керамическая посуда конца XVI – XVII века: опыт классификации // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 5: Археология и этнография. С. 120–129.

Дополнить этот список может город Тобольск, где уверенно выделяются коллекции конца XVI – XVII в. Они были получены во время раскопок 2000–2007 гг. на территории двух участков Тобольского кремля – Софийского (архиерейского подворья) и воеводского дворов. Тобольский острог основан в 1587 г. на территории современного Софийского двора. Позднее, в 1594 г., он был перестроен в более крупную деревянную крепость. В начале XVII в. по соседству появился отдельный воеводский двор, а на месте первого острога в 1621 г. возникло архиерейское подворье. Очевидно, что с дальнейшим ростом города производственная и хозяйственная деятельность его жителей перемещалась в посадские кварталы. В конце XVII в. началось строительство каменного кремля, что дополнительно закрепляло особый статус архиерейского подворья и воеводского двора. Все эти факторы обуславливают выделение в стратиграфии культурного слоя, который надежно датируется концом XVI – XVII в. Нижней границей образования этих отложений следует признать 1587 г. – время основания первого Тобольского острога. Верхней хронологической границей является рубеж XVII–XVIII вв. – начало широкого каменного строительства на территории Тобольского кремля, нашедшее отражение в составе культурных напластований (для слоя конца XVI – XVII в. характерно практически полное отсутствие следов каменного строительства). Особо следует отметить, что в этом слое фрагменты глиняных сосудов являлись самыми массовыми находками, поэтому основной целью настоящего исследования является создание классификации тобольской посуды с применением статистического и сравнительного анализа.

Если обобщить опубликованные по близкой тематике материалы, то можно прийти к заключению, что частично вопрос классификации керамики авторами решался через выделение такого признака, как характер обработки поверхности и обжига керамики. Например, для Мангазеи выделены следующие группы: серо-красная, лощеная, поливная [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 88–89], для Албазинского острога – коричневая и серая [Артемьев, Артемьева, 1994. С. 166].

Кроме того, классификация делается через определение функционального назначения посуды, что обычно решается путем установления ее форм (горшки, миски, сковороды). Выделение типов (обычно внутри формы) посуды на основе таких признаков, как форма венчика, длина и форма шейки, форма плечика и ряда других особенностей, является еще одним способом классификации керамики. Этот метод наиболее часто использовался для обработки горшков и мисок, поскольку экземпляры именно этих форм являются наиболее распространенными. Примеры такого рода обработки представлены для керамики Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 88–89], Березова [Пархимович, 2008. С. 252].

На наш взгляд, названные способы классификации можно дополнить системой статистического учета керамики русского Средневековья, разработанной В. Ю. Ковалем [2016] и апробированной на значительном количестве археологических памятников Московской земли. Данная система предполагает учет таких признаков, как наличие или отсутствие поливы, состав формовочной массы, характер обжига (восстановительный или окислительный), наличие подсыпки под дно и выделение условных типов венчиков (далее УТВ). Применительно к тобольским материалам схема выделения УТВ была несколько видоизменена ввиду другого типологического набора.

Тобольская посуда являлась плоскодонной и, как правило, неорнаментированной. Обращаясь к сокращенной системе описания гончарной керамики, предложенной В. Ю. Ковалем, можно выделить такие категории, как поливная и неполивная керамика. Первая из них представлена единичными экземплярами и составляет менее 1 %. В частности, кроме разрозненных обломков определяются остатки двух поливных чернильниц и игрушка-свистулька. Неполивная по визуально определяемым признакам относится к группе керамики без видимых примесей (кроме случайных).

Далее следует определить, что, согласно делению на два отдела – окислительного и восстановительного обжига, тобольская керамика относится к последнему. На изломе основная масса черепков либо темно-серая, либо двух- или трехслойная (центральную часть излома занимает слой темно-серого цвета, прослойки светло-коричневых тонов прилегают к поверхности). Черепки черного цвета нами отнесены к группе серо-коричневой керамики, поскольку они заметно отличаются от более качественной (но тоже черной) мореной посуды, хранящейся в этнографических фондах Тобольского музея-заповедника. Такое определение

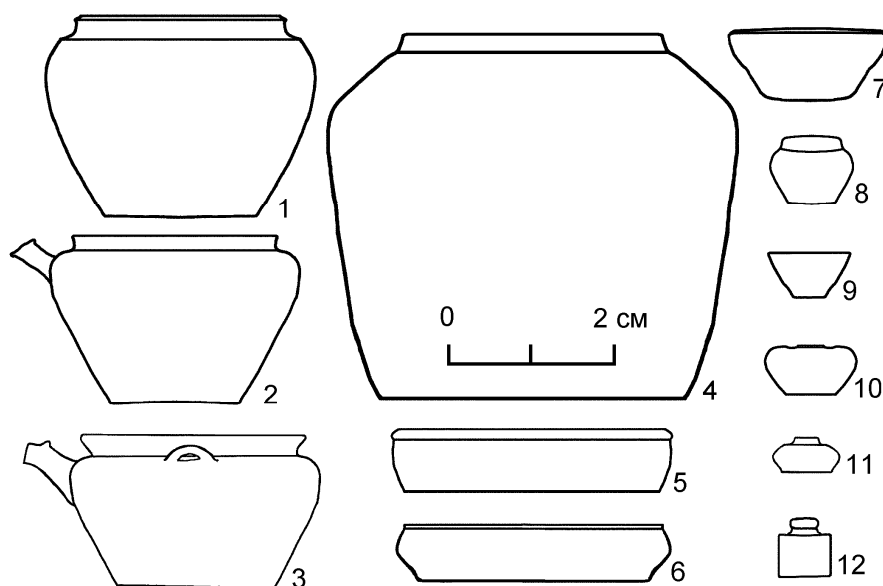
материала согласуется с выводами Р. Л. Розенфельдта, который придерживался мнения о том, что мореная посуда «получает распространение преимущественно в первой половине XVIII в., являясь поздним вариантом чернолощеной керамики» [1968. С. 28]. На черепках черного цвета, найденных в культурном слое конца XVI – XVII в. Тобольска, как правило, фиксируется слой нагара. На основании этого можно утверждать, что подобные фрагменты принадлежат кухонной посуде, и, скорее всего, черный цвет она приобрела в результате бытового использования, а не при «морении» – горновом обжиге с длительным задымлением. Таким образом, можно констатировать, что для Тобольска XVII в. характерна прежде всего серо-коричневая керамика (насколько можно судить, аналогичная серо-красной посуде, выделенной в Мангазее) [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 88].

Отдельно в общей массе найденных фрагментов по признакам дополнительной обработки поверхности выделяются немногочисленные фрагменты посуды небрежного лощения, их общее число составляет менее 3 % от общего числа находок.

Для основной массы обследованных дниц характерно отсутствие подсыпки и следов среза с круга, т. е. они являются заглаженными. Значительно реже встречаются сосуды, изготовленные с подсыпкой дресвы. В ряде случаев фиксируются закраины – кольцевой вертикальный выступ по окружности дна. Эти признаки свидетельствуют о том, что посуда изготавливалась ленточно-жгутовым способом, когда формовка производилась на ручном гончарном круге.

Собранный материал позволил выделить следующие керамические сосуды: горшки (как отдельную категорию следует отметить горшки со сливом), рукомойники, корчаги, сковороды, миски; отдельно можно обозначить единичные находки маленьких горшочков, чашечек и чернильниц (см. рисунок). Находки распределялись и по такому признаку, как практическое использование сосудов. Соответственно к кухонной посуде относятся горшки и сковороды. К столовой – миски и горшки со сливом. Для хранения продуктов использовались прежде всего горшки и корчаги. Чернильницы определены как канцелярские принадлежности.

Статистический анализ находок показал, что горшки следует считать наиболее распространенной формой керамической посуды (составляют более 90 % от общего числа собранных фрагментов). Насколько можно судить по археологически целым находкам, эту форму образуют приземистые сосуды (диаметр в самой широкой части всегда превышает высоту).

Реконструкция основных форм керамической посуды Тобольска конца XVI – XVII в.:

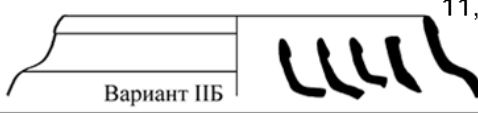
1 – горшок; 2 – горшок со сливом; 3 – рукомойник; 4 – корчага; 5, 6 – сковороды; 7 – миска;
8 – горшочек; 9 – чашечка; 10–12 – чернильницы

Устье тобольских горшков заметно шире дна, наибольшая ширина приходится на область плечиков. К сожалению, малое количество сосудов полного профиля (всего нами учтено 10 экз.) не позволяет точно установить закономерности пропорций основной массы горшков.

Ввиду фрагментарности собранного материала наиболее информативными являются верхние части сосудов. Всего нами учтено 739 фрагментов венчиков горшков, происходящих из культурного слоя конца XVI – XVII в. (табл. 1). Их осмотр позволил выделить типы (там, где многообразие находок позволяет это сделать) на основе такого признака, как конструктивная схема венчика (устье + шейка). Для горшков на основе дополнительных признаков тип подразделяется на варианты. Основываясь на том, что посуда изготавливалась с помощью ленточно-жгутового способа, когда гончарный круг использовался лишь для заглаживания поверхности стенок и частично для формирования верхней части сосуда, можно считать, что тип и вариант находятся в прямой зависимости от операций на круге. Тип отражает основные операции формирования зоны от плечика до устья, вариант – прежде всего финальные операции, когда происходило оформление устья горшка.

Таблица 1

Типы и варианты горшков

Тип I	Вариант IA		8,6 %
	Вариант IB		13,3 %
Тип II	Вариант IIA		31,8 %
	Вариант IIB		11,7 %
Тип III	Вариант IIIA		8,8 %
	Вариант IIIB		3,1 %
Тип IV	Вариант IVA		19 %
	Вариант IVB		3,4 %

Тип I – горшки с венчиками, наклоненными внутрь сосудов, состоящими практически из одного устья (шейка слабо выражена или отсутствует). Подразделяется на два варианта.

Вариант IA (8,6 %) – с короткой шейкой, место перехода в плечико едва обозначено. Форма венчика может быть представлена самыми разными вариантами, но преобладает заворот чернового края наружу с образованием утолщения или валика.

Вариант IB (13,3 %) – венчик состоит только из одного устья. Верх сосудов имеет округлую форму, часто с заворотом чернового края наружу и образованием валика.

Тип II – с почти прямой (вертикальной или чуть наклоненной вовнутрь) шейкой, переходящей в округлое плечико. Подразделяется на два варианта.

Вариант IIA (31,8 %) – с короткой шейкой; имеет округлую, прямую, округлую с валиком по внешней кромке форму верха венчика.

Вариант IIB (11,7 %) отличается удлиненной шейкой. Форма верха венчика приостренная с валиком по внешней кромке, кососрезанная с валиком по внешней кромке, очень редко прямая или округлая с валиком по внешней кромке. Горшки этого варианта также очень часто обладали лучшим, в сравнении с вариантом IIA, качеством изготовления и представляли собой тонкостенные сосуды с хорошо профилированной шейкой. Следует отметить, что к типу II принадлежат также немногочисленные горшки, которые имели на своих стенках следы небрежного лощения. Иногда такое лощение, дополненное горизонтальными канавками, образовывало сетчатый или линейный орнамент, который находит аналогии в керамике Москвы [Розенфельдт, 1968. С. 29], Мангазеи [Белов и др., 1981. С. 38–39], Томска [Черная, 2002. С. 72–75].

Тип III – с отогнутыми наружу венчиками, переходящими в округлое плечико. Представлен двумя вариантами.

Вариант IIIA (8,8 %) – с округлой шейкой (S-образного профиля), выделяется округлой или чуть приостренной формой венчика.

Вариант IIIB (3,1 %) – с прямой шейкой, характеризуется венчиком округлой, часто с канавкой по верхнему краю, формы.

Тип IV объединяет венчики с округлой, наклоненной внутрь шейкой. Плечико, как правило, подчеркнуто уступом (ребром). Тип представлен двумя вариантами, основным критерием для выделения которых является форма устья.

Вариант IVA (19 %) – венчик сформирован путем заворота чернового края внутрь, в результате чего создавались внутренний валик и небольшое утолщение края снаружи.

Вариант IVB (3,4 %) – венчик формировался заворотом чернового края наружу, в результате чего создавались валик по внешней кромке и канавка по верхнему краю.

Можно прийти к выводу, что горшки вариантов IIA и IVA имели наибольшее распространение в Тобольске конца XVI – XVII в., а горшки вариантов IIIB и IVB самые малочисленные. Соотношение других вариантов может несколько изменяться в зависимости от раскопов, откуда происходили находки.

Диаметр устья горшков определяется для 677 экз., соотношение выделенных вариантов и размеров сосудов вполне наглядно (табл. 2). Можно наблюдать, что в тобольском комплексе количественно преобладают горшки средних размеров. Следы нагара зафиксированы на подавляющем большинстве сосудов вне зависимости от размеров и типов; учитывая это, можно говорить об использовании горшков преимущественно в качестве кухонной посуды.

Отдельную категорию образуют горшки со сливом (см. рисунок, 2). Всего учтено семь фрагментов трубчатых сливов. Наиболее полно сохранившийся экземпляр имеет длину около 7 см, диаметр находок составляет от 3 до 6 см. Если судить по некоторым фрагментам, сосуды данного вида имели прямой, чуть отогнутый наружу венчик и, согласно разработанной нами классификации, они соответствуют варианту IIIB. Эти экземпляры типологически близки к московским горшкам со сливом, которые, по мнению Р. Л. Розенфельдта, использовались для молочных продуктов [1968. С. 15]. Очевидно, что горшки со сливом могли иметь широкий круг применения, хотя мы склонны относить их прежде всего к группе столовой посуды.

Особо следует отметить фрагмент слива, на котором можно рассмотреть следы небрежного лощения (диаметр устья составляет около 2,5 см). Размеры достаточно малы для того, чтобы судить о форме изделия в целом, но, учитывая более качественную отделку, можно предположить, что фрагмент является остатком рукомоиника (см. рисунок, 3). В коллекции представлен также носик умывальника, выполненный в виде головы лошади. Основная часть морды животного отбита, но неплохо сохранились части фигурки, изображающие уши и шею. Длина самого носика составляет около 4 см при внешнем диаметре до 3 см и внутреннем 0,6–1 см. Ввиду того что в культурном слое конца XVI – XVII в. целых экземпляров

этого вида посуды не обнаружено, мы можем составить представление о рукомойниках на основе находок, происходящих с территории Мангазеи [Белов и др., 1981. С. 38] и Томского кремля [Черная, 2002. С. 73].

Таблица 2

Количественное соотношение вариантов и размеров горшков

Вариант	Малые (80–15 см)		Средние (16–23 см)		Большие (24–31 см)	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Ia	12	7,3	38	8,4	5	8,9
Iб	31	18,8	51	11,2	7	12,2
IIa	45	27,3	146	32	11	19,2
IIб	14	8,5	55	12	7	12,2
IIIa	14	8,5	40	8,8	12	21,1
IIIб	4	2,4	15	3,3	1	1,8
IVa	32	19,3	102	22,5	12	21,1
IVб	13	7,9	8	1,8	2	3,5
Всего	165	100	455	100	57	100

Фрагменты больших толстостенных горшков (7 экз.) с широко раздутым туловом определяются нами как остатки корчаг (см. рисунок, 4). Эти сосуды использовались исключительно для хранения продуктов, в подтверждение чему следует отметить отсутствие на их стенках следов нагара. Особенностью формы таких изделий является прямая короткая шейка, переходящая в покатое плечико. Венчик сверху округлый или округлый с внешним валиком, диаметр устья составляет 17–25 см. Толщина стенок колеблется в пределах 0,7–1,2 см. Судя по всему, корчаги несколько отличаются от основной массы горшков как пропорциями, так и формой верхней части.

Миски редко представлены полными профилями, всего выявлено 25 венчиков. Насколько можно судить по трем находкам, поддающимся реконструкции, это сосуды открытого типа в виде усеченного конуса, обращенного основанием вверх (см. рисунок, 7). Верх венчиков преимущественно округлой формы – 19 экз., округлый с внешним валиком – 10 экз., в 6 случаях косо срезан. Два фрагмента несут на своей поверхности следы небрежного лощения. Обнаруженные экземпляры можно подразделить на три группы, взяв за основу диаметр устья: малые – 11–15 см (9 экз.), средние – 17–21 см (15 экз.), большие – 23–28 см (9 экз.).

Найдено три фрагмента керамики, которые достоверно можно определить как сковороды. Выделяются два типа.

Тип I представлен открытыми сосудами, по форме напоминающими миски, но заметно превосходящими их по размерам – диаметр устья 25–26 см (см. рисунок, 5). Высота найденных фрагментов составляла 4 и 7 см. Верх венчика округлый с валиком.

Тип II объединяет закрытые сосуды, верхняя часть стенки которых была наклонена внутрь, верх венчика кососрезанный с валиком и канавкой по верхнему краю (см. рисунок, 6). Высота сковороды составляла 6,5 см, другие размеры не определяются.

Маленькие горшочки представлены двумя находками, один из них может быть реконструирован полностью (см. рисунок, 8). Это сосуды с невысокой прямой шейкой и округлым верхом венчика, плечико покатое, переходящее в тулово через уступ (ребро). Археологически целый экземпляр имел высоту 6 см, диаметр устья 4,5 см, диаметр дна 4 см. У второго был определен только диаметр устья – 4 см.

Чашечка представлена находкой единичного фрагмента, по которому можно судить о ее полной форме (см. рисунок, 9). Сосуд является уменьшенной копией мисок, диаметр дна 4 см, диаметр устья 7 см, высота 4 см.

Определить точно, с какой целью маленькие горшочки и чашечка использовались в быту, достаточно сложно.

Насколько можно судить по найденным фрагментам чернильниц, они заметно отличаются друг от друга формами и качеством изготовления (см. рисунок, 10–12) [Балюнов, 2016. С. 67]. Представленные образцы находят достаточно точные аналогии в Москве [Розенфельдт, 1968. С. 52–53] и Мангазее [Белов и др., 1981. С. 39]. Можно предположить, что посуда этого вида не изготавливалась на месте, а являлась привозной.

Говоря о керамическом производстве в Тобольске XVII в., необходимо учитывать данные письменных источников, опубликованные О. Н. Вилковым. Для 1623–1624 гг. им был зафиксирован всего лишь один мастер-горшечник, являвшийся служилым человеком. Автор оперирует, кроме того, данными за 1654–1655 и 1697–1698 гг., однако при значительном количестве ремесленников других специальностей ни одного производителя глиняной посуды им не выявлено. Но в 1720 г. гончаров он зафиксировал уже восемь человек [Вилков, 1967. С. 73].

Археологический материал позволяет утверждать, что керамическое производство в Тобольске XVII в. было развито хорошо. Такой вывод следует из представленной классификации гончарной посуды. Отдельно заметим, что в Тобольске известны находки гончарных клейм XVII в. [Балюнов, 2016. С. 68]. По нашему мнению, каждый из выделенных вариантов посуды, вероятно, может примерно характеризовать какую-то ремесленную традицию (своего рода индивидуальный почерк гончара или мастерской).

Можно провести некоторые сопоставления тобольских типов с условными типами венчиков, выделенными В. Ю. Ковалем на московских материалах. Тобольский тип I примерно соответствует УТВ-10. Подобная профилировка венчиков появилась в гончарстве Москвы и Подмоскovie в XVI в. и широко распространилась в XVII–XIX вв. Происходила же она, несомненно, из керамической традиции Северо-Западной Руси и находила многочисленные аналогии [Коваль, 2016. С. 119–120]. Тип II соответствует УТВ-4. По мнению автора, венчики этого типа характерны для белоглиняной керамики гжельского региона XVI в., которую в московском регионе называют «белой грубой» керамикой [Там же. С. 118]. Тип III можно сопоставить с УТВ-6 – изогнутые и отогнутые наружу венчики без следов заворота «чернового» края (т. е. со скругленным, заостренным или срезанным «чистовым» краем) существовали во все периоды, но особенно широкое распространение получили в XV–XVII вв. [Там же. С. 118]. Следует заметить, что механическое сопоставление тобольских типов и московских УТВ еще не является основанием для широких выводов, но позволяет обозначить некоторые из возможных путей формирования гончарного производства в Сибири. Особо отметим вариант IVa (19 % от общего числа), когда венчик формировался путем смещения «черного края» внутрь (см. рисунок, 1) (данный признак характерен и для керамики «московских» земель) [Коваль, 2001. С. 105–106].

Эти и некоторые другие признаки позволяют утверждать, что тобольская посуда имеет определенные сходство с керамикой того же времени, происходящей из культурных слоев Москвы, Коломны и других соседних с ними городов [Коваль, 2001. С. 105; 2011. С. 318–319]. Данная тема требует дополнительной проработки и детального исследования, но уже сейчас можно обосновать предварительный вывод о том, что местное гончарное производство формировалось под влиянием ремесленных традиций, возникших в центральной части страны [Балюнов, 2016. С. 67–68].

Более качественная темно-серая лощеная и поливная посуда, представленная единичными экземплярами, относится, очевидно, к привозной продукции. Как отмечал В. Ю. Коваль, главным производителем чернолощеной посуды до конца XVII в. в границах Русского государства являлась Москва, хотя ее начинали изготавливать и в других крупных городах – Твери, Рязани, Владимире; поливная посуда изготавливалась, вероятно, только в Москве [2011. С. 319].

В целом, тобольская посуда конца XVI – XVII в. имеет много общих черт с керамикой, найденной на территории других русских поселений в Сибири, в частности заметное сходство обнаруживается в наборе форм. В научной литературе неоднократно встречается тезис о том, что та или иная гончарная посуда находит многочисленные аналогии как в сибирских, так и в европейских материалах. Но это создает ложное ощущение, что русская керамика везде практически одинаковая. Как следствие, слепое следование этому тезису препятствует полноценному изучению керамических комплексов. Обращение к опубликованным материа-

лам показывает, что при всей кажущейся «похожести» керамика XVII в. Мангазеи, Албазинского острога и Тобольска обладала существенными различиями, особенно заметными при сопоставлении типов горшков. Отличия наблюдались также в технологии производства, в характере обработки поверхности посуды и пр. Можно прийти к выводу, что для каждого памятника был характерен свой особый керамический комплекс, который требует подробного изучения и систематизации. В перспективе, работа по изучению тобольской посуды может быть продолжена, например, для составления широкой хронологической шкалы.

Список литературы

Артемов А. Р., Артемова Н. Г. Керамика Албазинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1994. Т. 1. С. 165–170.

Балюнов И. В. Археологические свидетельства влияния Северо-Восточной Руси на материальную культуру населения города Тобольска конца XVI – XVII в. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. № 5 (43). С. 67–71.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981. 147 с.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.

Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. 324 с.

Коваль В. Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. 2001. № 1. С. 98–109.

Коваль В. Ю. Керамическое производство в центральных районах России в XVII–XIX вв. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Ом. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 317–323.

Коваль В. Ю. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). М.: Изд-во ИА РАН, 2016. 128 с.

Пархимович С. Г. Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI–XVII вв.) // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. С. 138–143.

Пархимович С. Г. Коллекция артефактов из раскопок Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. С. 251–262.

Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVII вв. // САИ. М.: Наука, 1968. Вып. Е1-39. 124 с.

Черная М. П. Томский кремль середины XVII – XVIII в.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. 187 с.

Материал поступил в редколлегию 21.02.2018

I. V. Balyunov

*Tobolsk Historical and Architectural Museum Reserve
1 Krasnaya ploshchad, build. 4, Tobolsk, 626152, Russian Federation*

balyunoff@mail.ru

TOBOLSK'S CROCKERY AT THE END OF THE 16th – 17th CENTURIES: EXPERIENCE OF CLASSIFICATION

Purpose. Fragments of clay vessels are the most massive findings from the cultural layer of the town of Tobolsk. The development of classification is the main task of the research of Tobolsk's crockery with using statistical and comparative analyzes.

Results. The classification of ceramic's crockery at the ending of the 16th–17th centuries has a most importance for studying the archaeological materials of Russian settlements in Siberia. Their volumes have already reached immense sizes, but many questions of chronology and systematization remain unresolved. For solve this problem necessary to determinate the archaeological objects of the Russian population, where standing out the complexes of findings are reliably dated by a narrow period of time. At the end of the 16th–17th centuries objects are Lozvinsky Gorodok, Mangazeya, Berezovo, Albazinsky Ostrog characterized that period. In Tobolsk, during archaeological works, was singled out a cultural layer at the ending of the 16th–17th centuries, where the most massive findings are fragments of ceramic crockery. For create a classification of this collection necessary to learn experience of studying the materials of the other objects in Siberia. The most importance is using the system of statistical registration of ceramics from the epoch of the Russian Middle Ages, developed by V. Yu. Koval. Learning of Tobolsk crockery at the ending of the 16th–17th centuries allows to distinguish the following forms of ceramic vessels: pots (a separate category of pots with plums), wash basins, bowls, frying pans, inkwells. Possibly to designate separately single findings of small pots, cups. The systematization forms of the upper parts of the pots allows to distinguish four types, each of them is divided in two variants. The main part of the crockery are made with the use of restorative roasting, it is defined as gray-brown. Better quality dark-gray glazed dishes (represented by single samples) can be defined as imported products.

Conclusion. Previously, the local pottery production was formed under the influence of handicraft traditions that had emerged in the central part of the country. Tobolsk's crockery at the ending of the 16th–17th centuries has many similarities with ceramics was found in the territory of the other Russian settlements in Siberia. Differences are also observed in the technology of production, in the character of the processing surface of crockery and others. We can do the conclusion that for each site there is a special ceramic complex, which requires detailed learning and systematization.

Keywords: Tobolsk, ending of the 16th–17th centuries, crockery, ceramics, pot, type, classification.

References

- Artem'ev A. R., Artem'eva N. G. *Keramika Albazinskogo ostroga* [Ceramics of Albazinsky Ostrog]. *Russkie pervopromkhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya* [Russian pioneers in the far East in the XVII–XIX centuries. Historical and archaeological research]. Vladivostok, DVO RAS Publ., 1994, vol. 1, p. 165–170. (in Russ.)
- Balyunov I. V. *Arkheologicheskie svidetel'stva vliyaniya Severo-Vostochnoi Rusi na material'nyu kul'turu naseleniya goroda Tobol'ska kontsa XVI – XVII v.* [Archaeological evidence of the influence of the North-Eastern Russia on the material culture of the population of the town Tobolsk at in the end of 16th – 17th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorika* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2016, vol. 5 (43), p. 67–71. (in Russ.)
- Belov M. I., Ovsyannikov O. V., Starkov V. F. *Mangazeya. Material'naya kul'tura russkikh pol'yarnykh morekhodov i zemleprokhodtsev XVI–XVII vv.* [Mangazeya. Material Culture of Russian Polar Explorers and Navigators 16–17th centuries]. Moscow, Nauka, 1981, 147 p. (in Russ.)
- Chernaya M. P. *Tomskii kreml' serediny XVII – XVIII v.: Problemy rekonstruktsii i istoricheskoi interpretatsii* [Tomsk Kremlin in the mid 16th – 17th centuries. The problems of reconstruction and historical interpretation]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2002, 187 p. (in Russ.)
- Koval' V. Yu. *Beloglinskaya keramika v srednevekovoi Moskve* [White-clay ceramics in medieval Moscow]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2001, no. 1, p. 98–109. (in Russ.)
- Koval' V. Yu. *Keramicheskoe proizvodstvo v tsentral'nykh raionakh Rossii v XVII–XIX vv.* [Ceramic production in the central regions of Russia in the 17–19th centuries]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii* [Russian culture in archaeological research. Interdisciplinary methods and technologies]. Omsk, 2011, p. 317–323. (in Russ.)
- Koval' V. Yu. *Pervichnaya fiksatsiya massovogo keramicheskogo materiala (na pamyatnikakh epokhi Srednevekov'ya i rannego zheleznogo veka lesnoi zony Vostochnoi Evropy)* [Primary fixa-

tion of mass ceramic material (on the monuments of the Middle Ages and early Iron Age of the forest zone of Eastern Europe)]. Moscow, IA RAS Publ., 2016, 128 p. (in Russ.)

Parkhimovich S. G. Nekotorye itogi izucheniya pamyatnikov russkoi kolonizatsii Vostochnogo Urala i Zapadnoi Sibiri (XVI–XVII vv.) [Some results of the study of Russian colonization monuments in the Eastern Urals and Western Siberia (16–17th centuries)]. *Problemy uralo-sibirskoi arkheologii* [Problems of Ural-Siberian Archaeology]. Sverdlovsk, UrSU Publ, 1986, p. 138–143. (in Russ.)

Parkhimovich S. G. Kolleksiya artefaktov iz raskopok Berezovskogo gorodishcha [Collection of artefacts from the excavations of Berezovsky settlement]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian culture in archaeological research]. Omsk, Omsk State University Publ., 2008, p. 251–262. (in Russ.)

Rozenfel'dt R. L. Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVII vv. [Moscow ceramic production of the 12–17th centuries]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Collection of archaeological sources]. Moscow, 1968, iss. E1-39, 124 p. (in Russ.)

Vizgalov G. P., Parkhimovich S. G. Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.) [Mangazeya new archaeological research (materials dated 2001–2004)]. Ekaterinburg, Nefteyugansk, Magellan Publ., 2008, 296 p. (in Russ.)

Vilkov O. N. Remeslo i trgovlya Zapadnoi Sibiri v XVII v. [Craft and Trade in Western Siberia in the 17th century]. Moscow, Nauka, 1967, 324 p. (in Russ.)

For citation:

Balyunov I. V. Tobolsk's Crockery at the End of the 16th – 17th Centuries: Experience of Classification. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 120–129. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-5-120-129

Ю. С. Худяков

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

khudjakov@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЫЕ КОПЬЕ И НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА ИЗ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ, АЛТАЯ И КАЗАХСТАНА *

Исследуется коллекция железного оружия, собранная в ходе экспедиции 1840–1843 гг. А. И. Шренком. Собрание в настоящее время хранится в МАЭ РАН. Планировалось проанализировать и классифицировать по формальным признакам железные предметы вооружения из рассматриваемой коллекции; изложить аргументацию в отношении их этнокультурной принадлежности. Изученные изделия были нами классифицированы по формальным признакам на группы и типы, в зависимости от особенностей сечения и формы пера каждого наконечника. Предложено обоснование хронологии и культурной принадлежности типов железных наконечников копья и стрел, выделенных в процессе анализа. Проанализированные предметы вооружения могли принадлежать представителям различных средневековых этносов и этнических групп и относиться к различным хронологическим периодам. Полученные сведения дополнили представления о наборе предметов вооружения дистанционного и ближнего боя, применявшихся на территории Западной Сибири, Степного Алтая, Северного и Восточного Казахстана на протяжении раннего и развитого Средневековья.

Ключевые слова: степной Алтай, Западная Сибирь, Северный и Восточный Казахстан, археологические памятники, находки железных предметов вооружения, копье, наконечники стрел.

Наряду с изучением вещественных материалов из современных раскопок археологических памятников весьма важным в научной деятельности является изучение находок предметов вооружения из музейных коллекций. Актуальность такого исследования заключается в расширении источниковой базы по определенной оружейведческой научной теме.

Цель настоящей работы – введение в научный оборот железных предметов вооружения, собранных ботаником Санкт-Петербургского ботанического сада А. Шренком в 1840-х гг. во время путешествия по степным районам Западной Сибири, Степного Алтая и Восточного Казахстана. В числе актуальных научных задач, которые требуется решить в ходе ее реализации, необходимо выделить значимые результаты истории изучения древностей в южных районах Сибири в XVIII – первой половине XIX в., проанализировать и классифицировать по формальным признакам железные предметы вооружения из рассматриваемой коллекции, изложить аргументацию в отношении их этнокультурной принадлежности.

Изучение древностей в южных районах Сибири и на сопредельных территориях Центральной Азии европейскими учеными, работавшими в составе российских научных экспе-

* Исследование проведено в рамках Программы НИР XII.186.2 (проект № 0329-2018-0003).

диций, началось в первые десятилетия XVIII в. Наряду со сбором исторических сведений исследователи обращали внимание на различные древние предметы, которые они приобретали у бугровщиков, а также сами пытались раскапывать древние и средневековые могилы, которые приписывали народу «чуди». Среди наиболее ранних коллекций археологических находок, собранных для Кунсткамеры, преобладали разнообразные предметы декоративно-прикладного искусства [Brentijes, Vasilievsky, 1989. S. 24–25, 170–171]. Однако вместе с ними внимание ученых привлекали отдельные хорошо сохранившиеся бронзовые и железные предметы древнего и средневекового вооружения. В составе коллекции, привезенной Д. Г. Мессершмидтом, имелись отдельные железные трехлопастные и трехгранно-трехлопастные наконечники стрел различных форм, характерные для вооружения культуры енисейских кыргызов [Борисенко, Худяков, 2005. Рис. 18]. В ходе работы Великой Северной экспедиции Императорской Академии наук по инициативе Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина были произведены раскопки древних захоронений и собрана представительная коллекция, в составе которой имелись бронзовые чеканы и кинжалы, бронзовая средневековая бляшка с изображением конного лучника [Миллер, 1999. Рис. 24; 27]. Участниками этой экспедиции собраны многие информативные русские летописные письменные источники, повествующие в том числе о военных столкновениях отрядов русских казаков и служилых людей с тюркскими и монгольскими кочевниками в южных районах Западной Сибири [Миллер, 2000. С. 107–134]. В сочинении П. С. Палласа, подготовленном по результатам его путешествия по Северной Азии, приведены рисунки тагарских бронзовых кинжалов [Борисенко, Худяков, 2005. Рис. 47]. И. П. Фальк описал несколько антропоморфных каменных изваяний из Минусинской котловины [1824. С. 532]. В конце XVIII в. путешествие по Алтаю, степям Казахстана и долине Иртыша до оз. Нор-Зайсан совершил И. Э. Сиверс. Он произвел раскопки двух захоронений, в одном из которых обнаружил древний бронзовый котел. Им было также раскопано средневековое погребение с конем, в котором найдены палаши и железные трехлопастные наконечники стрел [Борисенко, Худяков, 2005. С. 136].

В 1840–1843 гг. по территории степных районов Западной Сибири, равнинного Алтая, а также по «Киргизской степи» (северным и восточным районам Казахстана), входившим ранее в состав Джунгарии, совершил путешествие А. И. Шренк. Наряду с изучением природных условий он весьма деятельно интересовался историей и собрал значительную коллекцию древних и средневековых предметов, вероятно, происходивших из раскопок бугровщиков. В Каракаралинском округе им был раскопан курган, который он отнес к «чуди». Несмотря на то что сопроводительного инвентаря обнаружено не было, оказались зафиксированы некоторые конструктивные особенности изученного погребального сооружения [Демин, 1989. С. 52]. Среди собранных А. И. Шренком археологических находок представлены разнообразные изделия, изготовленные из камня, бронзы и железа. Особый интерес представляют разнообразные бронзовые и железные предметы вооружения, которые могут быть предметом целенаправленного оружейведческого изучения. В составе коллекции имеется весьма редкая археологическая находка – бронзовая подвесная бляшка, на которой изображен пеший лучник в шлеме и панцире, с луком и стрелой в руках, с колчаном на поясе, с округлым щитом за спиной [Борисенко, Худяков, 2005. С. 158]. Данный экземпляр неоднократно привлекал внимание исследователей и заслуживает самостоятельного научного изучения. Большая часть артефактов, привезенных из экспедиции А. И. Шренком, еще не становилась предметом научного исследования.

В числе находок различных железных предметов вооружения имеется единственный наконечник копья. Сведений о его местонахождении в коллекционной описи нет. Длина пера – 12 см, ширина – 2,4 см, длина втулки – 10,4 см. Наконечник копья с остроугольным острием, удлиненно-ромбическим пером, покатыми плечиками, длинной конической втулкой с вытянутым, сомкнутым по всей длине швом и округлым отверстием в нижней части втулки, которое было предназначено для крепления к древку (рис. 1, 1). По материалу изготовления он относится к классу железных, по способу крепления насада – к отделу втульчатых. По сечению пера его можно отнести к группе наконечников копий с уплощенно-ромбическим в сечении пером. По форме пера изделие выделено в отдельный тип. Тип 1 представлен удлиненно-ромбическими наконечниками копий.

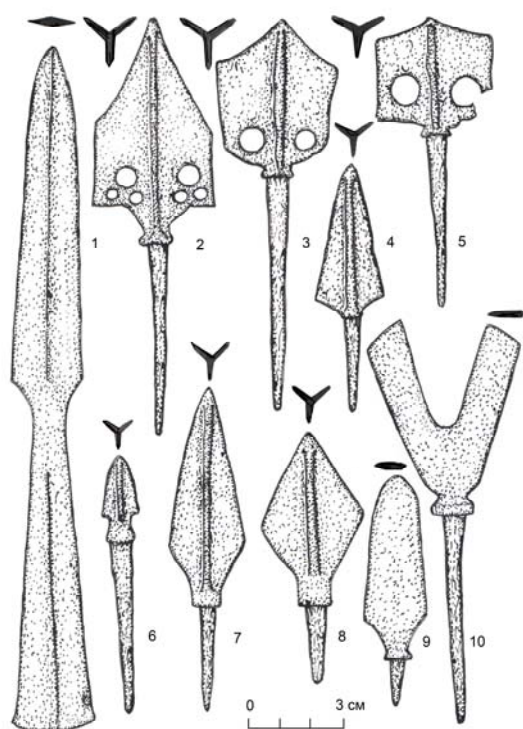

Рис. 1. Железные наконечник копья, трехлопастные и плоские наконечники стрел: 1 – наконечник копья; 2–8 – трехлопастные наконечники стрел; 9, 10 – плоские наконечники стрел

В течение раннего Средневековья подобные копья с уплощенно-ромбическим в сечении пером удлинненно-ромбической формы были на вооружении у кимакских воинов в Верхнем Приобье и Степном Алтае. В последующем близкие по форме экземпляры применялись населением равнинных районов Алтая. В позднем Средневековье оружие с аналогичным сечением и формой пера на удлинненной конической втулке имелось на вооружении у сибирских татарских воинов. В это же время телеуты Верхнего Приобья и Степного Алтая имели в своем распоряжении копья с плоским в сечении пером удлинненно-ромбической формы с завитками-отрожками на шейке. Казахские воины использовали копья с трехгранными, ромбическими, квадратными и плоскими в сечении наконечниками.

Судя по приведенным выше аналогиям, втульчатый наконечник копья можно отнести к комплексу вооружения воинов Верхнего Приобья и Степного Алтая развитого Средневековья.

Большую часть находок в составе изучаемого собрания составляют наконечники стрел. По материалу изготовления все они относятся к одному классу – железных, по способу наса-

да – к отделу черешковых. По сечению пера выделяется две группы наконечников. К первой относятся наконечники с трехлопастным в сечении пером. По форме пера среди них выделяется несколько типов наконечников.

Тип 1 объединяет два вытянуто-пятиугольных наконечника стрел. Сведения о местонахождении отсутствуют. Длина пера – 5,2 см, ширина – 3,5 см, длина черешка – 5,5 см. Наконечники с остроугольным или тупоугольным острием, вытянуто-пятиугольным пером, прямыми плечиками и выделенным упором. В нижней части лопастей одного из них имеется по три округлых отверстия, одно из которых крупнее двух других. На лопастях пера другого экземпляра есть по одному крупному округлому отверстию. Одна из его лопастей повреждена и частично обломана (рис. 1, 2, 5).

Тип 2 включает один удлинненно-шестиугольный наконечник стрелы. Данных о его местонахождении нет. Длина пера – 5 см, ширина – 4 см, длина черешка – 7,2 см. Наконечник с тупоугольным острием, удлинненно-шестиугольным пером, покатыми плечиками, упором. В нижней части лопастей имеются крупные округлые отверстия (рис. 1, 3).

Тип 3 состоит из трех удлинненно-ромбических наконечников стрел. Один из них происходит из местонахождения Шемонаиха в Степном Алтае. Длина пера – 6 см, ширина – 2,7 см, длина черешка – 2,7 см. Наконечники с остроугольным острием, удлинненно-ромбическим пером и покатыми плечиками. У одного из них выделен упор (рис. 1, 4, 7, 8).

Тип 4 представлен единичным боеголовковым наконечником стрелы. Сведений о его местонахождении не имеется. Длина пера – 2,7 см, ширина – 1,2 см, длина черешка – 5,5 см. Наконечник с остроугольным острием, выделенной боеголовкой удлинненно-треугольной формы и короткой шейкой с упором (рис. 1, 6).

Ко второй группе стрел относятся железные наконечники с плоским в сечении пером. По форме пера выделяется несколько типов.

Тип 1 – овально-крылатые наконечники стрел. Выделено три экземпляра. Информации о местонахождении нет. Длина пера – 9,5 см, ширина – 5,2 см, длина черешка – 6,2 см. Наконечники с овальным острием, выступающими крыльями, пологими или полуовальными плечиками, выделенным упором (рис. 2, 1, 5, 7).

Тип 2 представлен пятью секторными наконечниками. Данные о местонахождении отсутствуют. Длина пера – 7,5 см, ширина пера – 4 см, длина черешка – 5,5 см. Наконечники стрел с закругленным острием, широким пером, пологими плечиками, выделенным упором (рис. 2, 2, 4, 6, 8).

Тип 3 – форма наконечников полуовальная. Включает два экземпляра. Сведения о местонахождении отсутствуют. Длина пера – 7,5 см, ширина – 3,2 см, длина черешка – 2,6 см. Наконечники с закругленным острием, полуовальным пером, пологими или покатыми плечиками, упором (рис. 1, 9; 2, 3).

Тип 4 объединяет два вильчатых наконечника стрел. Информации о местонахождении нет. Длина пера – 7 см, ширина – 2,6 см, длина черешка – 7 см. Наконечники со скошенными двумя остриями, раздвоенным пером, пологими плечиками, упором (рис. 1, 10).

Несмотря на то что о местонахождении большей части артефактов нет каких-либо данных, ранее было высказано предположение о том, что эти все эти предметы вооружения были найдены в «чудских» могилах [Демин, 1989. С. 52]. Однако вполне возможно, что они были обнаружены на поверхности.

Железные трехлопастные наконечники стрел разных форм получили достаточно широкое распространение в составе оружейных комплексов народов Центрально-Азиатского историко-культурного региона в хунно-сяньбийскую эпоху и продолжали применяться вплоть до этнографической современности. Трехлопастные стрелы удлинненно-ромбической формы использовались хуннскими лучниками в Южной Сибири и Центральной Азии в III в. до н. э. – II в. н. э. [Коновалов, 1976. Табл. I, 1; Давыдова, 1985. Рис. XII, 2–3]. Схожие экземпляры с трехлопастным в сечении пером удлинненно-ромбической и удлинненно-шестиугольной формы были обнаружены в составе сопроводительного инвентаря в памятниках кок-пашской культуры Восточного Алтая второй четверти I тыс. н. э. [Бобров и др., 2003. Рис. 27, 8–10; 29, 1, 4]. В наборе железных стрел кокзельской культуры в Туве представлены удлинненно-ромбические, удлинненно-шестиугольные и боеголовковые наконечники. Подобные трехлопастные изделия вытянуто-пятиугольного и удлинненно-шестиугольного типов имелись в арсенале древнетюркских лучников в Горном Алтае во время существования Первого Тюркского и Второго Восточного Тюркского каганатов [Горбунов, 2006. С. 28–29]. Близкие по своим конструктивным особенностям массивные трехлопастные наконечники вытянуто-пятиугольной, удлинненно-шестиугольной и удлинненно-ромбической формы были на вооружении у енисейских кыргызов в Южной Сибири в течение раннего и развитого Средневековья. Трехлопастные стрелы с выделенной боеголовкой и укороченной шейкой с упором применялись в эпоху Кыргызского Великодержавия (IX–X вв.). Трехлопастные вытянуто-пятиугольные, удлинненно-шестиугольные и удлинненно-ромбические экземпляры были на вооружении у древнетюркских стрелков в конце I тыс. н. э. В развитом Средневековье трехлопастные наконечники стрел удлинненно-ромбической и удлинненно-шестиугольной форм имелись на вооружении у енисейских кыргызов; удлинненно-шестиугольные применялись кыштымскими племенами Южной Сибири и воинами Степного Алтая.

Железные наконечники стрел с плоским в сечении пером начали применяться в конце I в. до н. э. – начале I в. н. э. хуннами в Центральной Азии [Коновалов, 1976. Табл. I, 7]. В последующий период они были на вооружении у сяньбийских воинов. В течение раннего Средневековья в арсенале древнетюркских лучников были стрелы с плоскими железными наконечниками овально-крылатой, секторной и вильчатой формы. Изделия подобных типов

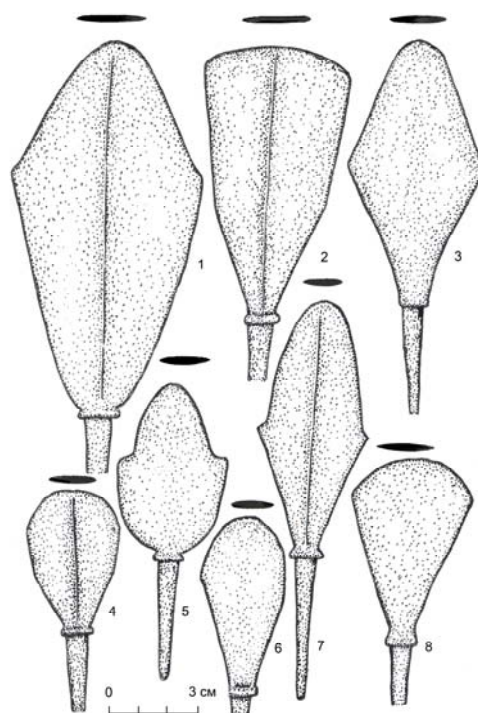

Рис. 2. Железные плоские наконечники стрел (1–8)

имелись в наборе енисейских кыргызов и вассальных им племен кыштымов, у населения Тувы и степного Алтая, а также восточных кыпчаков, проживавших на территории Южной Сибири в развитом Средневековье. Близкие по форме секторные плоские экземпляры сохранились на вооружении у сибирских татар в Западной Сибири в позднем Средневековье и вплоть до начала Нового времени. В памятниках Прииртышья, относящихся к началу II тыс. н. э., есть плоские вильчатые стрелы [Конигов, 1987. С. 165]. В вооружении сибирских татар имеются подобные наконечники с плоским в сечении пером овально-крылатой формы [Матвеев, Татауров, 2012. Рис. 36, 38, 39].

В итоге проведенного нами изучения коллекции А. И. Шренка установлено, что, судя по приведенным аналогиям, она содержит предметы вооружения, которые могли принадлежать кимакам, восточным кыпчакам, сибирским татарам, енисейским кыргызам и другим этносам, проживавшим на территории Западной и Южной Сибири, Восточного Казахстана в раннем, развитом и позднем Средневековье.

Список литературы

- Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А.* Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 223 с.
- Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2005. 270 с.
- Горбунов В. В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. Ч. 2: Наступательное вооружение (оружие). 232 с.
- Давыдова А. В.* Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 111 с.
- Демин М. А.* Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 120 с.
- Фальк И. П.* Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею наук, по предложению президента. СПб.: [Б. и.], 1824. Т. 4. 546 с.
- Конигов Б. А.* О вооружении прииртышского населения начала II тыс. н. э. (по материалам памятников Омской области) // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–171.
- Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 248 с.
- Матвеев А. В., Татауров С. Ф.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во «Фэн», 2012. 260 с.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Вост. лит., 1999. Т. 1. 630 с.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Вост. лит., 2000. Т. 2. 796 с.
- Brentjes B., Vasilievsky R. S.* Schamanenkrone im Weltbaum. Kunst der Nomaden Nordasiens. Leipzig: Seemann, 1989. 203 S.

Материал поступил в редколлегию 18.02.2018

Yu. S. Khudyakov

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

khudjakov@mail.ru

AN IRON SPEAR AND ARROW TIPS IN THE COLLECTION OF MIDDLE 19th CENTURY FOUND IN WESTERN SIBERIA, ALTAI MOUNTAINS AND KAZAKHSTAN

Purpose. We aimed to examine the materials of the collection of iron weapons including a tip of a spear and various arrow tips gathered in the course of a scientific expedition across the territory

of Western Siberia, Altai Steppes and Eastern Kazakhstan performed in 1840–1843 by a famous scientist, botanist, officer of the St. Petersburg Botanical Garden – Alexander Gustav von Schrenk.

Results. The archaeological findings discovered by the researcher are kept in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography in the city of St. Petersburg. The iron tip of a spear and different iron arrow tips in the composition of that collection were examined and classified on formal grounds. They were divided into certain groups and types depending on characteristics of the section and shape of the feather of every tip. We proposed our reasoning for the chronology and cultural identity of these diverse artifacts, identified types of iron tips of the spear and arrow tips among the studied objects of armament. They were produced and used during diverse chronological periods when medieval nomadic peoples inhabiting the territory of Western Siberia, Altai Steppes and Eastern Kazakhstan could apply iron spears and arrows in the course of hostilities. We identified that the spear and various types of arrows analyzed in the composition of that collection could belong to warriors of different medieval ethnic groups. As a result of our analysis, the findings of armament were related to various chronological periods and definite weapon complexes. Different types of arrows were related to the material culture of the medieval peoples, who inhabited the territory of studied regions of Inner Asia during historical periods of the Early and High Middle Ages. The German scientists who were in the service of the Russian state described the primary events of the history of studying various archaeological objects related to the cultures of ancient and medieval nomadic people on the territory of the steppe region of Western Siberia and contiguous territories of Altai Steppes and Eastern Kazakhstan. Using methodologies of scientific research, we managed to analyze formal indicators of the artifacts and classify them into certain groups and types of objects of armament, including the iron spear tip and iron arrow tips that constituted an important part of the collection of archaeological findings considered.

Conclusion. As a result of our scientific analysis, we have widen and complemented formerly known data on long-range and close combat armament object sets of the territory of Western Siberia, Altai Steppes, Northern and Eastern Kazakhstan during the Early and High Middle Ages.

Keywords: Altai Steppes, Western Siberia, Northern and Eastern Kazakhstan, archaeological sites, findings of iron armament objects, spear arrows' tips.

References

Bobrov V. V., Vasiutin A. S., Vasiutin S. A. Vostochnyi Altai v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII veka) [Eastern Altai in the Era of the Great Migration (3rd – 7th centuries)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2003, 223 p. (in Russ.)

Borisenko A. Yu., Khudyakov Yu. S. Izuchenie drevnostei Yuzhnoi Sibiri nemetskimi uchenymi XVIII–XIX vv. [Study of Antiquities of Southern Siberia by German Scientists in the 18th – 19th Centuries]. Novosibirsk, NSU Publ., 2005, 270 p. (in Russ.)

Brentijes B., Vasilievsky R. S. Schamanenkrone im Weltbaum. Kunst der Nomaden Nordasiens [The Shaman Crown in World Tree. Art of the nomads of Northern Asia]. Leipzig, Seemann, 1989, 203 p. (in Germ.)

Davydova A. V. Ivolginskii kompleks (gorodichshe i mogil'nik) – pamyatnik khunnu v Zabaikal'e [Ivolginsky Complex (Settlement and Burial Ground) – a Huns' Site in Transbaikalia]. Leningrad, LSU Publ., 1985, 111 p. (in Russ.)

Demin M. A. Pervootkryvateli drevnostei [Discoverers of antiquities]. Barnaul, Altay book Publ., 1989, 120 p. (in Russ.)

Falk I. P. Zapiski puteshestvia akademika Falka [Travel Notes of Academician Falk]. *Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii, izdavaemoie Imperatorskoi Akademiei nauk, po predlozhenyu prezidenta* [A Complete Collection of Notes by Scientists Travelling around Russia published by the Imperial Academy of Sciences as proposed by the president of IAC]. St. Petersburg, 1824, vol. 4, 546 p. (in Russ.)

Gorbunov V. V. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. [Military science of Altai population in 3rd – 14th centuries A. D.]. Barnaul, AltSU Publ., 2006, pt. 2: Offensive weaponry, 232 p. (in Russ.)

Konikov B. A. O vooruzhenii priirtyshskogo naseleniya nachala II tys. n. e. (po materialam pamyatnikov Omskoi oblasti) [On the armament of the Irtysh Region population of the 2nd millen-

nium A. D. (based on materials of Omsk Region sites]. *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoi Azii* [Military science of the ancient population of Northern Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1987, p. 163–171. (in Russ.)

Kononov P. B. *Khunnu v Zabaikal'e (Pogrebal'nye pamyatniki)* [The Huns in Transbaikalia (Funerary Sites)]. Ulan-Ude, Buryatskoe Knizhnoe Izd-vo Publ., 1976, 248 p. (in Russ.)

Matveev A. V., Tataurov S. F. *Sibirskoe khanstvo: Voennno-politicheskie aspekty istorii* [Khanate of Siberia: military and historical aspects of history]. Kazan', Fan Publ., 2012, 260 p. (in Russ.)

Miller G. F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999, vol. 1, 630 p. (in Russ.).

Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000, vol. 2, 96 p. (in Russ.).

For citation:

Khudyakov Yu. S. An Iron Spear and Arrow Tips in the Collection of Middle 19th Century Found in Western Siberia, Altai Mountains and Kazakhstan. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 130–136. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-5-130-136

М. С. Кишкурно*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**kishkurno_maria@mail.ru***ОДОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ СЕРИИ
ИЗ МОГИЛЬНИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ВЕРХ-СУЗУН-5
С ТЕРРИТОРИИ НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ ***

Обсуждаются результаты антропологического изучения материалов из могильника Верх-Сузун-5 (IV–II вв. до н. э.). Памятник расположен в Новосибирском Приобье, в 4,5 км к юго-западу от деревни Верхний Сузун Сузунского района. Основной целью работы является выяснение генезиса изучаемой популяции, а также степени влияния на ее формирование различных миграционных процессов. Осуществляется изучение одонтологической серии по стандартной программе, разработанной А. А. Зубовым, а также по программе учета архаичных фенотипов, разработанной А. В. Зубовой. В результате в составе серии из могильника Верх-Сузун-5 зафиксированы умеренная частота лопатообразности I¹, пониженная частота шестибугорковых M₁ и коленчатой складки метаконида M₁, несколько повышенная частота бугорка Карабелли M¹ и умеренная частота четырехбугорковых M₂. Проведен также сравнительный межгрупповой анализ методом анализа главных компонент. В результате был сделан вывод о преобладании в составе серии из данного памятника местного древнего компонента, встречающегося в более раннюю эпоху у окуневского населения Хакасско-Минусинской котловины и восходящего к южной евразийской антропологической формации.

Ключевые слова: Новосибирское Приобье, ранний железный век, южная евразийская формация, одонтология, маркеры архаики.

Антропологическое изучение населения Новосибирского Приобья в раннем железном веке находится лишь в начальной стадии. Ввиду высокой степени научной актуальности этой проблематики требуется интенсификация данной работы. В этом отношении интересные материалы дают нам раскопки могильника Верх-Сузун-5, находящегося в Сузунском районе Новосибирской области, в 4,5 км к юго-западу от деревни Верхний Сузун [Троицкая и др., 1980. С. 103–104]. Изучение памятника было начато в 1980-х гг. В. И. Молодиным. Один из курганов могильника исследовал А. В. Новиков в 1982 г., еще два раскопаны в течение полевых сезонов 2000 и 2001 гг. Т. А. Журбой. Некрополь датирован IV–II вв. до н. э.¹

Краниологические и остеологические материалы с территории лесостепного Алтая, относящиеся к раннему железному веку, подробно изучены М. П. Рыкун, в то время как население, оставившее памятники на территории Новосибирского Приобья, изучалось эпизодически, без привлечения всего массива данных.

* Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

¹ НА НОКМ. Ф. 4. Журба Т. А. Отчет о работах на курганном могильнике Верхний Сузун-5 Сузунского района Новосибирской области в 2000 году. Новосибирск, 2001. 61 с.

Первое исследование антропологических материалов указанного периода с территории Новосибирского Приобья относится к началу 1970-х гг., когда В. А. Дремов рассмотрел краниологические серии из могильников Новый Шарап-1, 2 и Ордынское-1 и пришел к выводу, что они несут в себе как европеоидный компонент палеоевропейского типа, так и монголоидный, связанный своим происхождением с низколицыми монголоидами таежной зоны Западной Сибири, а также с центрально-азиатским монголоидным населением I тыс. до н. э. [Дремов, 1997]. Позднее А. Н. Багашев исследовал краниологические коллекции из могильников Осинцево-3 и Здвинск-1, 2. По его мнению, европеоидная составляющая имела сходство с саргатскими популяциями [Багашев, 2000. С. 89]. М. П. Рыкун обследовала черепа из могильников Милованово-2, 8, «26 июня», Быстровка-1, Быстровка-3, Новый Шарап-1, 2, Ордынское-1, хранящиеся в фондах КА ТГУ [Рыкун, 2013]. В результате был сделан вывод о том, что изученное население являлось европеоидным с монголоидной примесью. По мнению М. П. Рыкун, европеоидный компонент выражен в следующем сочетании признаков: мезобрахикранная форма мозговой коробки, широкое, средневысокое и профилированное в горизонтальной плоскости лицо [Там же. С. 162–163]. Исследователь связывал этот европеоидный компонент с палеоевропеоидным субстратом, преобладавшим в основе сакских, сарматских, саргатских групп, а также встречавшимся в составе населения Тувы скифского времени [Там же. С. 78–87]. Монголоидный компонент М. П. Рыкун разделяла на два варианта: один из них мезобрахикранный, широколицый, а второй характеризовался высоким черепом с крупными размерами лицевого скелета, крупными орбитами и широким носом [Там же. С. 63].

Одонтологические характеристики населения Верхнего Приобья раннего железного века ранее почти не изучались. А. В. Зубовой были опубликованы характеристики материала из могильника Верх-Сузун-5, переданного в ИАЭТ СО РАН в начале 2000-х гг. [Зубова, 2009]. Однако полученная на тот момент коллекция была незначительна по объему и не могла служить полноценным источником по одонтологии всей популяции. Поэтому основной целью данной статьи является введение в научный оборот полных характеристик серии из этого могильника.

Изучение палеоантропологических материалов могильника началось в 2008 г., когда, как уже сказано, была изучена часть одонтологического материала. Позднее публиковались индивидуальные краниологические описания и половозрастные определения [Кишкурно, Зубова, 2015а], результаты изучения суммарной краниологической серии из этого памятника [Кишкурно, Зубова, 2015б]. В результате краниологического анализа был сделан вывод о неоднородности состава населения, оставившего могильник. В серии выделены черепа с двумя контрастными комплексами антропологических признаков. В составе первого из них сочетаются большой продольный диаметр мозгового и средняя профилированность лицевого отделов, в составе второго – очень малый продольный диаметр и сильно уплощенное на зигмаксиллярном и назомаллярном уровне лицо. Полученные результаты подтвердили выводы М. П. Рыкун о гетерогенном составе изучаемых популяций Приобья и о присутствии в их составе мезобрахикранного европеоидного компонента. Характеристики второго комплекса, выделенного в этой серии, однако, отличаются от описанного М. П. Рыкун монголоидного типа, поскольку в их состав входит одновременно брахикrania и низкое лицо. По результатам сравнения краниологических характеристик серии с другими популяциями эпохи раннего железа с территории Сибири и Алтая [Кишкурно, Зубова, 2015б], население, оставившее могильник Верх-Сузун-5, сближалось с популяциями Горного Алтая, Тувы, а также с населением Новосибирского и Томского Приобья, объединенными присутствием в их составе компонента, восходящего к южной евразийской антропологической формации. Он являлся автохтонным для территории Алтае-Саянского нагорья [Чикишева, 2012. С. 180] и в той или иной степени присутствовал в составе населения с эпохи неолита и как минимум до конца раннего железного века.

Нужно отметить, что краниологическая серия из могильника недостаточно репрезентативна по численности. Соответственно, одонтологический анализ необходим для уточнения происхождения и приоритетных направлений биологических связей изучаемой группы.

Одонтологическая серия включает в себя зубы 26 индивидов, в том числе восьми мужчин, шести женщин, восьми детей и четырех взрослых индивидов, пол которых определить не

удалось. Они были обследованы по стандартной программе учета одонтоскопических признаков, разработанной А. А. Зубовым [2006], а также по программе учета архаичной составляющей [Зубова, 2013а]. Сформированы шкалы баллового учета для каждого признака (табл. 1). Межгрупповое сравнение выполнялось при помощи программы Statistica for Windows version 6.0 методом главных компонент. Оно проводилось на основании восьми основных тригонометрически преобразованных одонтологических признаков (см. табл. 1): лопатообразность I^1 , редукция гипоконуса M^2 , бугорок Карабелли на M^1 , 6- и 4-бугорковые M_1 , 4-бугорковые M_2 , дистальный гребень тригониды M_1 , коленчатая складка метакониды M_1 .

В качестве материала для сравнительного анализа использовались одонтологические серии эпохи бронзы и раннего железа с территории Барабинской лесостепи, Новосибирского и Томского Приобья, Кузнецкой котловины, лесостепного Алтая, Алтае-Саянского нагорья и Казахстана (табл. 2).

Серия характеризуется (табл. 3) средними значениями частоты лопатообразности на первых и вторых резцах. Отмечен один случай вестибулярной лопатообразности на латеральном резце. Лингвальные бугорки резцов и клыков развиты слабо. Бугорок Карабелли встречается на зубах почти каждого второго индивида. Гипоконус первых моляров практически не редуцирован, гипоконус вторых верхних моляров редуцирован умеренно. Редукция метаконуса также практически не встречается на первых верхних молярах, но имеет умеренные частоты на вторых.

На нижних первых молярах 6-бугорковая форма встречается в серии два раза. Случаи 4-бугорковых форм первых моляров отсутствуют полностью. На вторых молярах они встречаются со средней частотой. На первых нижних молярах доминирует «Y»-узор, отмечается несколько случаев «X»-узора и один случай «+»-формы. На вторых нижних молярах преобладает «X»-узор, отмечается несколько случаев «Y»-узора, «+»-форма встречается реже всех. В серии отмечен один случай наличия протостилида на втором моляре; ямки протостилида встречаются как на первом, так и на втором молярах с умеренной частотой. Тамп в серии встречается довольно часто. Дистальный гребень тригониды отсутствует; отмечена повышенная частота коленчатой складки метакониды.

Таблица 1

Одонтологические феноны, использованные в исследовании

Признак	Ключевой зуб	Балл	Описание признака
Лопатообразность	I^1	2 + 3	[Зубов, 1968; 2006]
Бугорок Карабелли	M^1	2–5	
Вестибулярная лопатообразность	I^1	3–6	[Зубов, 2006; Зубова, 2013а]
Вестибулярная выпуклость	I^1	2–4	[Зубов, Халдеева, 1993; Зубов, 2006; Зубова, 2013а]
Редукция гипоконуса	M^2	3, 3+	[Зубов, 1968; 2006]
Косой гребень	M^1	+	[Зубов, Халдеева, 1993; Зубова, 2013а]
Ассиметричный контур премоляров	P_1	+	[Зубова, 2013а; Bailey, 2002]
Мезиостилиды	P_1	+	
Шестьбугорковые моляры	M_1	+	[Зубов, 1968; 2006]
Четырехбугорковые моляры	M_1, M_2	+	
Дистальный гребень тригониды	M_2	+	
Коленчатая складка метакониды	M_1	+	
Передняя ямка	M^1, M_1	+	[Зубов, 2006; Зубова, 2013а]
Задняя ямка	M^1, M_1	+	
Цингулюм	M^1, M_1	+	[Зубов, 1968; Зубова, 2013а]
Средний гребень тригониды	M_1	+	[Зубов, 1968; Зубова, 2013а; Bailey, 2002]
Наклон бугорков к центру коронки	M_1	+	[Зубов, 2006; Зубова, 2013а]

Таблица 2

Серии, использованные для сравнительного анализа

Культура	Памятник	Датировка	Источник
Федоровская культура Кузнецкой котловины	Титово-2	II тыс. до н. э.	[Зубова, 2014]
	Чудиновка-1		
	Танай-12		
Андроновское время Томского Приобья	Еловский-1, 2	II тыс. до н. э.	[Зубова, 2014]
Андроновское время Новосибирского Приобья	Катково-2, Ордынское, Крохалевка-13	II тыс. до н. э.	[Зубова, 2014]
Андроновское время лесостепного Алтая	Фирсово-14, Чекановский Лог-2, 10, Маринка, Березовский, Прудской, Барсучиха, Малаховский, Подтурино	II тыс. до н. э.	[Тур, 2009]
Андроновское время Кулундинской степи	Рублево-8	II тыс. до н. э.	[Зубова, 2014]
Федоровская культура Барабинской лесостепи	Преображенка-3,	II тыс. до н. э.	[Зубова, 2014]
	Абрамово-4, Сопка-2, Венгерово-1, Гришкина Заимка, Вахрушево-5		
Черноозерский вариант андроновской культурно-исторической общности	Черноозерье-1	II тыс. до н. э.	[Зубова, 2014]
	Боровянка-17		
Алакульская культура Омского Прииртышья	Ермак-4	II тыс. до н. э.	[Зубова, 2014]
Ирменская культура Кузнецкой котловины	Журавлево-1, 3, 4	II тыс. до н. э.	[Зубова, 2014]
	Заречное-1		
	Танай-2, 7		
	Ваганово-2		
Ирменская культура Томского Приобья	Еловский-1, 2, Иштан	II тыс. до н. э.	[Зубова, 2014]
Ирменская культура Новосибирского Приобья	Крохалевка-13, Катково-3, Спирино-1, Бурмистрово-1, Милованово-1, Ордынское	II тыс. до н. э.	[Зубова, 2014]
Ирменская культура лесостепного Алтая	Новотроицкое-1, Пильно, Плотинная-1, Ближние Елбаны-4,	II тыс. до н. э.	[Зубова, 2014]
Ирменская культура Барабинской лесостепи	Преображенка-3, Абрамово-4, Сопка-2	II тыс. до н. э.	[Зубова, 2014]
Пахомовская культура Тюменского Притоболья	Ново-Шадрино-7	II тыс. до н. э.	[Зубова, 2014]
Пахомовская культура Барабинской лесостепи	Старый Сад	II тыс. до н. э.	[Зубова, 2014]
	Преображенка-3, Гришкина Заимка, Сопка-2, Протока		
Еловская культура Томского Приобья	Еловский-1, 2	II тыс. до н. э.	[Зубова, 2014]
Корчажкинская культура Кузнецкой котловины	Танай-12	II тыс. до н. э.	[Зубова, 2014]

Продолжение табл. 2

Культура	Памятник	Датировка	Источник
Кротовская культура (классический этап)	Сопка-2	конец III тыс. – начало II тыс. до н. э.	[Чикишева, 2012]
Кротовская культура (поздний этап)	Сопка-2	первая поло- вина II тыс. до н. э.	[Чикишева, 2012]
Тагарская культура	Черногорка	VIII–III вв. до н. э.	Неопубликованные данные В. А. Гулевской
Пазырыкская куль- тура (долина р. Уландрык)	Уландрык I, II, III, IV	V–III вв. до н. э.	[Чикишева, 2012]
Пазырыкская куль- тура (долина р. Юс- тыд)	Юстыд I, III, XII, XXII, Джолин I, II, Бураты	V–III вв. до н. э.	[Чикишева, 2012]
Пазырыкская куль- тура (долины рек Барбургазы и Бугу- зун)	Барбургазы I, II, III, Малталу	V–III вв. до н. э.	[Чикишева, 2012]
Пазырыкская куль- тура (плато Укок)	Ак-Алаха-1, 3, Кутургунтас, Бертек-1, 10, 12, 27, Мойнак-1, 2, Верхний Кальджин-1, 2, 6	I в. до н. э. – III–IV вв. н. э.	[Чикишева, 2012]
Пазырыкская куль- тура (среднее тече- ние р. Чуи)	Курганы Баратальской долины и долины Алагаил	V–III вв. до н. э.	[Чикишева, 2012]
Каракобинская культура	Торбедок, Курайская степь, Джолин I, Кызыл-Бом I, Каль- джин-6	V–III вв. до н. э.	[Чикишева, 2012]
Алды-бельская культура	Аржан-2	VII в. до н. э.	[Чикишева, 2012]
	Копто	V–IV вв. до н. э.	
Уюкско-саглынская культура	Догээ-Баары II	VI–IV вв. до н. э.	[Чикишева, 2012]
Саргатская культура	Здвинск-4, Абрамово-4, Старые Карачи-3, Марково-1, Гришки- на Заимка	конец I тыс. до н. э.	[Зубова, 2009]
Тагарская культура	Кичик-Кюзюр, Тепсей, Барсу- чиха	VIII–III вв. до н. э.	Неопубликованные данные В. А. Гулевской
Население Юго-Восточного Казахстана	Алтын-Эмель, Ак-беит, Усть-Бухтарма, Пчела	первые века н. э.	Неопубликованные данные А. В. Зубовой
	Малая Краснаярка, Капчагай-3, 15-й км р. Или, 19-й км р. Или, 64-й км р. Или, Кара-Кучук-3, курганы по течению р. Или	конец I тыс. до н. э.	
Античность Туркмении	Дордуль, Гич-гельды, Бейнау, Кемал-кыр, Назар-как, Ханалы- кыр, Шахсенем, Тарым-кая-3	эпоха античности	[Аксянова, Гель- дыева, 2002]
Джетыасарская культура	Косасар-3, Томпакасар, Бедаикасар	не позднее IV в. н. э.	[Рыкушина, 1995]

Окончание табл. 2

Культура	Памятник	Датировка	Источник
Ранние кочевники Западного Казахстана	Покровка Х	VI–I вв. до н. э.	[Китов, Мамедов, 2014]
	Новый Кумак		
	Лебедевка		
Карасукская культура	Орак, Ужур, Кокорево, Анашинское, Черновая, Камен- ный лог II, Мельничный лог, Сухое озеро II, Северный берег оз. Варчи I, Карасук I, Батени, Усть-Ерба, Байкалова-1, 2, Ка- менка II, Малые Копены, Усть- Сыда, Усть-Тесь, Кюргенер I, II, Потрошилово, Кривая, Тагар- ский о-в IV, Быстрая, Кривин- ское, Лугавское, Окунев Улус, Аскировка, Чарков Улус, Уйбат, Хара-Хая, Бельтыры, Есинская МТС, Федоров улус	конец II тыс. – начало I тыс. до н. э.	[Рыкушина, 2007]
Окуневская культура	Верх-Аскиз	II тыс. до н. э.	[Зубова, 2013б. Табл. 5]
	Уйбат-5		

Комплекс архаичных признаков на верхнечелюстных зубах включает в себя пальцевидные гребни, а также крайне малые частоты вестибулярной выпуклости на верхних центральных резцах. На клыках отмечено шесть случаев наличия дополнительных дистальных гребней. На первых молярах в трех случаях отмечен косой гребень. У одного индивида на первом моляре зафиксирована задняя ямка. Цингулом присутствует в трех случаях на первых молярах.

На нижнечелюстных резцах не было отмечено ни одного архаичного признака. На клыках зафиксирована низкая частота дополнительных дистальных и мезиальных гребней. Дополнительные бугорки премоляров в серии отсутствуют. Отмечены единичные случаи асимметричного контура первых и вторых премоляров со смещением метаконида в мезиальную сторону. На нижнечелюстных молярах из всего комплекса признаков, маркирующих архаичный компонент, были встречены два случая цингулома M_1 , один случай среднего гребня тригониды M_1 и три случая наклона бугорков M_1 к центру коронки.

Таким образом, серия из могильника Верх-Сузун-5 характеризуется умеренной частотой лопатообразности I^1 , пониженной частотой шестибугорковых M_1 и коленчатой складки метаконида M_1 , слегка повышенной частотой бугорка Карабелли M^1 , умеренной частотой четырехбугорковых M_2 . Похожая комбинация признаков в более ранние эпохи встречается в составе окуневского, андроновского и карасукского населения Хакасско-Минусинской котловины. У носителей окуневской культуры присутствует комплекс с умеренной частотой лопатообразности I^1 , высокой частотой шестибугорковых M_1 , отсутствием грацилизации M_1 и умеренной частотой коленчатой складки метаконида [Зубова, 2013б, Табл. 5. С. 137]. Они отличаются от группы из Верх-Сузуна повышенной частотой дистального гребня тригониды, но в андроновское время процент этого признака в Хакасско-Минусинской котловине резко снизился. Комбинации признаков, похожие на наблюдаемые в могильнике Верх-Сузун, прослеживаются в андроновских группах из могильников Орак, Солёное Озеро-1 [Зубова, 2014; Зубова и др., 2016], а также в карасукских группах [Рыкушина, 2007].

В эпоху раннего железа похожая комбинация признаков встречалась в составе уюкско-саглынского населения Тувы (могильник Догээ-Баары II). Здесь прослеживался комплекс, характеризующийся высокой частотой бугорка Карабелли M^1 , отсутствием грацилизации M_1 и высокой степенью грацилизации M_2 , а также умеренной частотой коленчатой складки метаконида M_1 [Чикишева, 2012]. Серия из Догээ-Баары II отличается от серии из могильника Верх-Сузун-5 отсутствием шестибугорковых форм M_1 и повышенной частотой дистального гребня тригониды.

Таблица 3

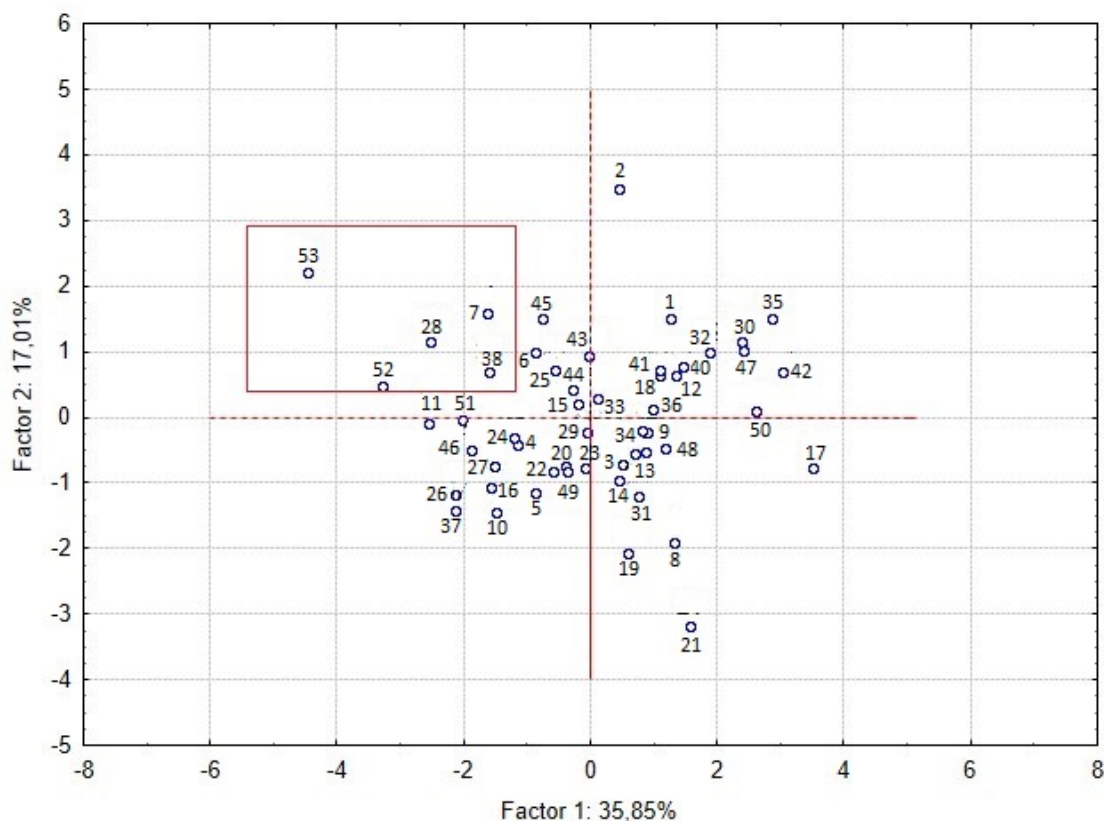
Средние одонтологические характеристики серии
из могильника Верх-Сузун-5

Характеристика	Правая сторона		Левая сторона		Правая + левая сторона		Индивиды	
	<i>n</i> (<i>N</i>)	%	<i>n</i> (<i>N</i>)	%	<i>n</i> (<i>N</i>)	%	<i>n</i> (<i>N</i>)	%
Лопатообразность (2 + 3) I ¹	2 (3)	66,6	1 (4)	25	3 (9)	33,3	2 (7)	29
Лопатообразность (2 + 3) I ²	3 (7)	42,8	4 (6)	67	7 (13)	53,8	4 (8)	50
Бугорок Карабелли (2–5) M ¹	5 (11)	45,5	8 (17)	47	13 (28)	46,42	8 (17)	47
Редукция гипоконуса (3, 3+) M ²	6 (18)	33,3	4 (16)	25	10 (34)	29,41	7 (20)	35
6 M ₁	2 (8)	25	1 (10)	10	3 (18)	16,66	2 (11)	18
4 M ₁	0 (8)	0	0 (10)	0	0 (18)	0	0 (11)	0
4 M ₂	5 (7)	71,4	5 (6)	83	10 (13)	76,92	6 (8)	75
Дистальный гребень тригонида M ₁	0 (13)	0	0 (12)	0	0 (25)	0	0 (14)	0
Коленчатая складка метаконида M ₁	3 (12)	25	1 (10)	10	4 (22)	18,18	3 (13)	23
Вестибулярная лопатообразность I ¹	0 (5)	0	0 (4)	0	0 (9)	0	0 (7)	0
Вестибулярная выпуклость I ¹	0 (5)	0	1 (3)	33	1 (8)	12,5	1 (6)	17
Косой гребень M ¹	3 (6)	50	2 (11)	18	6 (17)	35,29	3 (10)	30
fa M ¹	0 (4)	0	0 (8)	0	0 (10)	0	0 (8)	0
fr M ¹	0 (6)	0	1 (11)	9,1	1 (17)	5,88	1 (11)	9,1
Цингулюм M ¹	1 (16)	6,25	3 (19)	16	4 (35)	11,42	3 (21)	14
Асимметричный контур P ₁	1 (9)	11,1	0 (11)	0	1 (20)	5	1 (13)	7,7
Мезиостилиды P ₁	0 (8)	0	0 (9)	0	0 (17)	0	0 (10)	0
fa M ₁	0 (8)	0	0 (6)	0	0 (12)	0	0 (9)	0
fr M ₁	0 (8)	0	0 (9)	0	0 (17)	0	0 (11)	0
Цингулюм M ₁	2 (21)	9,52	1 (16)	6,3	3 (37)	8,1	2 (21)	9,5
Средний гребень тригонида M ₁	1 (13)	7,69	1 (11)	9,1	2 (24)	8,33	1 (13)	7,7
Наклон бугорков к центру коронки M ₁	3 (5)	60	2 (4)	50	5 (9)	55,55	3 (5)	60

Примечание: *n* – количество случаев наличия признака; *N* – частота наблюдений.

При сравнении одонтологических характеристик серии из Верх-Сузуна с населением Сибири и Казахстана эпохи бронзы и раннего железа методом главных компонент (см. рисунок), максимальная дифференцирующая нагрузка по первому фактору приходится на два сочетания признаков. Первый характеризуется (табл. 4) повышенной частотой лопатообразности I¹, бугорка Карабелли M¹, шестибугоркового M₁ и коленчатой складки метаконида. Серии, имеющие в своем составе первый комплекс признаков, попадают в отрицательное поле первого фактора. Они противопоставляются сериям с повышенной частотой редукции гипоконуса M² и четырехбугоркового M₂, попадающими в положительное поле первого фактора. Население, оставившее могильник Верх-Сузун-5, попадает в отрицательное поле вместе с окуневским населением (могильники Верх-Аскиз и Уйбат-5), андроновцами лесо-

степного Алтая и населением уюкско-саглынской культуры (могильник Догээ-Баары II). На границе отрицательных и положительных координат первого фактора располагаются карасукские серии и население черноозерского варианта андроновской культурно-исторической общности.

Результаты сопоставления одонтологических характеристик населения большереченской культуры с сериями эпохи бронзы и раннего железного века:

1 – федоровская культура Кузнецкой котловины (Титово-2); 2 – федоровская культура Кузнецкой котловины (Чудиновка-1); 3 – федоровская культура Кузнецкой котловины (Танай-12); 4 – андроновское население Томского Приобья; 5 – андроновское время Новосибирского Приобья; 6 – андроновское время лесостепного Алтая; 7 – андроновское время Алтая (Рублево-8); 8 – федоровская культура Барабинской лесостепи (Преображенка-3); 9 – федоровская культура Барабинской лесостепи (Абрамово-4, Сопка-2, Венгерово-1, Гришкина Заимка, Вахрушево-5); 10 – черноозерский вариант андроновской культурно-исторической общности (Черноозерье-1); 11 – черноозерский вариант андроновской культурно-исторической общности (Боровянка-17); 12 – алакульская культура Омского Прииртышья (Ермак-4); 13 – ирменская культура Кузнецкой котловины (Журавлево-1, 3, 4); 14 – ирменская культура Кузнецкой котловины (Заречное-1); 15 – ирменская культура Кузнецкой котловины (Танай-2, 7); 16 – ирменская культура Кузнецкой котловины (Ваганово-2); 17 – ирменская культура Томского Приобья; 18 – ирменская культура Новосибирского Приобья; 19 – ирменская культура лесостепного Алтая; 20 – ирменская культура Барабинской лесостепи; 21 – пахомовская культура Тюменского Приобья (Ново-Шадрино-7); 22 – пахомовская культура Барабинской лесостепи (Старый Сад); 23 – пахомовская культура Барабинской лесостепи (Преображенка-3, Гришкина Заимка, Сопка-2, Протока); 24 – еловская культура Томского Приобья; 25 – корчажкинская культура Кузнецкой котловины; 26 – кротовская культура (классический этап); 27 – кротовская культура (поздний этап); 28 – Верх-Сузун-5; 29 – тагарская культура (Черногорка); 30 – пазырыкская культура долины р. Уландрык; 31 – пазырыкская культура долины р. Юстыд; 32 – пазырыкская культура долины рек Барбургазы и Бугузун; 33 – пазырыкская культура плато Укок; 34 – пазырыкская культура долины рек Чуя, Урсул и среднего течения р. Катунь; 35 – каракобинская культура; 36 – алды-бельская культура (Аржан-2); 37 – алды-бельская культура (Копто); 38 – уюкско-саглынская культура (Догээ-Баары II); 39 – саргатская культура; 40 – тагарская культура; 41, 43 – население Юго-Восточного Казахстана (первые века н. э.); 42 – население Юго-Восточного Казахстана (конец I тыс. до н. э.); 44 – античность Туркмении; 45 – население Восточного Казахстана (конец I тыс. до н. э.); 46 – джетысарская культура; 47 – население Центрального Казахстана (конец I тыс. до н. э.); 48–50 – ранние кочевники Западного Казахстана (VI–I вв. до н. э.); 51 – карасукская культура; 52 – окуневская культура (Верх-Аскиз); 53 – окуневская культура (Уйбат-5)

Таблица 4

Статистические нагрузки на признаки
в составе первых двух факторов

Признак	Факторы	
	1	2
Лопатообразность I ¹	–0,57	–0,48
Бугорок Карабелли M ¹	–0,77	0,32
Редукция гипоконуса M ²	–0,17	0,83
6 M ₁	–0,72	0,05
4 M ₁	0,50	–0,45
4 M ₂	0,70	0,23
Дистальный гребень тригонида	–0,51	–0,28
Коленчатая складка mkd	–0,63	–0,11

Второй фактор дифференцирует все сравниваемые серии по частоте редукции гипоконуса M². Так, в положительном поле второго фактора располагаются серии, характеризующиеся умеренной или повышенной частотой редукции гипоконуса. В отрицательном поле второго фактора находятся серии с пониженной частотой редукции гипоконуса.

В результате проведенного статистического анализа серия из могильника Верх-Сузун-5 на графике попала в одну область с населением бронзового века Южной Сибири, особенно сблизившись с окуневской серией из могильника Верх-Аскиз. Одонтологическим компонентом, объединившим данные группы, является следующий комплекс признаков: повышенная частота бугорка Карабелли M¹, отсутствие грацилизации M₁ и умеренная частота коленчатой складки метаконида M₁. Следует отметить, что указанное сочетание признаков является типичным для окуневских групп. Таким образом, в составе серии из памятника Верх-Сузун-5 можно констатировать преобладание одонтологического компонента, связанного с носителями культур окуневского круга. Миграционный андроновский компонент, выделяемый рядом исследователей (А. Н. Багашев, М. П. Рыкун), представлен в крайне малой степени и выражается лишь в исчезновении частоты дистального гребня тригонида, повышенные значения которой характерны для окуневских групп.

Из всех взятых в сравнительный анализ серий, относящихся к эпохе раннего железа, наибольшее сближение с изучаемой группой продемонстрировало уюкско-саглыньское население Тувы. Сходство серий из памятников Верх-Сузун-5 и Догээ-Баары II может быть обусловлено как вхождением окуневского компонента в состав обеих популяций, так и результатом брачных контактов, возможность которых частично подтверждается археологическими данными. Так, Т. Н. Троицкая и А. П. Бородовский отмечают по данным археологии наличие немногочисленных общих черт в характере инвентаря и погребальной практике групп раннего железного века Новосибирского Приобья и Тувы [Троицкая, Бородовский, 1994. С. 74–75]. Очевидно, юго-восточное направление связей не являлось приоритетным для изучаемого населения.

Исходя из проведенного анализа, можно также предположить, что процесс формирования антропологического состава популяций раннего железного века лесостепного Алтая, изученных М. П. Рыкун, и Новосибирского Приобья происходил под влиянием различных факторов. Так, по мнению М. П. Рыкун, основу алтайских серий составляет компонент, привнесенный пришлыми сакскими и сарматскими группами [2013], а на территории Новосибирского Приобья намного большую роль в складывании популяции сыграла консервация окуневского компонента.

Список литературы

Аксянова Г. А., Гельдыева Г. Морфологические особенности зубной системы населения античного времени северо-запада Туркменистана // На путях биологической истории человечества. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2002. Т. 2. С. 4–15.

- Багашев А. Н.* Палеоантропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.
- Дремов В. А.* Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 264 с.
- Зубов А. А.* Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
- Зубов А. А.* Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: Этно-онлайн, 2006. 72 с.
- Зубов А. А., Халдеева Н. И.* Одонтология в антропофенетике. М.: Наука, 1993. 224 с.
- Зубова А. В.* Новосибирский локальный вариант кулайской культуры в свете антропологических данных // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях: Сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. С. 136–147.
- Зубова А. В.* Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии // Вестн. антропологии. 2013а. № 4. С. 107–127.
- Зубова А. В.* Состав носителей ирменской культуры Западной Сибири по одонтологическим материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013б. Вып. 55 (3). С. 132–139.
- Зубова А. В.* Население Западной Сибири во II тысячелетии до нашей эры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. 228 с.
- Зубова А. В., Молодин В. И., Чикишева Т. А.* Первые результаты сравнительного анализа одонтологического состава популяций одиновской культуры. К вопросу о южных миграциях // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 22. С. 292–298.
- Китов Е. П., Мамедов А. М.* Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана: Изд. группа ФИА им. А. Х. Маргулана, 2014. 352 с.
- Кишкурно М. С., Зубова А. В.* Предварительные результаты изучения палеоантропологического материала из могильника каменной культуры Верх-Сузун-5 // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях: Сб. науч.-исслед. работ по итогам конф., посвящ. 90-летию проф., д-ра ист. наук Т. Н. Троицкой / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015а. С. 143–150.
- Кишкурно М. С., Зубова А. В.* Краниология носителей верхнеобского варианта каменной культуры по материалам могильника Верх-Сузун-5 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2015б. С. 92–103.
- Рыкун М. П.* Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 284 с.
- Рыкушина Г. В.* Одонтологическая характеристика населения джетыясарского времени (по материалам могильника Алтынасар-4) // Низовья Сырдарьи в древности. Джетыясарская культура. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1995. Ч. 5. 205 с.
- Рыкушина Г. В.* Палеоантропология карасукской культуры. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2007. 198 с.
- Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И.* Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980. 183 с.
- Троицкая Т. Н., Бородавский А. П.* Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.
- Тур С. С.* Одонтологическая характеристика населения андроновской культуры Алтая // Изв. АлтГУ. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. № 4 (2). С. 228–235.
- Чикишева Т. А.* Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпоху неолита – раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.
- Bailey Sh. E.* Neanderthal dental morphology: implications for modern human origins. A Dissertation Presented in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Doctor of Philosophy. Tempe: Arizona State University, 2002. 238 p.

Список источников

НА НОКМ. Ф. 4. Журба Т. А. Отчет о работах на курганном могильнике Верхний Сузун-5 Сузунского района Новосибирской области в 2000 году. Новосибирск, 2001. 61 с.

M. S. Kishkurno

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

kishkurno_maria@mail.ru

**ODONTOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE ANTHROPOLOGICAL SERIES
FROM THE EARLY IRON AGE BURIAL GROUND VERKH-SUZUN-5
FROM THE NOVOSIBIRSK OB REGION**

Purpose. The article is devoted to the discussion of the results that was obtained from the anthropological study of the materials from the burial mound Verkh-Suzun-5. The burial ground is located in the Novosibirsk Ob area, 4.5 km South-West from the village Verkhniy Suzun. The main goal of the work is to reveal the genesis of the studied population and the measure of influence on its formation of various migration processes. This article is devoted to the study of the odontological series, which was studied according to the standard odontological program developed by A. A. Zubov and also according to the program of archaic dental markers, developed by A. V. Zubova.

Results. The series from the Verkh-Suzun-5 burial ground is characterized by the average frequencies of shoveling I^1 , low frequencies of six-tubercle M_1 and deflecting wrinkle M_1 , high frequencies of the Carabelli's trait M^1 , average frequencies of four-tubercle M_2 . A similar combination of features in earlier epochs is found in the Okunevo, Andronovo and Karasuk populations of the Khakas-Minusinsk basin, where there is a complex with average frequencies of shoveling I^1 , high frequencies of six-tubercle M_1 , lack of M_1 gracilization and average frequencies of deflecting wrinkle M_1 . The Okunevo series differs from the Verkh-Suzun group by the high frequencies of the distal trigonid crest, but during Andronovo time the percentage of this trait in the Khakas-Minusinsk basin drops sharply. Feature combinations are similar to those observed in Verkh-Suzun are traced in Andronovo groups from Orak burial grounds, Solenoye Ozero-1 and some others, and also in Karasuk groups. In the Early Iron Age, a similar combination of characters is found in the Uyuk-Saglyyn population of Tuva (burial ground of Dogee-Baary II). This complex characterizes by high frequencies of the Carabelli's trait M^1 , the lack of M_1 gracilization and the high degree of M_2 gracilization, and also the average frequencies of the deflecting wrinkle M_1 is traced here. The series from Dogee-Baary II differs from the series from Verkh-Suzun-5 by the absence of six-tubercle forms of M_1 and high frequencies of the distal trigonid crest M_1 . Also a comparative intergroup analysis was carried out by the method of analysis of the principal components, which also showed us the convergence of the series from the Verkh-Suzun-5 cemetery with the Okunev population of the Khakas-Minusinsk basin and the Scythian population of Tuva. Proceeding from this, it can be concluded that the basis of the composition of the studied population is the autochthonous component, which fixes in the earlier epoch of the Okunev population. In this case, the general component of these two populations is expressed in the high frequencies of the Carabelli's trait M^1 , the absence of M_1 gracilization, and the average frequencies of deflecting wrinkle M_1 . This component is typical for Okunev groups; he occupies an intermediate position between the races of the first order (in this case, the Mongoloid and the Caucasoid).

Conclusion. As a result of the study, it was concluded that the composition of the group from Verkh-Suzun-5 was predominant in the local ancient component that occurs in the earlier epoch of the Okunev population of the Khakas-Minusinsk basin, and also this component marks Southern Eurasian Anthropological Formation.

Keywords: Early Iron Age, Novosibirsk Ob region, Southern Eurasian anthropological formation, odontology, archaic dental features.

References

Aksyanova G. A., Gel'dyeva G. Morfologicheskie osobennosti zubnoi sistemy naseleniya antichnogo vremeni severo-zapada Turkmenistana. [Morphological features of the dental system of the ancient population of the north-west Turkmenistan]. *Na putyakh biologicheskoi istorii*

chelovechestva [On the Paths of the Biological History of Humanity]. Moscow, IEA RAN Publ., 2002, vol. 2, p. 4–15. (in Russ.)

Bagashev A. N. Paleoantropologiya Zapadnoi Sibiri [Paleoanthropology of Western Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 2000, 374 p. (in Russ.)

Bailey Sh. E. Neanderthal dental morphology: implications for modern human origins. A Dissertation Presented in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Doctor of Philosophy. Tempe, Arizona State University, 2002, 238 p.

Chikisheva T. A. Dinamika antropologicheskoi differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita – rannego zheleza. [Dynamics of anthropological differentiation of the population of the South of Western Siberia in the Neolithic – Early Iron Age]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2012, 468 p. (in Russ.)

Dremov V. A. Naselenie Verhnego Priob'ya v epokhu bronzy (antropologicheskii ocherk). [Population of the Upper Ob region in the Bronze Age (anthropological essay)]. Tomsk, TSU Publ., 1997, 264 p. (in Russ.)

Kishkurno M. S., Zubova A. V. Predvaritel'nye rezul'taty izucheniya paleoantropologicheskogo materiala iz mogil'nika kamenskoj kul'tury Verh-Suzun-5 [Preliminary results of the study of paleoanthropological material from the cemetery of Kamenskaya culture Verkh-Suzun-5]. *Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoi Sibiri i na sopredel'nykh territoriyakh: sbornik nauchno-issledovatel'skikh rabot po itogam konferentsii, posvyashhennoi 90-letiyu professora, doktora istoricheskikh nauk T. N. Troitskoj* [Archaeological research in Western Siberia and adjacent territories: a collection of research papers on the results of the conference, dedicated to the 90th anniversary of the Professor, Doctor of historical sciences T. N. Troitskaya]. Novosibirsk, NSPU Publ., 2015a. p. 45–52. (in Russ.)

Kishkurno M. S., Zubova A. V. Kraniologiya nositelei verhneobskogo varianta kamenskoj kul'tury po materialam mogil'nika Verh-Suzun-5 [Craniology of the carriers of the Upper Ob version of Kamenskaya culture based on the materials of the Verkh-Suzun-5 cemetery]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Herald of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2015b, p. 92–103. (in Russ.)

Kitov E. P., Mamedov A. M. Kochevoe naselenie Zapadnogo Kazakhstana v rannem zheleznom veke [Nomadic population of Western Kazakhstan in the early Iron Age]. Astana, Izdatel. gruppа FIA im. A. Kh. Margulana Publ., 2014, 352 p. (in Russ.)

Rykun M. P. Paleoantropologiya Verhnego Priob'ya epokhi rannego zheleza [Paleoanthropology of the Upper Ob region of the Early Iron Age]. Barnaul, ASU Publ., 2013, 284 p. (in Russ.)

Rykushina G. V. Odontologicheskaya kharakteristika naseleniya dzhetyasarskogo vremeni (po materialam mogil'nika Altynasar 4). [Odontological characteristics of the population of Jetyasar times (based on the materials of the Altynazar 4 burial ground)]. *Nizov'ya Syrdar'i v drevnosti. Dzhetyasarskaya kul'tura. Part 5* [The lower reaches of the Syr Darya in antiquity. Jetyasar culture. Part 5]. Moscow, IEA RAS Publ., 1995, p. 96–103. (in Russ.)

Rykushina G. V. Paleoantropologiya karasukskoj kul'tury. [Palaeoanthropology of the Karasuk culture]. Moscow, IAE Publ., 2007, 198 p. (in Russ.)

Troitskaya T. N., Molodin V. I., Sobolev V. I. Arkheologicheskaya karta Novosibirskoi oblasti [An Archaeological map of Novosibirsk region]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 183 p. (in Russ.)

Troitskaya T. N., Borodovskii A. P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya [The Bol'sherechenskaya culture of the Forest-Steppe Ob region]. Novosibirsk, Nauka, 1994, 184 p. (in Russ.)

Tur S. S. Odontologicheskaya kharakteristika naseleniya andronovskoi kul'tury Altaya [Odontological characteristics of the Andronovo culture population from the Altai region]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Altay State University]. Barnaul, ASU Publ., 2009, no 4 (2), p. 228–236 (in Russ.)

Zubov A. A. Odontologiya. Metodika antropologicheskikh issledovanii [Odontology. Methodics of the anthropological investigations]. Moscow, Nauka, 1968, 200 p. (in Russ.)

Zubov A. A., Khaldeeva N. I. Odontologiya v antropofenetike [Odontology in anthropophenetics]. Moscow, Nauka, 1993, 224 p. (in Russ.)

Zubov A. A. Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov [Methodological manual on anthropological analysis of odontological materials]. Moscow, Etno-Onlain Publ., 2006, 72 p. (in Russ.)

Zubova A. V. Novosibirskii lokal'nyi variant kulaiskoi kul'tury v svete antropologicheskikh dannykh [A Novosibirsk Local Variant of Kulay Culture in the Light of Anthropological Data]. *Rol' estestvenno-nauchnykh metodov v arkheologicheskikh issledovaniyakh: Sbornik nauchnykh trudov* [The role of natural science in archaeological research: Collection of scientific papers]. Barnaul, ASU Publ., 2009, p. 17–35. (in Russ.)

Zubova A. V. Predvaritel'nye rezul'taty izucheniya arkhaiskoi sostavlyayushchei odontologicheskikh kompleksov naseleniya Evrazii [Archaic features in dental complexes of Neolithic population of Eurasia. Preliminary results]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology]. Moscow, IEA RAS Publ., 2013a, no 4, p. 107–127 (in Russ.)

Zubova A. V. Sostav nositelei irmenskoi kul'tury Zapadnoi Sibiri po odontologicheskim materialam [The composition of the carriers of the Irmen culture of Western Siberia according to odontological materials]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2013b, iss. 55 (3), p. 132–139. (in Russ.)

Zubova A. V. Naselenie Zapadnoi Sibiri vo II tysyacheletii do nashei ery. [The population of Western Siberia in the II millennium BC]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2014, p. 132–139. (in Russ.)

Zubova A. V., Molodin V. I., Chikisheva T. A. Pervye rezul'taty sravnitel'nogo analiza odontologicheskogo sostava populyatsii odinovskoi kul'tury. K voprosu o yuzhnykh migratsiyakh [The first results of a comparative analysis of the odontological composition of Odinovo culture populations. On the issue of southern migrations]. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2016, vol. 22, p. 292–298. (in Russ.)

For citation:

Kishkurno M. S. Odonthological Characteristics of the Anthropological Series from the Early Iron Age Burial Ground Verkh-Suzun-5 from the Novosibirsk Ob Region. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 137–149. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-5-137-149

УДК 396.4

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-5-150-160

М. В. Васеха

*Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Ленинский проспект, 32а, Москва, 119991, Россия*

maria.vasekha@gmail.com

**«КРЕСТЬЯНКА ГРАМОТНАЯ»:
ЛИКБЕЗ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ
НОВОГО ПАТТЕРНА ЖЕНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ
В 1920-Е ГОДЫ**

Статья посвящена анализу механизмов внедрения нового паттерна женского поведения – «крестьянки грамотной» – в первое десятилетие советской власти. Фактор женской неграмотности стал одним из существенных препятствий при реализации ранней советской политики строительства «нового быта». Научить женщин читать, писать и считать было базовым этапом при воплощении конструкта «новой советской женщины» в рамках советской утопии. По сути, именно после получения этих элементарных навыков можно было говорить о следующих этапах политики в отношении женщин: реализации тезиса о равноправии полов, вовлечении в общественную и политическую жизнь, работу на руководящих должностях, атеистическую кампанию, комплекс работ по линии охраны материнства и младенчества и в целом производить трансформации жизненных стратегий и ценностей. Автор высказывает предположение о том, что провал политики ликбеза и слабое вовлечение девочек в школьное образование в Западной Сибири в 1920-х гг. стали ключевыми причинами того, что образ русской крестьянки в Сибири в этот период еще во многом соответствовал представлениям о роли, функциях и месте женщины в «традиционном» обществе.

Ключевые слова: Западная Сибирь, 1920-е годы, ликбез, политика «раскрепощения» женщин, сибирские крестьянки, паттерны поведения, социальный конструктивизм.

Изменились девки наши,
Девоч наших не узнать:
Дуни, Поли, Клаши, Маши
Книжки начали читать.
Раньше время на вечерки
Мы без пользы тратили.
Книг теперь имеем горки,
Стали мы читатели.

*Из журнала «Красная сибирячка»
[1925. № 5. С. 13]*

Ранняя советская политика ликвидации неграмотности – весьма популярная тема среди отечественных историков. Большинство работ было создано еще в советский период, что наложило на них определенные ограничения: при широком фактическом материале эти исследования носили несколько одностороннюю, идеологически ангажированную трактовку процесса (см., например, [Подружин, 1965; Соколов, 1969] и др.). Анализ постсоветской литературы показал, что сегодня проблема разрабатывается не менее интенсивно, но прева-

Васеха М. В. «Крестьянка грамотная»: ликбез в Западной Сибири и конструирование нового паттерна женского поведения в 1920-е годы // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 5: Археология и этнография. С. 150–160.

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Том 17, № 5: Археология и этнография
© М. В. Васеха, 2018

лируют региональные исследования, опирающиеся на статистические сведения и материалы архивов¹.

Настоящее исследование базируется как на архивных статистических данных, так и на материалах сибирской прессы 1920-х гг. Оригинальность и новизну ему придают материалы полевых этнографических исследований, что позволяет автору дополнить историческую картину, увидеть сухие данные отчетов и статистические сведения под другим углом зрения.

Рассмотрение механизма реализации масштабного советского проекта по ликвидации неграмотности среди взрослых сибирячек через попытку внедрения нового паттерна женского поведения («женщины грамотной») в первое десятилетие советской власти и является основной целью статьи.

В начале 1920-х гг. грамотные мужчины в городах Сибири составляли 61,2 %, а в сельской местности – 26,7 %, грамотные женщины – соответственно 46,9 и 9,2 % [Профессиональное движение, 1923. С. 35–37]. Фактически 90,8 % сибирских крестьянок были неграмотными. Сибирь по показателям грамотности населения сравнению отставала от Европейских губерний России. В 1920 г. на 1 000 человек в Европейской России приходилось 330 грамотных, в Западной Сибири – только 218 человек. Таким образом, из 7 683 499 сибиряков неграмотные составляли более пяти миллионов человек [Перспективы ликвидации неграмотности..., 1923. С. 119]. В 1919 г. вышел Декрет о ликвидации неграмотности², согласно которому все не умеющие читать граждане в возрасте от 8 до 50 лет должны были учиться.

Фактическая работа по ликвидации неграмотности в Сибири началась в 1920 г., когда Сибревком организовал Сибирскую чрезвычайную комиссию по ликвидации неграмотности. Первостепенной ее задачей значилось обучение молодежи в возрасте от 14 до 29 лет, а целью – ликвидировать «взрослую» неграмотность в течение 6–8 лет [Сибревком..., 1959. С. 471].

В 1920–1921 г. работа по организации ликпунктов пошла довольно бодро – начали работу почти 5 000 пунктов по всей Сибири [Перспективы ликвидации неграмотности..., 1923. С. 119]. Однако в связи с началом новой экономической политики, такую работу в 1921–1922 учебном году ослабил перевод политико-просветительских учреждений с государственного снабжения на местный бюджет. Это привело к тому, что сибирские педагоги назвали «крахом» новой работы по ликвидации неграмотности. Количество ликпунктов по Сибири с 1921 на 1922 г. сократилось с 4 832 до 115, т. е. до 2,3 % (что было характерно для всей страны). Несмотря на то что в 1923–1924 гг. опять начался рост числа пунктов ликвидации неграмотности, кампания была уже гораздо менее массовой. В марте 1924 г. в Сибкрае было создано отделение Общества «Долой неграмотность», активными членами общества были женщины-активистки. На средства Общества в Сибири содержалось 30 % всех ликпунктов. Благодаря его работе в 1924 г. в Сибири действовало 630 новых, ранее не существовавших, учреждений по обучению населения, причем 250 из них финансировались из местных бюджетов³.

По итогам переписи населения 1926 г., доля грамотных женщин Западной Сибири в селах составляла 13,4 % против 9,2 % в 1920 г. Увеличение числа грамотных крестьянок на 4,2 %, помимо «успеха» работы ликпунктов, можно «списать» и на тот факт, что при переписи 1926 г. был снижен критерий грамотности. В погоне за числом обученных, к таковым причисляли тех, кто хотя бы немного выучивался читать, но не умел писать. Наиболее высокий уровень грамотности среди женщин приходился на возраст от 15 до 29 лет (от 15 до 19 лет –

¹ Н. П. Овчинникова сфокусировалась на материалах северных губерний России [2009], М. Ю. Харитонов описал опыт организации государственной образовательной политики в Чувашии в 1920-е гг. [2012], Я. И. Петрова рассматривает ликбез как социальный проект на материалах Самарской губернии [2007]. На сибирских материалах о ликвидации неграмотности среди женщин писали И. А. Рябцева [2003] и М. И. Воробьева [2003]; Т. В. Сарычева затронула узкий аспект внедрения физического воспитания в систему народного просвещения Западной Сибири в 1920-х гг. [2015]. Особняком стоит монография историков К. Е. Зверевой и В. А. Зверева «Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX века» [2013], где характеризуются состояние и историческая динамика грамотности сельского населения Сибири, роль школы в образовании и просвещении русского крестьянства на начальном этапе модернизации деревенского сообщества Сибири.

² ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 1. Л. 38–40.

³ ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1185. Л. 96.

31 %; от 20 до 29 лет – 30,7 %). Наименее грамотными оказались женщины в возрасте старше 50 лет. Таким образом, разница в уровне грамотности мужчин и женщин значительно увеличивалась не в пользу женщин с повышением возрастной категории. Если грамотных женщин до 29 лет было примерно в 2 раза меньше, чем мужчин, то в возрасте 30–39 лет – уже почти в 3 раза, а в категории 40–49 лет – в 5 раз [Всесоюзная перепись..., 1928. С. 20–30].

Программа работы с женщинами предполагала не только создание пунктов ликвидации неграмотности, но использование женских клубов, организацию сельхозкурсов, курсов для коммунарок и воскресных школ. Задачей номер один ставилось обучение письму, чтению и счету. Предполагалась и вторая ступень «взрослого» образования – школы малограмотных, в которых расширялись и закреплялись азы основных предметов начального образования. Для женщин, уже вовлеченных в общественную жизнь, например ставших делегатками и хорошо зарекомендовавших себя на делегатских собраниях, предполагалось получение дальнейшего образования. Это могли быть профтехнические, кооперативные, сельскохозяйственные, юридические курсы, курсы советского строительства, охраны материнства и младенчества или рабфаки. Однако вовлечение женщин в дальнейшую активную политическую деятельность в значительной мере затрудняла их неграмотность. Так, в 1927 г. в Томском округе из 5 032 делегатов 1 560 были совсем неграмотными [Контрольные цифры..., 1929]. Этот факт красноречиво свидетельствует не только об «успехах» программы ликбеза, но и об общей ситуации по «женскому вопросу» в Западной Сибири. В общественно-политическую жизнь приходилось вовлекать совсем не подготовленных для этого женщин, не умеющих даже читать и писать.

Помимо общих проблем ликбеза – недостатка финансирования, катастрофической нехватки подходящих для занятий помещений, малого числа учителей, особенно квалифицированных, была и еще одна серьезная проблема сельского образования в Сибири – «рецидив безграмотности» [Сильвич, 1923. С. 119–124] у большинства выпускников. Под «рецидивом безграмотности» подразумевались частые случаи, когда выпускник курсов ликбеза или младшей школы по истечении некоторого времени терял навыки письма, чтения и счета, т. е. вновь, по сути, становился безграмотным. Автор отмечал, что нередким явлением в Сибири бывало, когда выпускники, особенно погруженные в домашние дела женщины, через какое-то время «утрачивали интерес к своему духовному развитию, к дальнейшему накоплению знаний, к осмысливанию окружающего <...> Уровень снижается еще до низшей стадии развития». Столь массовый рецидив безграмотности автор частично объяснял низким уровнем общего развития и низкой квалификацией сельского учительства. Схожие проблемы «возвращения в первозданное состояние» отмечали и работники пунктов по ликвидации неграмотности: «Кампания 1920–1921 гг. показала нам те ошибки, которые мы не должны допускать теперь. <...> Погоня за количеством в ущерб качеству: десятки тысяч ликпунктов выпускали сотни тысяч грамотеев, которые через несколько месяцев возвращались в первобытное состояние и сводили всю работу и колоссальные расходы на нет» [Перспективы ликвидации неграмотности..., 1923. С. 119]. Педагоги отмечали и «перегибы» кампании 1920–1921 гг., «когда принуждение принимало настолько уродливые формы, что некоторые “ликвидаторы” в качестве мер воздействия доходили до “каталажки”» [Там же. С. 121].

Сибирские просветители довольно быстро выявили тот факт, что борьба с женской неграмотностью потребует отдельных усилий. Здесь пришлось столкнуться с комплексом сложных социально-психологических проблем: патриархальными устоями и консерватизмом сибирского крестьянского мира, сложными экономическими и бытовыми условиями, которые препятствовали крестьянкам учиться, а также психологические сложности, связанные с возрастным барьером учениц. В связи с этим учителя, работавшие в ликбезе, отмечали, что для обучения женщин требовались более продолжительные сроки, чем для обучения мужчин.

Финансовые затруднения при переходе к НЭПу привели к закрытию ряда школ в Сибири и единственным средством их существования в сибирских селах стало содержание школ самими крестьянами, как это было в дореволюционные времена. Немаловажной проблемой среди все большего количества сибирских крестьян стала невозможность посылать детей в школу из-за отсутствия у них одежды и обуви в силу общего обнищания населения. Нищающее крестьянство в 1920-х гг. часто не могло себе позволить содержать школу и учителя в деревне. Так, например, на IV Пленуме Бийского окрисполкома тов. Вертен-

никовым давалась следующая характеристика школьному обучению: «Ребятишки, окончив школу, плохо читают, пишут и не знают арифметики. Учителя халатно относятся к своей работе, ищут побочного заработка»⁴. В 1928 г. в отчете по Славгородскому округу Сибкрая говорилось о том, что большинство школьных зданий пришло в полную ветхость, а некоторые сельские школы размещались в избах и даже банях [Жиленков, 1928. С. 113].

В такой ситуации еще сложнее обстояли дела с обучением юных сибирячек. Во всевозможных отчетах на страницах сибирской прессы обращалось особое внимание на низкое посещение школы девочками: на 10 мальчиков приходилась 1 девочка⁵. Сельчане считали, что азы грамотности совершенно не пригодятся девочкам в их жизни, и что женские рабочие навыки намного важнее. Полевые этнографические материалы свидетельствуют о том, что родители часто выступали против желания дочерей обучаться в школе. Из-за этого немало пожилых женщин 1910–1920-х гг. рождения остались неграмотными или малограмотными на всю жизнь, за что впоследствии обижались и испытывали чувство неполноценности. Например, мать Татьяны Ивановны Шадринной (в дев. Толмачевой), 1910 г. р., не пустила ее учиться по причине того, что осталась солдаткой с пятью детьми, и Татьяне нужно было помогать в домашней работе⁶. Татьяна Ивановна вспоминала про свои слезы за прялкой, когда братья уходили в школу, а ей приходилось оставаться дома. «Девочки в школу просились, а их не пускали, считали, что более важное для них занятие – прясть. Бывало, сестра обнимет прясницу, да ревет, в школу охота», – вспоминала П. О. Сибирцева, 1912 г. р. из с. Ордынское Новосибирской области [Фурсова, 1998. С. 108].

Воспоминания учащихся тех лет создают такую картину: многих мальчиков родители насильно заставляли ходить в школу («ходили после порки»⁷), а девочки, которые все-таки попадали за школьную парту, учились с гораздо большей охотой и старательностью, хотя родители предпочитали, чтобы они оставались дома прясть.

На фоне общей нехватки учителей, не говоря уже о квалифицированных, а тем более идеологически выдержанных специалистах, крестьяне часто не доверяли своих детей командированным в деревни «красным» педкадрам. Такие молодые специалисты не всегда находили общий язык с местным населением. В основе крестьянского неприятия, помимо страха втягивания «в коммунию», могли лежать личностные причины, особенности характера приезжавших учителей и даже гендерный признак. В дневнике 17-летней учительницы с. Копкуль Купинского района Мильды Гиртовны Ритмейстер, присланной обучать сибирских детей из Латвии в 1925 г., сообщается, что работа молодой советской учительницы в Сибири началась совсем не гладко: «Вот я и в Копкуле. Учительница, даже завшколой. <...> У моей квартиры толпятся парнишки и довольно громко говорят: “Комсомолка, видели у нее значок... Меня к такой в школу не пустят” <...>» [Судьба учителя, 2001. С. 39]. Через неделю совсем еще молодая учительница М. Г. Ритмейстер пришла на крестьянское собрание, о чем сделана запись: «Ни одной женщины. Им не положено решать дела общества. Старики усмехнулись: “Зачем приехала? Нам така девчонка не надобна. Учитель нужен! Строгий, сурьезный”. Я ответила, что уезжать не собираюсь, а пришла объявить, что завтра начну запись учеников в школу. Старики почти хором: “Не признаем таку учительшу!” <...> В школу на запись ни один ученик не пришел, мои объявления о начале школьных занятий кто-то по-срывал. Тогда я пошла по всем дворам и записала в школу 80 человек, среди них только 26 девочек...» [Судьба учителя, 2001. С. 41]. В глазах сибирских крестьян приехавшая учительница была «чужой», пропагандисткой такой же чуждой крестьянам идеологии, ситуацию усугублял и тот факт, что она являлась одинокой незамужней женщиной.

Еще одними агентами ликвидации неграмотности среди взрослых, в особенности среди женщин, представлялись советским идеологам школьники. Ставка делалась на молодое поколение, по сути детей-пионеров, которые должны были «выполнять заветы Ильича», «организовывать вокруг себя тысячи ребят», «проникать во все поры деревенской жизни», «помогать укреплять новый быт» [Пионеры – по стопам Ильича, 1925. С. 27] и т. д. Очевидно, что через пионеров в «темные» сельские семьи должны были проникать просвещение

⁴ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 27. Л. 83.

⁵ Там же. Л. 75–79.

⁶ По сведениям информатора Т. И. Шадринной.

⁷ По сведениям информатора А. Д. Ческидовой.

и плоды советской культурной революции. Так, например, на страницах «Красной сибирячки» пионерка Лида из Кузнецка Томской губернии сообщала, что сын сторожихи Хорьковой, пионер 2-го отряда, учит мать грамоте: «Как придет из школы и пристанет – читать, да и только. А то законы давай учить: того мама делать нельзя, да другого. Учиться, говорит, надо, Ленин велел» [«Учиться надо...», 1925. С. 27].

В журналах 1920-х гг. активно публиковались не только пропагандистские рассказы, где дети выступали агентами советской власти, «учили» взрослых, но и частушки-агитки на эту тему:

Дома Ванька тятюку с мамкой
Слушать чтение приучил.
Каждый день домой с газетой
Вести новые носил.
Завсегда наш Ванька в смычке
С деревенским мужиком,
Первым он в избе-читальне
Копошится с молотком.

Полевые этнографические материалы автора свидетельствуют о том, что советские новации в быту в сибирской деревне первой начала воспринимать молодежь «российских» переселенцев начала XX в. (южнорусские, украинские, белорусские) как наиболее незащищенные в социально-экономическом плане слои населения.

Проблемы психологического и мотивационного характера ликбеза среди женщин советские идеологи пытались преодолевать с помощью средств пропаганды. Лозунг «Одна газета – на десять дворов!» призывал выписывать газеты и читать их крестьянам и особенно крестьянкам. Рекомендовались журналы «Крестьянка», «Красная сибирячка», «Делегатка» и другие массовые издания. На страницах женской прессы, безусловно, велась активная пропаганда женского образования как базового элемента в политике «раскрепощения женщин». Эти средства массовой информации были мощным рычагом влияния на общественное сознание, с их помощью проводилась работа по моделированию новых женских жизненных сценариев, паттернов поведения [Васеха, 2015].

В Сибири 1920-х гг. локальным средством агитации был специализированный женский журнал «Красная сибирячка». Именно на его страницах велась широкая разъяснительная работа о необходимости женского образования в основном для грамотных жен-активисток, сельских делегатов и учительниц. Предполагалось, что грамотные селянки будут транслировать прочитанную информацию своим неграмотным односельчанкам, например, во время коллективных чтений. Материалы журнала апеллировали к эмоциям сельских жительниц, в художественных рассказах о нелегких женских судьбах поднимались насущные вопросы пьянства мужей, домашнего насилия, угнетения женщин и пр. Здесь же публиковалась информация о ликбезе среди крестьянок «с мест», однако, поскольку журнал был агитационным рупором, существуют сомнения насчет репрезентативности этих материалов, т. е. насколько точно они отражали реальную картину. Эти идеологически «просеянные» и «причесанные» заметки дают современному исследователю представления о новых внедряемых жизненных стратегиях и паттернах поведения для селянок во время сибирской кампании по ликвидации неграмотности в 1920-х гг.

Так, например, в заметке «Как я научилась читать» [Полякова, 1925] крестьянкам дается ориентир, по сути пошаговая программа действия. Делегатка Полякова из с. Колпашево Томской губернии описывала свой случай как типичную для тех лет ситуацию: пошла в вечернюю школу, уговорив мужа остаться с ребенком, но малыш раскричался, и муж больше не захотел оставаться с ним. Однако Полякова не смирилась с ситуацией и нашла выход: попросила соседку-делегатку приходить по вечерам и показывать, что они проходят в школе. «Днем, сидя за прялкой, я руками работала, а глазами смотрела в букварь... таким образом через два месяца я научилась читать» – резюмировала женщина. Конечно, такой случай можно считать единичным для того времени, многие женщины как раз не понимали, для чего им «ломать голову», если можно «прожить и без грамоты».

Самыми популярными средствами пропаганды были художественные произведения: рассказы, были, фельетоны и пр. В рассказе в форме жизненной истории «Пятьдесят лет была неграмотна» (сам автор определил жанр как «быль») живописалось о том, как старшая женщина («хозяйка») большого семейства вместе с внучкой записалась в ликпункт. Кузьмовну Дубову, решившую учиться в 50 лет, сначала семья не поддержала. Старшая сноха испуганно спросила: «А кто же у нас будет стряпать», на что ей возрастная ученица ответила: «50 лет прожила неграмотная, а теперь при советской власти хочу учиться». Со временем домашние «на молодую и старую учениц смотрели тихо и улыбались». Показательно, что Кузьмовна училась писать сакраментальную фразу: «Мы не рабы, рабы не мы». А в день торжественного выпуска произнесла пламенную речь: «Товарищи рабочие, отпускайте своих жен учиться. Я 50 лет была неграмотная, а теперь, спасибо Советской власти, научилась, да вот еще вам сегодня стихи рассказала» [Зацепин, 1925]. История Кузьмовны логично для того времени завершается ее избранием делегаткой от женщин района, что транслировалось как высшее жизненное достижение крестьянок.

В художественных рассказах, затрагивающих вопросы образования женщин, опубликованных в журналах 1920-х гг., описывалась характерная реакция семьи на эту проблему. Так, например, в рассказе «В путь-дорогу» повествуется о молодой вдове Марине, которая собралась в город получать образование. На подобное пожелание дочери старик-отец заявил: «Голову сорвешь, вот увидишь. Разве можно нашему брату за такие пустяки приниматься? До барыни не дорастешь, а от нашего брата оторвешься. Куда будешь годиться?» Мать героини рассказа также считала, что важнее Марине было бы выйти замуж, «пока не устарела, мужика подыскать, чтобы люди пальцем не показывали...». В то же время в рассказе задавался алгоритм поведения в случае подобных реакций со стороны деревенского сообщества — дочь ответила обличительной речью о крестьянском отношении к женщине и традиционным семейным ценностям в целом: «Пожила уже с одним мужем, нагладелась на бабью долю — сласти немного. Хорошая баба, по-вашему, к дому радельная. В книжку глядеть начнешь — нехорошая баба, бездомовница. Про бабу и говорить нечего. Не человек она, не то и на самом деле кобыла какая. Муж едет, шею грызет, свекровь шею грызет. Вся наша беда в темноте, неграмотности. Теперь в город собираюсь, учиться хочу» [Неверов, 1926]. Безусловно, такой рассказ носил пропагандистский характер, в нем была заложена новая женская поведенческая программа: получать образование, уходить из деревни в город, чтобы работать на благо советской власти.

Женская пресса в изобилии публиковала рассказы и «истории из жизни», где молодежь была умнее старших, «знала науку» и «учила жить» своих родителей. Например, в рассказе «Грунины каникулы» [Земальник, 1925] повествовалось, как 19-летняя Груня вернулась в деревню после окончания техникума. Она «с порога» заявила семье: «Не на отдых я приехала, мама. Я теперь ведь ученая, буду помогать вам в хозяйстве». Если учесть, что деревенским детям традиционно вменялось в обязанность помогать родителям, то ничего удивительного в этих словах не было. Новым было то, что образованная Груня взяла инициативу по выхаживанию скота в свои руки, отвергая полностью неэффективный родительский опыт, но используя ветеринарные знания. Хорошие результаты работы заставили отца признать авторитет дочери. В итоге отец Груни произнес сакральные для советской власти слова: «Другие времена пришли. Мы век прожили, ничему не научились, ничего не знали и умрем нищими. Ты, Груня, свет мне показала <...>. Вы теперь хозяева, ведите хозяйство, а мы со старухой будем вашими подначальниками. Езжай, Груня, доучивайся, а приедешь, нас стариков учить будешь».

При высокой декларативности проблемы всеобщей ликвидации безграмотности в 1920-е гг. можно констатировать, что в Сибири не удалось добиться заметных результатов в этом вопросе ни среди взрослых крестьянок, ни среди сельских девочек школьного возраста. Факт того, что «до 1928/29 г. размах работы по ликбезу в Сибири оказался незначительным», был признан даже современниками событий [Итоги развития..., 1934. С. 87]. В процессе проведения сибирской кампании ликбеза в 1920-х гг. обучение сельских девочек и женщин в сравнении с мальчиками и мужчинами было осложнено патриархальными установками, консерватизмом мужчин, загруженностью домашней работой и в целом отсутствием мотивации у взрослых женщин учиться. Более того, в общественном мнении сельского общества счита-

лось, что образование будет мешать женщине реализовывать свои основные функции жены, матери и хозяйки. В период 1920-х гг. «женщина хозяйственная» обладала значительно более высоким статусом, чем «женщина грамотная», несмотря на конструирование и внедрение нового паттерна женского поведения. Новыми возможностями дальнейшего обучения пользовались лишь единицы крестьянок-сибирячек, чаще молодые девушки, в основном «по партийной линии». Таким образом, немало пожилых женщин 1910-х – начала 1920-х гг. рождения остались неграмотными или малограмотными.

Ставка советской власти была сделана на молодое поколение, в том числе незамужних, которым в будущем предстояло воспитывать собственных детей. Именно они должны были принести в село новые ценности, создавать «новый быт» и распространять плоды просвещения, обучать стариков жить по-новому. Вовлеченные в общественное воспитание дети, по задумке советских идеологов, должны были стать не только примером для своих родителей, но и внутрисемейными агентами влияния.

Возможно, провал политики ликбеза и слабое вовлечение девочек в школьное образование в Западной Сибири в 1920-х гг., стали ключевыми причинами того, что образ русской сибирской крестьянки в этот период еще во многом соответствовал традиционным представлениям о роли, функциях и месте женщины. Только в 1930-е гг., когда политика ликвидации неграмотности начала приносить первые плоды [Рябцева, 2003. С. 79], вкупе с процессами раскрестьянивания и массовыми репрессиями стали серьезно трансформироваться традиционные представления об образе женщины-крестьянки, ее роли в семье и общественной жизни [Васеха, 2017. С. 66].

Список литературы

Васеха М. В. Влияние женской всесоюзной и сибирской прессы 1920-х гг. на формирование новых поведенческих моделей сибирячек // Вестн. РУДН. Серия: История России. 2015. № 3. С. 60–70.

Васеха М. В. «Новая советская женщина»: конструирование образа в 1920-е годы (по материалам юга Западной Сибири) // Вестн. РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2 (87). С. 57–67.

Воробьева М. И. Ликвидация неграмотности женщин Западной Сибири (1929–1937 гг.) // Наука и образование: Материалы Всерос. науч. конф. Секция история. Белово: Изд-во КемГУ, 2003. С. 62–68.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Сибирский край. М.: Центр. упр. статистики СССР, 1928. Отд. 1: Народность, родной язык, возраст, грамотность. 339 с.

Жиленков. Культурная революция в Славгородском округе // Жизнь Сибири. 1928. № 9–10. С. 110–115.

Зацепин К. Пятьдесят лет была неграмотна. Быль // Красная сибирячка. 1925. № 5. С. 24–25.

Земальник П. Грунины каникулы // Красная сибирячка. 1925. № 1. С. 20–22.

Зверева К. Е., Зверев В. А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX века. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 237 с.

Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Западной Сибири за первое пятилетие (1928–1932 гг.) Новосибирск: [Б. и.], 1934. 259 с.

Контрольные цифры. Социально-культурное строительство // Жизнь Сибири. 1929. № 7–8. С. 99–100.

Неверов А. В путь-дорогу // Крестьянка. 1926. № 7. С. 4–6.

Овчинникова Н. Н. Ликвидация неграмотности в северных губерниях в 1920-е годы: успехи и трудности // Вестн. Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. С. 11–16.

Перспективы ликвидации неграмотности в Сибири // Сибирский педагогический журнал. 1923. № 2. С. 119–121.

Петрова Я. И. Ликбез как социальный проект (на материалах Самарской губернии, 1920–1930-е годы) // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5, № 4. С. 519–539.

Пионеры – по стопам Ильича // Красная сибирячка. 1925. № 1. С. 27.

Подружин Г. И. Ликвидация неграмотности взрослого населения Западной Сибири в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) // Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1965. Вып. 2: Культурное строительство в Сибири. С. 104–127.

Полякова. Как я научилась читать // Красная сибирячка. 1925. № 9. С. 21.

Профессиональное движение. 1923. № 3–4.

Рябцева И. А. Ликвидация неграмотности женщин Западной Сибири в 1920–1930-х гг. // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск: [Б. и.], 2003. Вып. 6. С. 70–80.

Сарычева Т. В. Становление физического воспитания в системе народного просвещения в Западной Сибири в 1920-е годы // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 391. С. 140–147.

Сибревком. Август 1919 – декабрь 1925: Сб. документов и материалов. Новосибирск: [Б. и.], 1959. 471 с.

Сильвич. «Школа для деревни или деревня для школы» (К вопросу о типе сибирской сельской школы) // Сибирский педагогический журнал. 1923. № 3. С. 119–134.

Соколов Ю. Ф. Ликвидация неграмотности и малограмотности и повышение общеобразовательного уровня среди трудящихся масс Западной Сибири (1933–1937 гг.). // Вопросы истории Сибири. Серия историческая. Томск: Изд-во ТГУ, 1969. Вып. 4. С. 253–261.

Судьба учителя // Судьба человеческая / Новосиб. гос. обл. дом народного творчества. Новосибирск, 2001. 97 с.

Фурсова Е. Ф. Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья // Русские Сибири: культура, обычаи и обряды. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 97–128.

Харитонов М. Ю. Опыт реализации государственной образовательной политики в Чувашии в 1920-е годы (гендерный аспект) // Вестн. Чуваш. ун-та. 2012. № 4. С. 61–66.

«Учиться надо – Ленин велел», – этим наполняют пионеры жизнь семьи // Красная сибирячка. 1925. № 1. С. 27.

Список источников

ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1185. Л. 96; Ф. 47. Оп. 1. Д. 27. Л. 75–79, 83.

ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 1. Л. 38–40.

Список информантов

Ческидова Анна Денисовна, 1915 г. р., дер. Малышево Барнаульского уезда. По линии отца приехали из Смоленской губернии, по линии матери – из Курской.

Шадрина Татьяна Ивановна, 1910 г. р., дер. Шубинка Зонального района Алтайского края. Родилась в Шубинской волости Бийского уезда Томской губернии.

Материал поступил в редколлегию 15.03.2018

M. V. Vasekha

*Institute of Ethnology and Anthropology N. N. Miklukho-Maklay RAS
32a Leninsky Ave., Moscow, 119991, Russian Federation*

maria.vasekha@gmail.com

«PEASANT LITERACY»: EDUCATIONAL PROGRAM IN WESTERN SIBERIA AND THE CONSTRUCTION OF A NEW PATTERN OF FEMALE BEHAVIOR IN THE 1920'S

Purpose. The article analysis the mechanisms of inculcation for a new pattern of female behavior – «literate peasant women» and the peculiarities of the process of illiteracy elimination among Siberians in the first decade of Soviet authority. In the early 1920's. literate men in the cities of Siberia accounted for 61.2 %, and in rural areas – 26.7%, literate women – respectively 46.9 % and

9.2 %. In fact, 90.8 % of Siberian peasant women were illiterate. Women's program consists not only the points illiteracy, but women's clubs, organization of agricultural courses and Sunday schools. Paramount task was learning to write, read and count. It was assumed and the second stage of «Adult» education – schools of half-educated with basic subjects of primary education. The factor of female illiteracy has become one of the significant obstacles in the implementation of the early Soviet policy of building a «new way of life» («novyi byt») and emancipation of women. Teach women to read, write and count was the basic stage in the embodiment of the construct of the «new Soviet woman» within the framework of the Soviet utopia. In fact, after receiving these elementary skills, the following stages of Women policy may began: implementation of the thesis on gender equality, involvement in public and political life, work in leadership positions, atheistic campaign, a complex of work on maternity and infancy, and in general, to produce global transformations of women's life strategies and values.

Results. The early Soviet policy on eliminating illiteracy is a very popular topic among Russian historians. Most of the works were created during the Soviet period, which imposed certain restrictions on them: with extensive factual material, these studies bore a somewhat one-sided, ideologically biased interpretation of this process. An analysis of post-Soviet literature showed that today the problem is being worked out no less intensively. Regional studies, based on statistical information and archival materials, prevail. This study is based both on archival, statistical data, and on the materials of the Siberian press of the 1920's. The originality of the work is given by the materials of field ethnographic research, which allows the author to supplement the historical picture, and, perhaps, see the dry report data and statistical data from a different angle.

Conclusion. The author makes the assumption that the failure of the policy of education and the weak involvement of girls in school education in Western Siberia in the 1920's became one of the key reasons that the image of a Russian peasant woman in Siberia during this period still largely corresponded to the notions of the role, functions and place of a woman in a «traditional» society.

Keywords: Western Siberia, 1920's, literacy campaign, emancipation policy, Siberian peasant women, behavior patterns, social constructivism.

References

- «Uchit'sya nado – Lenin velel», – etim napolnyayut pionery zhizn' sem'i [«We must learn, Lenin said», – this is the pioneer life of the family]. *Krasnaya sibiryachka* [Red Siberian], 1925, no. 1, p. 27. (in Russ.)
- Fursova E. F. Traditsii obrabotki l'na u vostochnykh slavyan Verkhnego Priob'ya [Traditions of flax processing in the eastern Slavs of the Upper Ob River]. *Russkie Sibiri: kul'tura, obychai i obryady* [Russian Siberia: culture, customs and rituals]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1998, p. 97–128. (in Russ.)
- Itogi razvitiya narodnogo khozyaystva i kul'turnogo stroitel'stva Zapadnoi Sibiri za pervoe pyatiletiye (1928–1932 gg.) [Results of the development of the national economy and the cultural construction of Western Siberia during the first five-year period (1928–1932)]. Novosibirsk, 1934, 259 p. (in Russ.)
- Kharitonov M. Yu. Opyt realizatsii gosudarstvennoi obrazovatel'noi politiki v Chuvashii v 1920-e gody (gendernyi aspekt) [Experience in implementing the state educational policy in Chuvashia in the 1920's (gender aspect)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2012, no. 4, p. 61–66. (in Russ.)
- Kontrol'nye tsifry. Sotsial'no-kul'turnoe stroitel'stvo [Check digits. Social and cultural construction]. *Zhizn' Sibiri* [Life of Siberia], 1929, no. 7–8, p. 99–100.
- Neverov A. V put'-dorogu [In the way-road]. *Krest'yanka* [Peasant], 1926, no. 7, p. 4–6. (in Russ.)
- Ovchinnikova N. N. Likvidatsiya negramotnosti v severnykh guberniyakh v 1920-e gody: uspekhi i trudnosti [Elimination of illiteracy in the northern provinces in the 1920's: successes and difficulties]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 2009, p. 11–16. (in Russ.)

Perspektivy likvidatsii negramotnosti v Sibiri [Prospects for the elimination of illiteracy in Siberia]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 1923, no. 2, p. 119–121. (in Russ.)

Petrova Ya. I. Likbez kak sotsial'nyi proekt (na materialakh Samarskoi gubernii, 1920–1930-ye gody) [Likbez as a social project (on the materials of the Samara province, 1920–1930's)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [Journal of Social Policy Studies], 2007, vol. 5, no. 4, p. 519–539. (in Russ.)

Pionery – po stopam Il'icha [Pioneers – in the footsteps of Ilyich]. *Krasnaya sibiryachka* [Red Siberian], 1925, no. 1, p. 27. (in Russ.)

Podruzhin G. I. Likvidatsiya negramotnosti vzroslogo naseleniya Zapadnoi Sibiri v gody pervoi pyatiletki (1928–1932 gg.) [Elimination of illiteracy of the adult population of Western Siberia during the First Five-Year Plan (1928–1932)]. *Sibir' v period stroitel'stva sotsializma i perekhoda k kommunizmu* [Siberia during the period of building socialism and transition to communism]. Novosibirsk, SB AS USSR Publ., 1965, iss. 2: Cultural construction in Siberia, p. 104–127. (in Russ.)

Polyakova. Kak ya nauchilas' chitat' [How I learned to read]. *Krasnaya sibiryachka* [Red Siberian], 1925, no. 9, p. 21. (in Russ.)

Professional'noe dvizheniye [Professional movement], 1923, no. 3–4, p. 35–37. (in Russ.)

Ryabtseva I. A. Likvidatsiya negramotnosti zhenshchin Zapadnoi Sibiri v 1920–1930-kh gg. [Elimination of illiteracy in Western Siberia in the 1920–1930's]. *Voprosy istorii Sibiri XX veka* [Questions of the History of Siberia of the XX century]. Novosibirsk, 2003, iss. 6, p. 70–80. (in Russ.)

Sarycheva T. V. Stanovlenie fizicheskogo vospitaniya v sisteme narodnogo prosveshcheniya v Zapadnoi Sibiri v 1920-ye gody [The formation of physical education in the system of public education in Western Siberia in the 1920's]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2015, no. 391, p. 140–147. (in Russ.)

Sibrevkom. Avgust 1919 – dekabr' 1925. Sbornik dokumentov i materialov [Sibrevkom. August 1919 – December 1925. Collection of documents and materials] Novosibirsk, 1959, 471 p. (in Russ.)

Sil'vich «Shkola dlya derevni ili derevnya dlya shkoly» (K voprosu o tipe sibirskoi sel'skoi shkoly) [«School for a village or a village for school» (On the question of the type of the Siberian rural school)]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 1923, no. 3, p. 119–134. (in Russ.)

Sokolov Yu. F. Likvidatsiya negramotnosti i malogramotnosti i povyshenie obshcheobrazovatel'nogo urovnya sredi trudyashchikhsya mass Zapadnoi Sibiri (1933–1937 gg.). [Elimination of illiteracy and illiteracy and raising the general educational level among the working masses of Western Siberia (1933–1937)]. *Voprosy istorii Sibiri. Seriya istoricheskaya* [Questions of the history of Siberia. Historical' series]. Tomsk, TSU Publ., 1969, iss. 4, p. 253–261. (in Russ.)

Sud'ba uchitelya [The fate of the teacher]. *Sud'ba chelovecheskaya* [The fate of man]. Novosibirsk, Novosibirsk State Regional House of Folk Art Publ., 2001, 97 p. (in Russ.)

Vasekha M. V. «Novaya sovetskaya zhenshchina»: konstruirovaniye obraza v 1920-ye gody (po materialam yuga Zapadnoi Sibiri) [«The New Soviet Woman»: Designing the Image in the 1920's (Based on the Materials of the South of Western Siberia)]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Russian Fond of Fundamental Research. Humanities and Social Sciences], 2017, no. 2 (87), p. 57–67. (in Russ.)

Vasekha M. V. Vliyanie zhenskoi vsesoyuznoi sibirskoi pressy 1920-kh gg. na formirovaniye novykh povedencheskikh modelei sibiryachek [The influence of the women's All-Union and Siberian press in the 1920's on the formation of new behavioral models of Siberians]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia], 2015, no. 3, p. 60–70. (in Russ.)

Vorob'yeva M. I. Likvidatsiya negramotnosti zhenshchin Zapadnoi Sibiri (1929–1937 gg.) [Elimination of illiteracy in Western Siberia (1929–1937)]. *Nauka i obrazovaniye. Materialy Vserossiyskoi nauchnoi konferentsii. Sektsiya istoriya* [Science and Education. Materials of the All-Russian Scientific Conference. Section History]. Belovo, KemSU Publ., 2003, p. 62–68. (in Russ.)

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. Sibirskii krai [All-Union Population Census of 1926. Siberian Territory]. Moscow, Central Statistical Control of the USSR Publ., 1928, Otd. 1:

Narodnost', rodnoi yazyk, vozrast, gramotnost' [Nationality, native language, age, literacy], 339 p. (in Russ.)

Zatsepin K. Pyat'desyat let byla negramotna. Byl' [Fifty years was illiterate. Byl]. *Krasnaya sibiryachka* [Red Siberian], 1925, no. 5, p. 24–25. (in Russ.)

Zemal'nik P. Gruniny kanikuly [Grunya's vacation]. *Krasnaya sibiryachka* [Red Siberian], 1925, no. 1, p. 20–22. (in Russ.)

Zhilenkov. Kul'turnaya revolyutsiya v Slavgorodskom okruge [The Cultural Revolution in the Slavgorod District]. *Zhizn' Sibiri* [Live of Siberia], 1928, no. 9–10, p. 110–115. (in Russ.)

Zvereva K. E., Zverev V. A. Kak Sibir' uchilas' chitat': shkola, gramotnost' i kniga v russkoi derevne kontsa XIX – nachala XX veka [How did Siberia learn to read: school, literacy and a book in the Russian village of the late XIX – early XX century]. Novosibirsk, NSPU Publ., 2013, 237 p. (in Russ.)

For citation:

Vasekha M. V. «Peasant Literacy»: Educational Program in Western Siberia and the Construction of a New Pattern of Female Behavior in the 1920's. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 150–160. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-5-150-160

УДК 902, 903

А. П. Бородовский, С. Г. Скобелев

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

sgskobelev@yandex.ru

**ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РЕЛИГИЯ, КУЛЬТУРА И ТЕХНОЛОГИИ» ***

В столице Исламской Республики Иран г. Тегеране, а также в священном для мусульман-шиитов г. Куме с 24 по 28 апреля 2018 г. проходила работа Первой международной конференции «Религия, культура и технологии». Конференция, ставшая первой в ряду планируемых в дальнейшем научных форумов по данной проблематике, проводилась университетами Багир ал-Олум (Baqir al-Olum University) и Технологическим университетом Шариф (Sharif University of Technology) (рис. 1).

Участниками конференции стали исследователи из Германии, Швейцарии, Индии, Канады, России, Великобритании, Франции, Литвы, Туниса, Ирака и, разумеется, Ирана. Фактически, это были две конференции, поскольку обе ее действовавшие секции формировались по языковому принципу – доклады только на фарси и только на английском (рис. 2). Работа обеих секций велась по следующим направлениям: «Философия и теоретические основания для развития технологий»; «Культура и технологии»; «Нравственные ценности и технологии»; «Отношения между религиями и технологиями»; «Религия и медиатехнологии»; «Культурные составляющие технологий»; «Культура, информация и взаимоотношения между медиатехнологиями (ICT) и виртуальным пространством»; «Культурные аспекты разработки политики и футурологии в Иране»; «Технологии и проблемы семьи и женщин»; «Культурные аспекты проблемы окружающей среды и технологий»; «Культурно-социальные влияния на развитие технологий». Оргкомитетом конференции было рекомендовано ее участникам при подготовке докладов по каким-либо аспектам религиозной проблематики детально освещать и историю вопроса. Поэтому один из авторов настоящей публикации предложил сделать доклад, касающийся развития медицинских технологий, использовавшихся священнослужителями и целителями у ираноязычного населения Приобья в раннем железном веке, по археологическим данным. Другой из авторов представил доклад, касающийся влияния иранской мифологии на религиозные воззрения древних тюрок на примере почитания богинь плодородия Дзерассы у иранского населения и Умай у тюрок, а также особенно-стей передовых в Средние века технологий изготовления из драгоценных материалов раз-

* Сообщение подготовлено по тематике государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9).

Бородовский А. П., Скобелев С. Г. Первая международная научная конференция «Религия, культура и технологии» (Иран; Тегеран и Кум, 24–28 апреля 2018 года) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 5: Археология и этнография. С. 161–164.

Рис. 1 (фото). Открытие конференции (фото С. Г. Скобелева)

Рис. 2 (фото). Перед началом работы англоязычной секции конференции (фото С. Г. Скобелева)

личных предметов с образами этих богинь. Данная тематика была принята, и такие доклады сделаны на англоязычной секции конференции (рис. 3), причем с упором на характер использования данных сведений и материалов в технологиях и содержании соответствующих сообщений в СМИ.

В целом, на англоязычной секции в конкретных докладах рассматривались вопросы истории развития религий, взаимоотношений религии и общества в различные периоды на территориях Азии и Европы, доктрины образа бога в разных конфессиях и их зависимость

Рис. 3 (фото). Рабочий момент конференции (фото А. П. Бородавского)

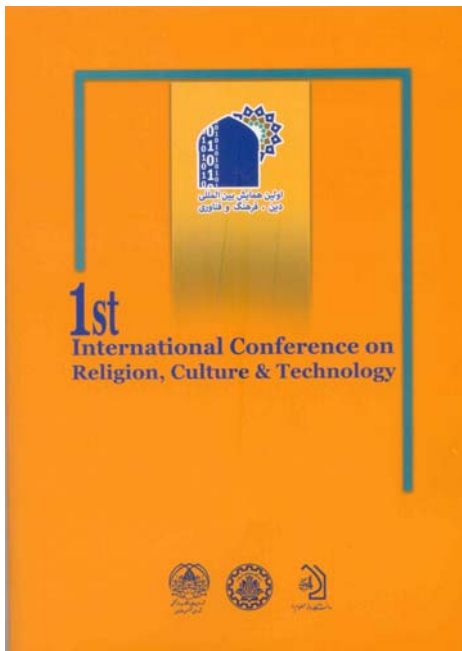

Рис. 4. Сборник тезисов докладов конференции

от уровня технологического развития социумов, их мировоззрения, киберпространства и священных миров в современности, антропологии гуманности, характера влияний современного ислама шиитского толка на развитие технологий в Иране и т. д. Собственно, смысл проведения конференции подобного рода в понимании ее организаторов (в их числе имелось и много священнослужителей) состоял, видимо, в том, чтобы найти конкретные факты и обоснования для выявления, выделения и подчеркивания гармонии взаимоотношений между религией и формируемой ею культурой с древними и современными технологиями с упором на примеры сегодняшнего состояния иранского общества и ислама.

По итогам конференции в Куме состоялся «Круглый стол», на котором участники конференции обменялись мнениями по существу поднятых вопросов и возможностей их объективного решения. В специальном сборнике оргкомитетом конференции опубликованы тезисы доклада на английском языке и фарси (рис. 4). Планируется полное издание ее трудов.

В рамках конференции проводились экскурсии в различные музеи. В частности, в Тегеране нами были

изучены экспозиции Национального музея Ирана (включая раздел исламского периода истории страны), а также средневековые археологические материалы с территории Ирана и Средней Азии, представленные в рамках работы выездной выставки в Тегеране музея Лувр (Франция), проходившей в эти же дни. Поразило количество желающих посетить Национальный музей Ирана – к середине дня наполовину состоявшая из иностранцев очередь за билетами в музей протянулась почти на сотню метров. В Музее ковров нами было обращено внимание участников конференции на выставленную здесь качественную реконструкцию ковра из раскопок В. И. Руденко погребений пазырыкской культуры на Алтае – ковер в соответствующей экспозиции обозначен как древнейший на планете. В Куме участники конференции посетили Дом-музей многолетнего духовного лидера Ирана аятоллы Хомейни, оказавшийся довольно скромным по своим размерам и обстановке.

Полученные результаты будут использованы в НГУ в образовательной сфере в рамках чтения основного учебного курса «Полевая археология», а также в научной работе с при-

влечением материалов фондов указанных музеев в рамках изучения таких тем, как средне-вековая торевтика Сибири и Центральной Азии, зороастризм в Сибири, сасанидские влияния на культуру древних тюрок и др.

Материал поступил в редколлегию 24.05.2018

A. P. Borodovsky, S. G. Skobelev

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

sgskobelev@yandex.ru

FIRST INTERNATIONAL CONFERENCE ON RELIGION, CULTURE AND TECHNOLOGY

The capital of the Islamic Republic of Iran – the city of Tehran and the Holy City of Qom from April 24 to 28, 2018, became the places of work of the First International scientific conference «Religion, Culture and Technology».

Purpose. The conference was attended by researchers from Germany, Switzerland, India, Canada, Russia, Britain, France, Lithuania, Tunisia, Iraq and, of course, Iran. Researchers reported the results of solving the issues of the history of the development of various religions, the relationship of religion and society in different periods in the territories of Asia and Europe, the doctrine of the image of God in different faiths and their dependence on the level of technological development of societies, their worldview, cyberspace and sacred worlds in modern times, the anthropology of humanity, the nature of the influence of modern Shiite Islam on the development of technology in Iran, etc. The actual meaning of holding a conference of this kind in the understanding the organizers (including many clergymen) consisted, apparently, in finding concrete facts and justifications for identifying, highlighting and emphasizing the harmony of the relationship between religion and culture, ancient and modern technologies, with an emphasis on examples of the current state of Iranian society and Islam.

Results. The organizing committee for the conference recommended that in detailing the history of the issue in the preparation of reports on some aspects of religious issues only. Therefore, one of the authors of this publication gave a presentation concerning the development of the archaeological data of medical technologies used by priests and healers at the Iranian population of Ob' region in Siberia the early Iron Age. Another of the authors presented a report on Iranian mythology influences on the religious beliefs of the ancient Turks as an example of honoring the goddesses of fertility Dzerassa the Iranian population and Umai among the Turks, as well as the advanced features of the Middle Ages manufacturing techniques with precious materials of different items with images of goddesses. Within the framework of the conference excursions were organized to various museums. In particular, in Tehran, we studied the exposure of Iran National Museum (including a section of the Islamic period in the history of the country), as well as medieval archaeological materials from the territory of Iran and Central Asia, presented in the framework of a visiting exhibition in Tehran Louvre Museum (France), held in the same days. As a result of the conference in the city of Qom held a «roundtable», at which the participants of the conference exchanged views on the substance of the issues raised and the possibilities of their objective resolution. In the special digest the organizing committee of the conference published the theses of the report in English and Farsi. A full edition of her works is planned.

Conclusion. The results obtained will be used at the Novosibirsk State University in the field of education as part of the reading of the basic training course «Field Archaeology», as well as in scientific work using the materials of the funds of the mentioned museums in the study of such topics as medieval toreutics of Siberia and Central Asia, Zoroastrianism in Siberia, Sassanian influences on the culture of ancient Turks, and so on.

Keywords: Iran, religion, culture, technology, scientific conference 2018.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГУ	– Алтайский государственный университет, Барнаул
АН СССР	– Академия наук Союза советских социалистических республик
АО	– Археологические открытия
БГМУ	– Белорусский государственный медицинский университет, Минск
БНЦ СО РАН	– Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГАНО	– Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации, Москва
ДВО РАН	– Дальневосточное отделение Российской академии наук
ЕНУ	– Евразийский национальный университет, Астана, Казахстан
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук, Москва
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИИМК	– Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
ИЭА РАН	– Институт этнологии и антропологии РАН, Москва
КарГУ	– Карагандинский государственный университет, Казахстан
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
ЛГПУ	– Липецкий государственный педагогический университет
МАЭ РАН	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург
МГУ	– Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР, Москва, Ленинград
МНР	– Монгольская Народная Республика
НА	– Научный архив
НГПУ	– Новосибирский государственный педагогический университет
НАЭ	– Новосибирская археологическая экспедиция
НА НОКМ	– Научный архив Новосибирского областного Краеведческого музея
НВП	– начальный верхний палеолит
НГУ	– Новосибирский государственный университет
НГКМ	– Новосибирский государственный краеведческий музей
НГПИ	– Новосибирский государственный педагогический институт
НГПУ	– Новосибирский государственный педагогический университет
НЭП	– новая экономическая политика
ОИАК	– Общество изучения Амурского края
ПМА	– полевые материалы автора
РА	– Российская археология
РАН	– Российская академия наук
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
РУДН	– Российский университет дружбы народов, Москва
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
ТГУ	– Томский государственный университет

ТИЭ	– Труды Института этнографии
ЦА	– Центральная Азия
ЮС	– Южная Сибирь
AS	– Academy of Sciences
ASU	– Altay State University, Barnaul
AS USSR	– Academy of Sciences Union of Soviet Socialist Republics
IAE SB RAS	– Institute of archaeology and ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk
KSU	– Kemerovo State University
KSPU	– Krasnoyarsk State Pedagogical University
NSU	– Novosibirsk State University
NSPI	– Novosibirsk State Pedagogical Institute
NSPU	– Novosibirsk State Pedagogical University
RAS	– Russian Academy of Sciences
SB RAS	– Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
TSU	– Tomsk State University
USSR	– Union of Soviet Socialist Republics

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Азаренко Юлия Анатольевна** – старший преподаватель кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета
- Акимова Елена Васильевна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Красноярской лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, Красноярск
- Артемьева Надежда Григорьевна** – кандидат исторических наук, заведующая сектором средневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
- Балюнов Игорь Валерьевич** – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, ведущий инженер лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета
- Белоусова Наталья Евгеньевна** – младший научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Борисенко Алиса Юльевна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований, доцент Новосибирского государственного университета
- Бородовский Андрей Павлович** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, доцент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета
- Васеха Мария Владимировна** – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Москва
- Вашков Андрей Александрович** – кандидат геолого-минералогических наук, научный сотрудник Геологического института Кольского научного центра РАН, Апатиты
- Горохов Сергей Валерьевич** – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Деревянко Анатолий Пантелеевич** – доктор исторических наук, академик РАН, заведующий кафедрой всеобщей истории Новосибирского государственного университета, научный руководитель Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Кишкурно Мария Святославовна** – младший научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Козликин Максим Борисович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Комиссаров Сергей Александрович** – кандидат исторических наук, профессор кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета, старший научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Кукушкин Игорь Алексеевич** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Сарыаркинского археологического института Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова, Казахстан
- Молодин Вячеслав Иванович** – доктор исторических наук, академик РАН, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, главный научный сотрудник кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета
- Мыльникова Людмила Николаевна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

- Нестерова Марина Сергеевна** – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Рыбин Евгений Павладьевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Скобелев Сергей Григорьевич** – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета, ведущий специалист отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Славинский Вячеслав Сергеевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела охранно-спасательной археологии Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Соловьёв Александр Иванович** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Соловьёва Елена Анатольевна** – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Стасюк Иван Владимирович** – старший преподаватель кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева
- Табарев Андрей Владимирович** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Харевич Владимир Михайлович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Красноярской лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, Красноярск
- Хаценович Арина Михайловна** – младший научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Худяков Юлий Сергеевич** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, профессор кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета
- Швецова Екатерина Сергеевна** – магистрант кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета
- Шуныков Михаил Васильевич** – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Автор (соавторы), направляя статью в редакцию журнала, на безвозмездной основе передает (ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных договоров Российской Федерации являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, на распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (и исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на предоставление всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Авторы представляют статьи на русском или английском языке. Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм равняется 1/6 авторского листа или 6,7 тыс. знаков); объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 8 тыс. знаков. В случае превышения указанных объемов такая публикация может быть принята к печати лишь по отдельному решению редколлегии. Публикация источников – по согласованию с редколлегией.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Подробно ознакомиться с правилами оформления статей, а также проследить за ходом работы с Вашей статьей в редколлегии выпуска можно по адресу:

http://gf.nsu.ru/www/?page_id=195 – оперативная страница.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Археология и этнография»: каб. 1260 и 1262, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. Тел. +7 (383) 363 42 62